

КАВКАЗ - 2008

Ежегодник Института Кавказа

Ереван, 2010

УДК 32.001:06
ББК 66
К 126

КАВКАЗ-2008. Ежегодник Института Кавказа. — Ер.: Институт Кавказа, 2010. — 211 с.

К 126 Шестой выпуск Ежегодника посвящен итогам 2008 г. на Кавказе. В основу сборника легли доклады, сделанные учеными из Азербайджана, Армении, Грузии, Турции, России и США на Ежегодной конференции Института Кавказа в апреле 2009 г. Статьи сборника посвящены различным аспектам жизни Южного и Северного Кавказа в 2008 г.; в них отражена общая динамика политических и социально-экономических процессов на Кавказе, описано положение в сфере региональной безопасности, проанализированы перспективы урегулирования конфликтов.

Редактор: **Александр Искандарян**

Редколлегия: **Нина Искандарян, Сергей Минасян**

Дизайн обложки: студия «*Matit*» / www.matit.am

Географические карты и верстка: студия «*Коллаж*» / www.collage.am

The Caucasus 2008. CI Yearbook. — Yerevan, CI, 2010. — 211 p.

The sixth CI Yearbook sums up year 2008 in the Caucasus based on talks given at the Yearly CI conference in April 2009 by scholars coming from Armenia, Azerbaijan, Georgia, Turkey, Russia and the US. The volume includes analytical papers dealing with various aspects of life in the Southern and Northern Caucasus in 2008. The papers reveal the overall trends in the politics, economics and societies of the Caucasus, outline the situation in regional security, and analyze prospects for conflict resolution.

Edited by **Alexander Iskandaryan**

Copy editing by **Nina Iskandaryan** and **Sergey Minasyan**

Cover design by **Matit** / www.matit.am

Maps and text layout by **Collage** / www.collage.am

ISBN 978-99941-2-364-2

ББК 66

© Институт Кавказа, 2010 г.

© 2010 by Caucasus Institute

Издание опубликовано при поддержке Европейского Союза, Швейцарского агентства развития и сотрудничества и Фонда Генриха Бёлля.

The publication of this volume was made possible by the support of the European Union, Swiss Development and Cooperation Agency and the Heinrich Böll Foundation.

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора 5

Страны и регионы Кавказа в 2008 г.

Ариф Юнусов
Азербайджан в 2008 г. 7

Сурен Золян
Армения в 2008 г.: феодальная демократия или
демократический феодализм 24

Гиа Нодиа
Грузия в 2008 г.: испытание на прочность. 43

Давид Петросян
Непризнанные страны Южного Кавказа в 2008 г.:
прецеденты и перспективы 68

Арутюн Хачатрян
Экономика стран Южного Кавказа в 2008 г.:
три разные экономики 83

Сергей Арутюнов
Северный Кавказ: ситуация по состоянию на 2008 г. 93

Война в августе 2008 г.

Александр Искандарян
Эскизы нового статус-кво на Южном Кавказе 101

Сергей Минасян
«Пятидневная война» августа 2008 г.:
военно-политический анализ. 106

Георгий Гогсадзе, Георгий Санадзе Позиция экспертов и студентов относительно конфликтов в постсоветской Грузии	154
---	-----

Внешние игроки на Кавказе в 2008 г.

Бюлент Арас Турция и Южный Кавказ в 2008 г.	168
---	-----

Ричард Гирагосян США и Кавказ в 2008 г.	181
---	-----

Владимир Школьников 2008-й год: необратимое вовлечение Европы в дела Кавказа?.	188
---	-----

Об авторах	202
-----------------------------	-----

Издания Института Кавказа.	203
---	-----

От редактора

Перед вами шестой номер Ежегодника Института Кавказа. Называется он «Кавказ - 2008». Как видно из самого названия, он посвящен анализу основных событий 2008 г. в общественно-политической и социально-экономической жизни кавказского региона, показу значимых тенденций и событий, оказавших влияние на Северный и Южный Кавказ, анализу ситуации в сфере региональной безопасности, внешней и военной политики. Статьи сборника составлены преимущественно на основе докладов, представленных в ходе традиционной Ежегодной конференции Института Кавказа в конце апреля 2009 г. Очередная конференция Института Кавказа вновь собралась в Ереване специалистов из разных стран, чтобы подвести политические и экономические итоги 2008 г. в нашем регионе.

2008 г. не был обычным годом в политической жизни Кавказа. Более того, можно с основанием утверждать, что 2008-й был одним из самых насыщенных и судьбоносных годов в новейшей истории региона. Практически все более менее значимые события, которые только можно было представить в отдельно взятом географическом регионе — от парламентских и президентских выборов до гражданского противостояния, от серьезно повлиявшей на мировую политику региональной «Пятидневной войны» и до мирового кризиса, оказавшего прямое воздействие на социально-экономическую жизнь стран региона — произошли на Кавказе в 2008 г. На общем фоне всего произошедшего, насыщенный фактами и событиями 2008-й можно назвать годом, который в определенной степени подвел черту под всей постсоветской историей Южного Кавказа.

Естественно, как и в предыдущих номерах, авторы и составители Ежегодника не претендовали на всеобъемлющий охват всех без исключения процессов, протекавших на Северном и Южном Кавказе в 2008 г. Ежегодник Института Кавказа лишь очерчивает общие рамки произошедших в течение года событий, выявляя логику их развития, описывая и анализируя лишь наиболее значимые факты и тенденции. На основе этого как специалисты, так и просто ин-

тересующиеся Кавказом люди могут создать представление об общей динамике событий 2008 г. в регионе.

Основным «бонусом», отличием данного номера Ежегодника от предыдущих выпусков являются статьи, посвященные обзору важнейшего, на наш взгляд, события 2008 г. во внутренней и внешней политике Южного Кавказа – августовской «Пятидневной войны» между Россией и Грузией. В Ежегодник включены статьи, содержащие детальный военно-политический анализ «Пятидневной войны», анализ ее влияния на геополитический контекст Южного Кавказа, а также бытующих в регионе представлений о ее причинах и последствиях.

Конечно, было очень трудно в одном сборнике сбалансировано представить события «Пятидневной войны» так, чтобы удовлетворить читателей со всех сторон этого конфликта. Однако, кроме того, что фактически это почти не осуществимо, мы и не ставили перед собой такой задачи. Нам важно было представить экспертный анализ событий августа 2008 г., по возможности избежав их политизации. Кроме всего прочего, представления о важнейших событиях постепенно меняются по мере того, как сами события уходят в прошлое и становятся историей. А детальная работа со стереотипами при научном анализе – одна из основных задач социальных наук.

Мы выражаем благодарность авторам – экспертам и ученым из Армении, Азербайджана, Грузии, России, Турции и США, принявшим участие в нашей конференции и выславшим статьи для нашего Ежегодника. Мы также благодарим наших коллег – сотрудников Института Кавказа, принявших участие в подготовке и издании данного выпуска Ежегодника, а также студию “Matit” за дизайн обложки и студию “Collage” – за макет книги.

Мы также очень признательны тем организациям, финансовое содействие которых сделало возможным проведение Конференции Института Кавказа и публикацию Ежегодника – Европейскому Союзу, Швейцарскому агентству сотрудничества и развития и Фонду Генриха Белля.

*Александр Искандарян,
Ереван, 2009*

СТРАНЫ И РЕГИОНЫ КАВКАЗА В 2008 г.

АЗЕРБАЙДЖАН В 2008 г.

Ариф Юнусов

2008-й выдался для Азербайджана противоречивым. Определяющими, сыгравшими основную роль в процессах внутри страны и внешнюю политику, стали четыре события:

1. Августовская война России и Грузии;
2. Президентские выборы в Азербайджане;
3. Референдум по изменению Конституции;
4. Мировой кризис.

Они неравнозначны по своей значимости и воздействию. На первом месте, безусловно, идет августовская война, которая кардинально поменяла ситуацию не только в регионе, но и в Азербайджане.

Итоги 2008 г. для Азербайджана

Известный азербайджанский интернет-ресурс Day.az представляет свою версию самых важных событий 2008 г. для Азербайджана:

1. С 1 января в Азербайджане начал действовать запрет на использование отечественными телеканалами иностранных языков;
2. 14 марта Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию, предложенную Азербайджаном, озаглавленную «Положение на оккупированных территориях Азербайджана». Страны-сопредседатели Минской группы – США, Россия и Франция голосовали против принятия резолюции.
3. 26 июня впервые после 1992 г. в Баку был проведен военный парад. Парад был посвящен 90-летию вооруженных сил Азербайджана.
4. 17 августа в Баку произошел теракт в мечети Абу Бекр. В результате брошенной в мечеть гранаты два человека погибли и 11 человек получили ранения. В результате оперативно-розыскных мер было выявлено, что теракт совершила группа, известная как «Лесные братья», руководимая террористом Ильгаром Моллачиевым. Моллачиев был ликвидирован на территории России сотрудниками ее правоохранительных органов.

5. 15 октября состоялись выборы президента Азербайджана. Действующий глава государства Ильхам Алиев победил на выборах, набрав более 88% голосов избирателей.
6. 2 ноября между президентами России Дмитрием Медведевым, Азербайджана Ильхамом Алиевым и Армении Сержем Саргсяном была подписана Московская декларация.
7. 14 ноября 86 голосами «за» и 1 «против» Милли Меджлис одобрил обращение президента Ильхама Алиева о выводе миротворческого контингента страны из Ирака.
8. 26 декабря парламент Азербайджана 100 голосами «за», 7 «против», при одном воздержавшемся и двумя не голосовавшими принял решение о проведении 18 марта 2009 г. референдума по изменениям в Конституцию. Согласно проекту изменений, будет снято конституционное ограничение на количество возможных избраний на пост президента, выборы президента и парламента в случае военных действий будут отсрочены, будет введено право законодательной инициативы 40 тыс. избирателям, запрещены ведение скрытых видео-, фото- и аудиозаписей и др.
9. 30 декабря Национальный совет по теле- и радио вещанию принял решение прекратить с 1 января 2009 г. вещание радиостанций «Би-би-си», «Свобода», «Голос Америки», «Европа+» на национальных частотах Азербайджана.

По словам политолога Расима Мусабекова, для Азербайджана 2008 г. завершился с плюсом. По мнению эксперта, из трех республик Кавказского региона именно Азербайджан увеличил внешнеполитическую капитализацию собственного государства: «Грузия на протяжении всего года искала поддержку. Армения кочевряжилась, сама не зная, как выбраться из того политического тупика, в который ее завела политика последних десяти-пятнадцати лет. И только поддержку Азербайджана искали все соседние и большие государства, как Россия, США и страны ЕС», - подчеркнул он. При этом он напомнил о том, что в течение 2008 г. общественность Азербайджана имела возможность наблюдать, как один за другим в страну прибывали главы государств, правительств, министры энергетики, чтобы продвинуть свои политические, экономические и коммуникационные проекты. «По крайней мере, 2008 г. для Азер-

байджана, можно считать, завершился с плюсом», - заключил Рахим Мусабеков.

Августовская война и реакция в Азербайджане

1) Официальная реакция

Официально Азербайджан уже 9 августа устами пресс-секретаря МИД заявил о признании территориальной целостности Грузии. В то же время было заявлено, что «Грузия имеет все основания в рамках международного права восстановить свою территориальную целостность, что подтверждено Уставом ООН. Поэтому деятельность Грузии происходит в рамках международного права».

С самого начала под ударом оказался нефтепровод Баку-Тбилиси-Джейхан. Еще за день до начала войны, 6 августа поступило известие о взрыве боевиками Курдской рабочей партии трубопровода Баку-Тбилиси-Джейхан в Турции. Затем стали поступать сведения о бомбежках объектов СОКАР в Грузии. Вначале азербайджанские власти отрицали это, но потом признались, что несут потери и очень серьезные. Ведь в условиях боевых действий нефтяные порты Грузии (Поти, Батуми, Кулеви) и даже железные дороги постоянно подвергались атакам российских самолетов и войск. Решающим фактором стал подрыв 24 августа грузового состава, принадлежащего компании «Азпетрол», в результате которого полностью сгорели 14 цистерн с нефтепродуктами. После этого властям Азербайджана пришлось приостановить экспорт нефти и нефтепродуктов через Грузию и временно искать иные маршруты. 25 августа Азербайджан начал экспорт нефти через Иран. Это был новый для Азербайджана канал поставок сырья на мировой рынок. Поставка нефти шла в иранский порт Нека в Каспийском море, и далее в Персидский залив. Интересно, что ведущие страны Запада сделали вид, что не заметили этого, а равно и того, что Азербайджан тем самым проигнорировал санкции, ранее принятые против Ирана международным сообществом. Было понятно, что это мера вынужденная и временная. И действительно, к концу августа Азербайджан прекратил использовать иранский маршрут и вернулся к грузинскому маршруту.

Кроме того, временно прекратила полеты авиакомпания АЗАЛ.

12 августа лидеры Литвы, Украины, Польши и Эстонии прибыли в Гянджу, а оттуда на машинах направились в Тбилиси, на встречу с руководством Грузии.

Но главное – решение о признании независимости Южной Осетии и Абхазии со стороны Российской Федерации поставило Алиева перед сложным выбором. В конце августа 2008 г. в Азербайджан срочно прибыл лидер республиканцев в Комитете по международным связям Сената США Ричард Лугар, который провел встречи с Ильхамом Алиевым и заверил его от имени президента США, что в случае нападения на Азербайджан «со стороны соседнего большого государства, Америка не будет молчать и защитит своего стратегического союзника».

2) Реакция общества

В отличие от властей, азербайджанское общество было с самого начала настроено антироссийски. Утром 8 августа все СМИ и телеканалы сообщили о бомбовых ударах российской авиации по военному аэродрому Марнеули и о том, что одна бомба попала в кафе. Всего было сообщено о 4 убитых и 7 раненых. Всеобщее возмущение – «самолеты из Гюмри». В дальнейшем поступали сообщения о том, что два села с азербайджанским населением в районе Гори оказались в зоне российской оккупации. Плюс, стало известно, что примерно 100 азербайджанцев Грузии записались добровольцами. Из Азербайджана на помощь соотечественникам была направлена гуманитарная помощь, однако российская армия не пустила ее на территорию Грузии. Кроме того, стало известно, что в Осетии также погибло 5 азербайджанцев.

1. начались пикеты и митинги протеста азербайджанской ответственности у посольства России в Баку. Действия России расценивались как акт агрессии.
2. в СМИ действия России подвергались жесткой критике («фашизм», «бандитизм», «мародеры из России», «убийцы-миротворцы из России», «бандитская Россия» и т.д.).
3. удар по имиджу Дмитрия Медведева.
4. шок от Саакашвили («авантюрист», «подставил страну» и т.д.).
5. что дальше будет делать Россия? Реакция по поводу двух сел в Хачмазском районе (Храхоба и Урьяноба), где жителям были розданы российские паспорта.
6. что делать Азербайджану? Войти в НАТО – это шит. Или найти себе сильного союзника, который поможет противостоять российско-армянскому альянсу.

Россия стремится укрепиться на Южном Кавказе (и Московская декларация по Карабаху — наглядное тому подтверждение)

После августовской войны Россия пытается наращивать свою роль и влияние как посредника в урегулировании проблем на Южном Кавказе. Именно как демонстрацию Россией своего влияния в данном регионе и стремление укрепить взаимодействие как с Азербайджаном, так и Арменией, можно расценить подписание Московской декларации по Карабаху 2 ноября 2008 г. Перед встречей президентов в Москве создавалось такое впечатление, что якобы подготовлены какие-то решения и Россия торопится зафиксировать их. С другой стороны, согласие Баку и Еревана на встречу в Москве могло бы стать косвенным свидетельством признания ими повышения роли России в делах региона.

В этом аспекте подписание Московской декларации можно рассматривать как успех именно Кремля. Россия уговорила президентов Азербайджана и Армении встретиться друг с другом и не где-нибудь, а именно в Москве. Итак, 2 ноября в подмосковной резиденции главы российского государства «Майндорф» по окончании переговоров в трехстороннем формате президенты: Азербайджана — Ильхам Алиев, Армении — Серж Саргсян и России — Дмитрий Медведев подписали совместную декларацию по Нагорному Карабаху. Как сказано в тексте декларации, президенты трех стран заявляют, что будут способствовать оздоровлению ситуации на Южном Кавказе и обеспечению установления в регионе обстановки стабильности и безопасности путем политического урегулирования нагорно-карабахского конфликта на основе принципов и норм международного права и принятых в этих рамках решений и документов, что создаст благоприятные условия для экономического развития и всестороннего сотрудничества в регионе.

Президенты также подтвердили важное значение продолжения сопредседателями Минской группы ОБСЕ посреднических усилий с учетом их встречи со сторонами в Мадриде 29 ноября 2007 г. и последующих дискуссий в целях дальнейшей разработки основных принципов политического урегулирования. «Достижение мирного урегулирования должно сопровождаться юридически обязывающими международными гарантиями всех его аспектов и этапов», — сказано в тексте декларации.

В декларации отмечается, что президенты Азербайджана и Арме-

нии договорились продолжать работу, в том числе в ходе дальнейших контактов на высшем уровне, над согласованием политического урегулирования нагорно-карабахского конфликта и поручили своим министрам иностранных дел активизировать дальнейшие шаги в переговорном процессе во взаимодействии с сопредседателями Минской Группы ОБСЕ. Президенты считают важным поощрять создание условий для реализации мер по укреплению доверия в контексте усилий по урегулированию.

«Подписание декларации по итогам встречи президентов Азербайджана, Армении и России – очень важный шаг в урегулировании нагорно-карабахской проблемы», – заявил американский сопредседатель Минской группы ОБСЕ Мэтью Брайза. «Она носит конструктивный характер и содержит несколько важных пунктов – о решении конфликта только политическим путем и относительно того, что страны будут решать конфликт совместно с Минской группой ОБСЕ», – сказал Брайза. Это, по его словам, дает сопредседателям пространство и возможности для дальнейших успешных переговоров и решению нагорно-карабахского конфликта.

Кстати, сопредседатели Минской группы ОБСЕ не были допущены на встречу президентов Азербайджана, России и Армении для переговоров по решению конфликта в Нагорном Карабахе, хотя их на эту встречу приглашали, сказал тот же Брайза. По его словам, это не соответствует работе Минской группы ОБСЕ. Сопредседателей Минской группы на этой встрече не было, и декларацию они не обсуждали. Сопредседатель Минской группы от РФ Юрий Мерзляков комментарии давать отказался. Французский сопредседатель Бернар Фасье также был недоступен для немедленных комментариев.

Между тем, официальный Баку придал большую важность подписанной в Москве декларации по карабахскому урегулированию. Об этом заявил журналистам пресс-секретарь азербайджанского МИД Хазар Ибрагим. «Это очень важный документ, отражающий все основные моменты переговоров, которые обсуждались между азербайджанской и армянской сторонами до сих пор», – заявил Х.Ибрагим. Он отметил, что данный документ является первой декларацией, под которой стоят подписи президентов Азербайджана и Армении.

В то же время Х.Ибрагим признал, что в документе в целом нет каких-либо новшеств, в нем нашли отражение принципы и этапы,

которые являлись предметом переговоров по сей день. «Чтобы перейти к очередному этапу переговоров, необходимо иметь определенный задел. Естественно, что после устных заявлений на столе переговоров должен быть официальный, утвержденный и подкрепленный подписями документ», — сказал пресс-секретарь МИД. По его словам, подписание на самом высоком уровне резолюции исходит именно из этой необходимости.

Самым главным позитивным итогом московской встречи президентов Азербайджана и Армении является сам факт подписания лидерами двух стран письменного документа впервые с 1994 г. (после заключения Соглашения о прекращении огня). Документ имеет «в определенной степени психологическое значение». Он может создать «более позитивную атмосферу» вокруг карабахского урегулирования.

Вместе с тем, в документе отсутствуют какие-либо договоренности, которые можно было расценить «как прорыв или хотя бы как серьезный шаг вперед» на пути урегулирования проблемы. Между сторонами имеются разногласия относительно принципов урегулирования конфликта, и в этом смысле обращает на себя внимание отсутствие в Московской декларации упоминаний об этих принципах.

Лидер партии «Мусават» Иса Гамбар выразил мнение, что перехват Россией инициативы в карабахском урегулировании не отвечает интересам Азербайджана. Оценивая декларацию, И.Гамбар назвал ее «коротким и неопределенным по содержанию документом». Вместе с тем он усмотрел в этом документе моменты давления на Азербайджан, имея в виду ссылку на Мадридские предложения, предусматривающие проведение референдума в Нагорном Карабахе. Он призвал руководство Азербайджана не поддаваться давлению, и расценил подписание Алиевым декларации как отступление от его прежней позиции.

Итак, подписание совместной декларации по Нагорному Карабаху фактически не ответило ни на один из стоящих в обществе вопросов, зато породило множество новых. Прежде всего, пока не видно того компромиссного варианта, на который могут согласиться и Баку, и Ереван. Пересечение позиций по этому вопросу почти нулевое, у сторон почти нет точек соприкосновения, поэтому и не видно серьезных перспектив для урегулирования.

Анализ последних событий вокруг данной проблемы показывает, что пока стороны конфликта не идут на взаимные уступки. И,

разумеется, переговоры на данный момент носят бессмысленный характер. А противоречия в вопросе урегулирования нагорно-карабахского конфликта все более усугубляются. Таким образом, сложилась довольно парадоксальная ситуация, когда при полном отсутствии политической воли у властей Армении и Азербайджана к принятию компромиссных, а значит и непопулярных решений, мировые и региональные державы пытаются решить карабахский конфликт. Ведь решение данного конфликта невозможно без уступок одной из сторон.

Мирное урегулирование конфликта можно представить себе как процесс, который начинается с признания частичной справедливости чужих аргументов и согласия на уступки в обмен на принятие взаимовыгодного решения. Таким образом, частично исчерпывается предмет конфликта, ослабевает враждебность в отношении оппонента, разрушаются стереотипы его восприятия как «врага». Вместе с тем компромиссы могут быть не только плодотворными, но и оставлять питательную почву для новой эскалации конфликта при изменении соответствующих условий. Не исключены и насильственные формы его протекания. Поэтому гораздо ближе к полному исчерпанию предмета конфликта такое решение, где фактически нет проигравших, что снимает и остроту конфликта, и предубеждения его участников в отношении друг друга. А об этом говорить еще рано. Кроме того, подписанная в Москве декларация между Азербайджаном и Арменией считается ни чем иным, как очередным раундом борьбы за влияние на мировую политику между Россией и Западом. И, как бы то ни было, ясно стало одно: до подведения итогов президентских выборов ноября 2008 г. в США каких-либо серьезных подвижек в урегулировании нагорно-карабахской проблемы не будет.

Президентские выборы 15 октября в Азербайджане

В Азербайджане оппозиция объявила бойкот президентским выборам, которые были назначены на 15 октября 2008 г. Еще в начале августа большинство оппозиционных сил Азербайджана отказалось от участия в предстоящих выборах в стране.

5 августа состоялись заседания Верховных меджлисов партии «Мусават», Демократической партии Азербайджана, «Партии классического народного фронта Азербайджана» (ПКНФА), которые при-

няли решение о неучастии в выборах. До этого аналогичное решение приняли партия гражданской солидарности (ПГС), партия демократических реформ, движение «Политический путь Азербайджана».

По мнению оппозиции, отказавшейся принять участие в выборах, главными мотивами были отсутствие предвыборного демократического климата, пассивность позиции населения страны и др.

Решение о полном бойкоте предстоящих выборов в Азербайджане принял политический блок «Азадлыг», в состав которого входят: Партия народный фронт Азербайджана (ПНФА), Либеральная партия Азербайджана (ЛПА) и партия «Развитие и гражданин».

Фаворитом гонки безусловно являлся 46-летний Ильхам Алиев – сын покойного лидера Азербайджана Гейдара Алиева, правившего страной в 1993-2003 гг. В качестве его конкурентов выступали еще шесть кандидатов. Самые известные из них – выступающие по телевидению и совершающие поездки в регионы депутаты Фазиль Мустафаев (Партия Великого созидания), Игбал Агазаде (партия «Умид» - «Надежда»), Гудрат Гасангулиев (партия «Народный фронт единого Азербайджана»). Имена остальных претендентов мало что говорили большинству избирателей. Еще на стадии сбора подписей отсеялись некоторые кандидаты, в том числе безработный, санитарка и пенсионер.

Предвыборная ситуация в Азербайджане в 2008 г. по своему наряду не шла ни в какое сравнение с кампанией 2003 г., когда Ильхам Алиев избирался на первый срок. Телевизионные дебаты кандидатов с дежурными фразами о борьбе с коррупцией и нарушениями прав человека, об обещаниях повысить социальную защиту граждан и, конечно же, о предложениях по разрешению карабахского конфликта создавали впечатление хорошо срежиссированного спектакля, где каждому участнику была отведена своя роль. «Нет интриги», «Самые унылые и скучные выборы последних лет», – так характеризовали главное политическое событие года независимые азербайджанские аналитики.

По словам руководителя азербайджанского центра мониторинга выборов Анара Мамедли, выборы 2008 г. проходили в наименее конкурентной среде. «Мы не стали свидетелями общественных дебатов на важные темы, которые волнуют граждан. Нет возможности сделать альтернативный выбор. Во многом это из-за того, что основная часть оппозиции решила не участвовать в выборах».

Оппозиция во главе с блоком «Азадлыг» («Свобода») призвала народ бойкотировать президентские выборы. На состоявшемся накануне выборов оппозиционном митинге говорилось о том, что в стране не созданы условия для проведения справедливого и демократического голосования. Однако бакинский политолог Эльхан Кулиев отметил, что как раз отсутствие единой тактики борьбы и финансовых источников у оппозиции и лишили интригу избирательную кампанию. Об отсутствии реального состязательного процесса и низком интересе общественности к выборам говорили и международные организации, в частности, Бюро по демократическим институтам и правам человека ОБСЕ.

Стратегические партнеры Азербайджана – США и Россия, судя по всему, спокойно отнеслись к этому. В сложившейся геополитической ситуации на Кавказе нынешний азербайджанский лидер для них наиболее приемлемая фигура. При нем Азербайджан стал активным игроком, поддерживая баланс интересов обеих держав. Президент Алиев дал понять Вашингтону, что американских баз на территории его страны не будет. Вместе с тем, он активно реализует энергетические проекты, необходимые США.

Утром 22 октября Конституционный суд Азербайджана утвердил решение Центральной избирательной комиссии по итогам президентских выборов в стране, прошедших 15 октября 2008 г. По итогам выборов избранный на второй срок президент Азербайджана получил 88.73% голосов избирателей, Игбал Агазаде – 2.86%, Фазиль Газанфароглу – 2.47%, Гудрат Гасангулиев – 2.28%, Галамгусейн Алибейли – 2.23%, Фауд Алиев – 0.78%, Хафиз Гаджиев – 0.65% голосов.

Послесловие к президентским выборам

Сразу же после президентских выборов власти в Азербайджане полным ходом развернули работу по упорядочению политической системы. Как было отмечено в газете «Зеркало» от 21 октября, задача поставлена просто и ясно. Нужно создать такую партийно-политическую систему, которая работала бы гладко и четко, не мешая власти управлять страной по своему усмотрению. То есть система должна быть предсказуемой и управляемой обычными бюрократическими методами. Но решить эту задачу все-таки будет непросто.

Во-первых, надо сделать так, чтобы в одном и том же обществе были и демократия, и авторитарный режим одновременно.

Во-вторых, нужно при сохранении формальных атрибутов демократического государства — партии, прессы, парламента, выборов — суметь ни с кем не делиться властью. И, наконец, основная проблема — это оппозиция. По правилам хорошей игры, оппозиция нужна. Но как сделать так, чтобы непременным условием ее деятельности являлся бы отказ от серьезных попыток прихода к власти?

На данном этапе выход пока нашли в том, чтобы, упорядочивая политический спектр, попытаться создать новую оппозицию точно по мерке власти. А под новой оппозицией подразумевается та, которая «объединив протестный электорат», сумеет «конструктивно сотрудничать с властью». Но тут возникает проблема иного рода. Если создание новой оппозиции предполагается для сотрудничества, то какая она тогда оппозиция? И как создать такую оппозицию, которая во всем поддакивает, со всем согласна, главную задачу свою видит в поддержке власти? А что будет с традиционной оппозицией?

Так, по мнению председателя партии «Ана Вэтэн», депутата Милли меджлиса Фазаила Агамалы, у нынешней оппозиции нет никаких сил решать какие-либо проблемы с властью. По его словам, кроме отрицательных эмоций, у лидеров нынешней оппозиции нет никаких целей и задач. «Настало время распрощаться с лидерами традиционной оппозиции. Я уверен, что этот этап уже начался, и в ближайшее время мы больше не увидим этих лидеров».

Начнем с того, что традиционная оппозиция в Азербайджане находится в экстремальных условиях. Она переживает двойной пресинг — сверху и внутри себя. Ей приходится держать сильные удары от власти. Внутренняя проблема в том, что здесь нет карьерного и материального роста. А разный интеллектуальный и социальный уровень в оппозиции порой тормозит общий процесс. Отсюда и разногласия в партиях.

По мнению члена Совета председателей оппозиционного блока «Азадлыга», председателя Партии гражданского развития Али Алиева, прошедшие 15 октября 2008 г. выборы президента Азербайджана окончательно раскололи азербайджанскую оппозицию на три части. «Одна часть оппозиции решила все же поддержать власть и принять участие в так называемых выборах. Другая часть, хотя и от-

казалась участвовать в выборах, но так и не заняла четкой позиции в отношении признания итогов данных выборов. Третья часть оппозиции с самого начала предвыборной кампании заняла позицию неприемлемости итогов этих выборов».

А в середине ноября 2008 г. депутаты от правящей партии уже подняли в парламенте вопрос о продлении президентского срока.

Референдум состоялся, что дальше?

18 марта 2009 г. в Азербайджане состоялся референдум, предложенный правящей партией «Новый Азербайджан» («Йени Азербайджане партиаси») по 29 поправкам к Конституции, главной из которых была отмена ограничений на сроки избрания президента страны. И, как водится в странах «переходного к демократии периода», мнения о его результатах и влиянии на дальнейшую судьбу страны сильно различались. Сторонники правящей партии говорили о массовой поддержке и большом успехе в деле государственного строительства, оппозиционные наблюдатели и правозащитные организации – о запугивании властями населения и тотальных фальсификациях, приведших к установлению в стране узбекистано-белорусо-венесуэльского режима.

Об отмене ограничений на сроки президентства стратеги и спонсоры правящей партии начали поговаривать сразу же после прихода к власти президента Ильхама Алиева в 2003 г. Оно и понятно, ведь если очевидным казалось, что после завершения двух сроков правления президента Гейдара Алиева (1993 и 1998 гг.) к власти мог прийти его сын Ильхам, то было вовсе не очевидным, кто бы мог заменить Ильхама после окончания двух его президентских сроков? Второго такого достойного кандидата, как Ильхам Алиев, в своих рядах правящая партия не находила, а сын Ильхама Алиева (Гейдар Ильхам оглы Алиев) пока еще юн, чтобы включиться в борьбу за этот пост. Итак, в вопросе смены власти появлялась неприятная неопределенность, такая неопределенность в «переходных странах» могла из неприятных вполне переродиться и в угрожающую: «А что с нами всеми будет, если дела пойдут как-то не так?..», – ответом на этот вопрос стало предложение депутатов от ЙАП: «а нам другой президент и не нужен».

Хотя некоторые сторонники режима и утверждали, что президент на это не пойдет, конституцию не нарушит, а выберет для смены власти вариант Путин-Медведев, но президент все же решил поддержать

вариант, предложенный его партией. И как только в конце 2008 г. (лишь через месяц после избрания И.Алиева на второй президентский срок) в президентском аппарате решение о референдуме было принято, дальнейшее оказалось уже делом техники. Жестко контролируемые правительством ТВ и радио развернули широкую пропагандистскую кампанию в защиту поправок к Конституции, парламент потратил на их обсуждение два дня (с 16 по 18 декабря 2008 г.), а уже 19 декабря Конституционный суд республики за 37 минут рассмотрел все 29 поправок и признал их соответствующими конституции. В феврале 2009 г. официально началась агитационная кампания: власти убеждали население в том, что поправки к конституции «еще более укрепят стабильность и обеспечат процветание страны», демократический лагерь обращался к гражданам страны с лозунгом: «Долой монархию! Да здравствует Республика!», а западные участники политических процессов в Азербайджане по большей части хранили молчание. Возможно, Ильхам Алиев их устраивал, а возможно, они утратили способность воздействовать на события в Азербайджане, ведь Запад не всемогущ, особенно если учесть фактор опасной близости к Азербайджану России и Ирана. Еще одним болезненным ударом по позициям Запада стало решение правительства (30 декабря 2008 г.) о запрещении вещания в стране радиостанций «Би-би-си», «Голос Америки» и «Свобода» на доступных для населения FM частотах: тут протесты американских и британских дипломатов были познергичнее, но и они этот запрет на вещание отменить не смогли. Под давлением правительства был закрыт — за вольнодумство или на всякий случай, — а затем перепродан в «надежные руки правительства» и популярный новостной интернет-портал Day.az, который вряд ли можно было назвать оппозиционным.

Несмотря на жесткий прессинг властей против всякой «деструктивной» общественной активности, противникам референдума, объединившимся в политические блоки «Республиканцы» и «Карабах и Республика», удалось охватить своими агитационными сетями почти всю территорию страны. Как обычно, без потерь со стороны демократов в этой агитационной кампании не обошлось. Как сообщало информагентство «Туран»¹, в нескольких районах страны противники

¹ ТУРАН, 03.03.2009.

референдума были арестованы или подвергались краткосрочным задержаниям, встречи их с избирателями были разогнаны или запрещены. Все это еще раз позволило оппозиционным активистам говорить о том, что проводить референдум в «несвободной стране» (*not free country* по оценке Freedom House) не имеет смысла.

В своих публичных выступлениях лидеры оппозиции особо отмечали, что этот референдум может изменить вектор развития страны и заблокирует ей путь к интеграции в международное демократическое сообщество. Протесты доносились и от азербайджанских граждан, проживающих за рубежом. Так, азербайджанские студенты, обучающиеся в США и Европе, провели ряд демонстраций с лозунгами «Народ короля не хочет. Сохраним республику!»

Тем временем, 16 февраля 2009 г. схожие события произошли и на другом конце планеты – на подобном же референдуме в Венесуэле Уго Чавес добился отмены ограничения на сроки президентства, и это дежавю позволило аналитикам еще раз вспомнить о всемирном характере отката от «третьей мировой волны демократии».

За две недели до дня референдума были наконец опубликованы мнения европейских структур о референдуме. Так, Бюро конгресса местных и региональных властей Совета Европы (КМРВСЕ) заявило, что отдельные поправки к конституции нарушают положения Европейской хартии о самоуправлении и предложило отложить проведение референдума до рассмотрения поправок Венецианской комиссией Совета Европы, которая продолжала хранить молчание. За неделю до референдума (10 марта 2009 г.) оппозиция объявила о «бойкоте референдума в связи с массовыми ущемлениями властями возможностей противников референдума для агитации и несоответствиям самого референдума Конституции». И лишь за два дня (!) до референдума (16 марта) было обнародовано заключение Венецианской комиссии Совета Европы, посчитавшей, что хотя «некоторые поправки и являются шагом вперед и улучшают нынешнюю Конституцию, однако есть основания для беспокойства относительно очень негативного развития вопросов демократической практики в Азербайджане».

Но машину референдума уже было не остановить, он прошел в установленные сроки и без кровавых эксцессов. По заявлению Центризбиркома, в голосовании приняли участие почти 3.5 млн. избирателей, т.е. 70.83% от их общего числа. Все предложенные 41 из-

менение и дополнение в 29 статей Конституции были приняты большинством голосов – за отдельные поправки и дополнения проголосовало от 87% до 92% пришедших к урнам. По данным же оппозиционных наблюдателей, на выборы пришло не более 10-15% избирателей, при необходимом кворуме в 25% и, таким образом, референдум следовало считать несостоявшимся. Кроме того, оппозиция заявила о массовых фальсификациях и всевозможных каруселях в ходе голосования.

ОБСЕ своих наблюдателей на референдум не присылала. Да и имеет ли смысл наблюдение ОБСЕ за выборами в их теперешней форме для стран «переходного периода», где власти способны показать наблюдателям любой немыслимый фокус, чтобы скрыть фальсификации. С наблюдателями от СНГ, как обычно, все прошло без неожиданностей. На следующий день после референдума наблюдатели от СНГ заявили, что процесс голосования проходил открыто и свободно. Однако в тот же день наблюдатели от Норвежского хельсинкского комитета опубликовали заявление, озаглавленное «Референдум в атмосфере запугивания и страха» (*Referendum in an atmosphere of intimidation and fear*)...

К концу недели лидеры оппозиции заявили, что собрав отчеты своих наблюдателей, они обратятся в суд с жалобами на нарушение избирательного законодательства со стороны властей. Памятуя о том, что в недолгой истории независимого Азербайджана решение судов по таким вопросам характеризуется принципом «Референдум состоялся, забудьте», общество начало постепенно отходить от избирательной лихорадки, погружаясь в свои повседневные заботы. Сегодня среди интеллектуалов в публичной сфере обсуждается только одно: был ли референдум судьбоносным, выбрала ли наконец страна свой «особый путь развития» с несменяемым лидером во главе? Или этот референдум был лишь одним из эпизодов большой исторической драмы под названием «Долгий путь азербайджанской демократии»?

Мировой кризис и Азербайджан

По официальным данным азербайджанского правительства, мировой кризис никак не отразился на экономике страны. Даже наоборот, рост ВВП продолжился. На заседании 13 марта 2009 г. в парламенте от имени правительства с отчетом выступил первый ви-

це-премьер Ягуб Эюбов. В своем отчете Я.Эюбов заявил, что в прошлом году расходы на оборону выросли на 65%. По его словам, в 2008 г. оборонные расходы, увеличившись на 65%, составили 1 млрд. 344 млн. манатов (примерно 1.7 млрд. долларов).

«С целью укрепления оборонного потенциала страны, министерству оборонной промышленности было выделено из государственного бюджета более 141 миллиона манатов. В результате этого началось серийное производство 18 наименований оборонной продукции», - отметил Я.Эюбов.

По словам первого вице-преьера, экономическое развитие страны позволило газифицировать 85% страны и практически все районные центра. Он также отметил, что уровень роста сельского хозяйства составил 6.1%. «В прошлом году было реконструировано 800 км. автодорог. Из 19 олимпийских комплексов 7 были построены в 2008 г.», - сказал он. Как сказал Я.Эюбов, в 2008 г. внутренний валовой продукт (ВВП) в Азербайджане, увеличившись по сравнению с показателями 2007 г. на 10.8%, составил 38 млрд. манатов. По словам первого вице-преьера, обещание главы государства Ильхама Алиева о том, что в стране будут открыты 600 тыс. новых рабочих мест, было выполнено сторицей. Так, в течение 5 лет в Азербайджане открылись 766 тыс. новых рабочих мест, из которых 547 тыс. — постоянных. «За 5 лет уровень бедности в стране уменьшился в 3.4 раза и составляет сегодня 13.2%. С 2003 г. размер средней зарплаты вырос в 3.5 раза, пенсии в 3.8 раза», - сказал он. Коснувшись вопроса бюджета, Я. Эюбов заявил, что за последние 5 лет государственный бюджет вырос более чем в 10 раз. «Если в 2003 г. бюджет составлял 1.2 млрд долларов, то в 2008 г. — составил 13 млрд.», - подчеркнул Я. Эюбов.

Ильхам Алиев заявил: «Азербайджан живет за свой счет». По мнению главы государства, мировой кризис показал, кто на что способен. Успех Азербайджана примечателен еще и тем, что страна относится к числу экспортеров углеводородных ресурсов, а резкое падение цен на сырье на мировых рынках должно было привести к коллапсу или по меньшей мере к серьезным финансовым потерям, а в случае девальвации национальной валюты — к резкому увеличению числа безработных в стране. Но мы выстояли, во всяком случае, пока стоим. Да и за примерами далеко ходить не следует.

Любопытно, что МВФ впервые вывел Азербайджан из списка стран СНГ с низкими доходами, и произошло это в период глобального экономического кризиса. Особых преимуществ данное изменение стране не сулит, зато оно является сигналом для доноров о финансовых возможностях Азербайджана, и они могут сократить свою помощь или же повысить ставки по выделяемым стране кредитам.

Что касается предприятий и компаний, страдающих от кризиса, то И.Алиев заявил, что азербайджанское государство не должно их оставлять в беде, «мы должны оказать им поддержку, особенно крупным предприятиям». «Мы должны сделать так, чтобы трудности в металлургии и химической отрасли, возникшие по независящим от нас причинам, были устранены, работающие там люди получили свою зарплату за несколько месяцев, то есть азербайджанское государство должно помочь, чтобы люди не пострадали. Также государство должно поддерживать создание новых промышленных предприятий», - сказал президент. И.Алиев констатировал, что падение цены на нефть в три-четыре раза ограничивает финансовые возможности государства. «Правда, мы, пустив в ход иные возможности, за счет других областей экономики пытаемся заполнить эту брешь, но это будет трудно сделать. Поэтому контроль над расходами финансовых ресурсов должен быть всегда в центре внимания, а сегодня в этом возникла особая потребность», - подчеркнул И.Алиев. «Несмотря на то, что Азербайджан является сегодня частью мировой экономики и ускоренно интегрируется в нее, и, конечно, процессы в мире не могут обойти нас стороной, тем не менее, мы доказали, что и в кризисном положении можем жить и развиваться нормально», - сказал президент.

Однако по данным независимых экономистов, все не так прекрасно. Очень большие проблемы в строительной и банковской сферах. Реально на по итогам 2008 г. было сокращено 15-20 тыс. человек и в первую очередь в строительной сфере. А инфляция по итогам 2008 г. составила порядка 20%.

АРМЕНИЯ В 2008 г.: ФЕОДАЛЬНАЯ ДЕМОКРАТИЯ ИЛИ ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ ФЕОДАЛИЗМ

Сурен Золян

Представленное ниже не только не является претендующим на полноту описанием событий, происшедших в 2008 г. в Армении, но и не ставит целью какое-либо воспроизведение событийного ряда. Более того, мы не затрагиваем и столь важные аспекты, как внешнеполитические и социально-экономические. А говоря о внутривнутриполитической ситуации, мы, понимая всю противоречивость и возможность различных интерпретаций, попытались обосновать и концептуализировать наше видение внутривнутриполитических процессов.

Безусловно, 2008 г. - не только один из наиболее противоречивых, но и самых «неудачных» в истории новейшей Армении. Год начался внутривнутриполитическим кризисом, завершился тем, что Армения стала реально ощущать последствия мирового экономического кризиса. Событийный календарь распадается на четыре важнейших отрезка:

1. *Декабрь 2007 г. – 20 февраля 2008 г.* Крайне конфликтогенное начало предвыборной кампании (хотя ее официальный старт – 20 января) вплоть до объявления результатов выборов.
2. *21 февраля – 1 марта 2008 г.* Самый короткий и наиболее драматичный период: оспаривание сторонниками Левона Тер-Петросяна результатов выборов и разгон властями сидячей демонстрации, что в результате привело к массовым беспорядкам и человеческим жертвам.
3. *1 марта – 9 апреля 2008 г.* Введение чрезвычайного положения, аресты среди сторонников оппозиции по обвинению в организации массовых беспорядков и попытках захвата власти; это последний месяц президентского правления Роберта Кочаряна и передача власти Сержу Саргсяну.
4. *9 апреля 2008 г. – 27 января 2009 г.* Вступление в должность Сержа Саргсяна, распад тандема Кочарян-Саргсян, борьба за «правильную» интерпретацию «событий 1 марта» и ее официальная оценка Парламентской Ассамблеей Совета Европы,

поставившей точку на надеждах оппозиции на досрочные выборы президента и парламента и закрепившей режим «полу-властия». Именно эту дату можно считать концом затянувшейся избирательной компании.

Как видим, весь 2008 г. — это различные этапы президентских выборов, которые начались намного раньше и закончились намного позже официальных сроков. Именно этот процесс мы считаем определяющим и сосредоточимся на уяснении его логики.

Пониманию политического процесса, происходившего в 2008 г. в Армении, поможет сопоставление того, как в разных постсоветских странах решается ключевая для СНГ проблема: передача власти от одного лица к другому лицу. В самом деле, партийные, идеологические и корпоративные факторы если и присутствуют, то играют явно второстепенную, а то и декоративную роль. С этой точки зрения постсоветские государства можно разделить на две группы - в зависимости от того, ограничены ли президентские полномочия двумя сроками или же на возможность переизбрания нет каких-либо ограничений. К первой группе будут отнесены Грузия, Молдова, Украина, Кыргызстан, а ко второй — Беларусь, Туркменистан, Азербайджан, Узбекистан, Казахстан (последние два — с некоторыми не столь существенными оговорками). Как видим, это деление совпадает с другим — которое условно можно назвать разделением СНГ на зоны возможных «цветных революций» и на зоны т.н. «стабильности». Россия, как обычно, занимает особое место. Хотя президентские полномочия и ограничены двумя сроками, но, по сути, не исчерпываются ими. Сложилась практика, при которой действующий президент в конце своего второго срока сам назначает себе преемника¹.

Разумеется, есть определенное отличие нынешней ситуации в России от предыдущей — тогда действующий президент уходил на покой, поручая «семью» своему молодому ставленнику, тогда как нынешняя ситуация дает основания политологам говорить о старшем царе-премьере и младшем царе-президенте, или, в более нейтральных терминах, о «тандемократии».

¹ См. к примеру: *Холодковский К. Г.* К вопросу о политической системе современной России // *Полис*, №.2, 2009. С.16.

Безусловно, все это обусловлено авторитарным характером системы, при которой преемственность власти неизбежно приобретает личностный характер, ибо и сама власть определяется личностными факторами. При авторитаризме настолько важным оказывается то, кто стоит во главе системы, что сама система сливается с личностью, и население идентифицирует систему с личностью. Так, ельцинская Россия, путинская Россия или же СССР Горбачева и СССР Брежнева – совершенно разные не только символы, но системы и даже эпохи. Что касается нынешней ситуации в России, то сегодня личностный фактор в ней не столь силен, чтобы привести к несменяемости власти путем выборов, как в странах второй группы, но достаточно существенен, чтобы вопросы т.н. *преемственности* власти определялись **лично** действующим президентом и принимали характер выбора некоторой **личности** - кандидатуры, по тем или иным причинам оптимальной с точки зрения высшего эшелона политической элиты. Происходящие после партийные, а затем и общенародные выборы по сути свелись к плебисциту (как в случае референдумов о продлении президентских полномочий или же снятия ограничений на их сроки), что породило замысловатый термин – «плебисцитарный цезаризм».

Складывавшаяся к 2008 г. ситуация говорила в пользу того, что Армении суждено было повторить российский путь – учитывая значительное сходство как политико-правовой системы, так и политической культуры. Уже в 2007 г. стало ясно, что Армения, по крайней мере на данном этапе, не пойдет по пути переизбрания действующего президента на третий срок. Напомним, что при изменении Конституции основной темой дискуссии между властями и оппозицией были не сами поправки, а то, считать Конституцию новой или же «обновленной» – т.е. создаст ли измененная Конституция юридическую возможность для выдвижения действующего президента на новый срок.

Любимой темой противников изменений к Конституции были не сами поправки, а то, что, иницируя референдум по поправкам к Конституции, Р.Кочарян тем самым якобы готовит для себя правовые зацепки для выдвижения на третий срок. Это повторялось и до, и после принятия изменений, – несмотря на многократные заявления самого Кочаряна и людей из его окружения о том, что поправки к Конституции не могут считаться новой Конституцией.

Тем более, что как прежняя, так и новая редакции Конституции ограничивали президентские полномочия только двумя сроками. Стоит также отметить, что до этого своеобразный прецедент был создан тогдашним президентом НКР Аркадием Гукасяном — поскольку в НКР Конституция была принята только в 2006 г., в вопросе о сроках президентства возникала некоторая юридическая двусмысленность². Прозвучал ряд предложений о выдвижении Аркадия Гукасяна на новый срок — особенно учитывая существующую постоянную угрозу существованию Карабаха со стороны Азербайджана, что можно было бы считать вполне весомым аргументом в пользу авторитаризма. Однако А.Гукасян заявил, что его выдвижение на второй срок было бы отходом от процесса построения демократии в Нагорном Карабахе и противоречило бы принципам правового государства.

2007 г. стал в этом отношении для Армении определяющим — если не окончательно, то во всяком случае на обозримое будущее, в Армении исключена возможность неограниченного двумя сроками переизбрания президента. Вместе с тем, принятые на референдуме поправки к Конституции предусматривали достаточно значительное перераспределение властных полномочий, в первую очередь, передачу существенной части полномочий от президента к премьеру. Это дало основания говорить о том, что в Армении скорее осуществится «российский вариант»: Роберт Кочарян собирается стать «сильным» премьером при новом президенте. Уже начиная с 2003 г., т.е. с предыдущих президентских выборов, основными вопросами политического дискурса были: «Кто *после* Кочаряна?», который получил «провластное» и «оппозиционное» оформление — «Кто, как не Кочарян?» и «Только не Кочарян!» Противостоянием этих двух лозунгов определялась логика президентских выборов 2003 г., но их инерция распространилась и на последующие годы. Удивительно, но, казалось бы, простейший вопрос — «А кто *вместо*

² Ср.: «...переходные положения принятой в 2006 г. Конституции НКР не препятствовали ему баллотироваться и на третий, и на четвертый срок. Но А.Гукасян предпочел действовать в соответствии со старым законодательством, согласно которому он был избран на пост президента, и которое ограничивало его пребывание на этом посту 10 годами». — Давид Петросян. Непризнанные государства Южного Кавказа // Кавказ- 2007. Ежегодник Института Кавказа. Ер., Институт Кавказа, 2009. С.54.

Кочаряна» — не ставился. Впрочем, вплоть до конца 2008 г. вопрос этот казался риторическим³.

В самом деле, в отличие от России, где и Ельцин, и Путин к концу своего второго срока выбрали себе в преемники молодого и практически до этого малоизвестного политика, в Армении имя этого преемника ни для кого не было секретом. Выбор был определен не столько действующим президентом, сколько predetermined — если не навязан — самим преемником и самой системой. Это был к тому времени занимавший пост премьера и председателя Республиканской партии Серж Саргсян. Результаты парламентских выборов 2007 г., на которых возглавивший Республиканскую партию лишь в самый канун выборов Серж Саргсян обеспечил ей доминирование в парламенте, не оставил провластному лагерю каких-либо альтернатив. В пользу Сержа Саргсяна действовал еще и очень важный для авторитарной системы личностный фактор. Начиная еще с самых первых шагов в политике — как неформальные лидеры Карабахского движения в Карабахе — Роберт Кочарян и Серж Саргсян, оба хорошо известные и практически равные политики, все это время действовали вместе. Сформировавшийся еще в 1988 г. «тандем» с тех пор в самых разных, временами сложнейших ситуациях действовал согласованно и эффективно.

В этом тандеме роль выдвинутого на первый план всегда принадлежала Кочаряну, теперь же предполагалось, что на первую позицию выдвинется Серж Саргсян. Но сама власть и в системном, и в кадровом отношении по сути оставалась бы той же. Безусловно, крайне затруднительно приводить количественные данные, но, что

³ Подробнее см. в нашей статье: *Золян С.* Это сладкое слово — «стабильность». Армения в 2004 году // Кавказ - 2004. Ежегодник Института Кавказа. Ер., Институт Кавказа, 2006. Так, нами отмечалось: «Это заметно даже по формулировкам — так, интенсивно обсуждается вопрос — кто будет преемником Кочаряна, кто придет на смену Кочаряну. На вопрос «Кто вместо Кочаряна» наложено табу — провластные силы исходят из того, что новый президент будет из их лагеря и, стало быть, в силу своей лояльности не может не пользоваться поддержкой нынешнего; что касается оппозиции, то любой конкретный ответ на вопрос «Кто вместо Кочаряна» не обсуждают, чтобы не вносить раскол в лагерь оппозиции. Но при этом если и обсуждается, то в лучшем случае мимоходом вопрос о том, какая партия получит большинство в парламенте 2007 г. Когда в прессе уделяется внимание парламентским выборам 2007 г., то только применительно к тому, какое они окажут влияние на президентские выборы 2008 г.». — Ук. соч., с.93.

очевидно, многие из отдавших голос за Сержа Саргсяна голосовали за эту связку, видя в ней продолжение медленного, но верного развития. Очевидно также и то, что многие голосовали против, видя в Серже Саргсяне продолжение политики укрепления авторитарной вертикали, а в его поражении усматривали возможность усиления демократических элементов в политической системе Армении⁴.

Однако не произошло ни того, ни другого и даже ни третьего. В силу ряда причин реализовалась иная модель: неспособность новой команды удержать выстроенную Кочаряном структуру привели к тому, что централизованная авторитарная система сменилась напоминающую феодальную раздробленность фрагментацией власти.

В свое время Карл Маркс проницательно заметил: «Гегель где-то отмечает, что все великие всемирно-исторические события и личности появляются, так сказать, дважды. Он забыл прибавить: первый раз в виде трагедии, второй раз в виде фарса» («Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта»).

Введение чрезвычайного положения после «событий 1 марта» не могло не породить параллелей с 1996 г. — когда Левон Тер-Петросян после провозглашенной им же «победы» ввел чрезвычайное положение. Вряд ли происшедшие в 1995-1996 гг. и 2008 г. события и их участники могут быть оценены как «всемирно-исторические». Конечно же, пролитая кровь и нанесенный обществу и государству огромный ущерб не позволяют квалифицировать происшедшее как фарс. Но нельзя не видеть если не комизма, то по крайней мере иронии истории в том, что политик, создавший систему фальсифи-

⁴ Заметим, что существует и другая точка зрения, согласно которой аналогия с ситуацией в России верна лишь на поверхностном уровне, тогда как по сути это не так. Как пишет А.Искандарян, «...разница тут принципиальная: Путин до самого конца своего второго срока полностью контролировал и парламентскую коалицию, и бизнес-элиты, и исполнительные структуры. При желании он мог назначить кого угодно... Кочарян же не имел вообще никакой возможности назначать. Саргсян добился статуса «наследника» путем политической борьбы, сумев возглавить партию власти и завоевать большинство в парламенте». См. — *Искандарян А. Армения - 2007: Публичность против элитности // Кавказ- 2007. Ежегодник Института Кавказа. Ер., Институт Кавказа, 2009. С.29.* Но и в случае подобной интерпретации необходимо важное уточнение, приводимое А.Искандаряном: «Общество не восприняло Кочаряна и Саргсяна как конкурентов, но лишь как представителей одной и той же номенклатуры, передающих друг другу эстафету с целью сохранить власть этой номенклатуры...» — там же.

кации выборов, политических репрессий и силового подавления народного недовольства, сам стал ее жертвой. Наказание приобрело вид не юридического приговора — армянское государство оказалось не способным на это, — оно приняло куда более подобающий уровень общественного развития Армении облик житейской притчи на тему «что посеешь, то и пожнешь».

Однако зеркальное отражение ситуации 1996 г. куда серьезнее и трагичнее, чем подтверждение столь тривиальной житейской мудрости. К сожалению, параллели распространяются и на куда более глубинные явления. Важны не внешнее сходство между событиями (те же лица, чрезвычайное положение, военные на улицах), а возврат к некоторой обрекающей общество и государство на отставание архаичной парадигме — некоему специфическому для Армении политическому режиму. Это ставшая характерной для армянской политической культуры разновидность *рыхлого авторитаризма, переходящего в феодализм, чему сопутствует фрагментация государственной власти и приватизация ее институтов, целенаправленная деморализация общества, цинизм и словоблудие вместо политических программ, провинциализация институтов публичной политики*.

Внешне это может выглядеть (и иногда так и трактуется международными экспертами) как децентрализация и делегирование полномочий. Однако если в демократической системе это предполагает делегирование ответственности, то в условиях Армении это оборачивается отказом от ответственности. Безусловно, можно спорить, насколько адекватна заложенная в основу политической системы авторитарная вертикаль власти и какие иные модели могут быть предложены. Во всяком случае, не может считаться разумной альтернативой возникшая в середине 1990-х гг. и воспроизводимая сегодня феодальная фрагментация власти с ее основополагающим принципом — *сеньор моего сеньора не мой сеньор*. При осуществлении государственной политики это приводит к разрыву в цепи между принимающими решения и их исполнителями, несогласованности, а в ряде случаев и безответственности и своеволию на уровне средних и низших звеньев системы управления (за неимением данных мы не касаемся функционирования теневых структур, которые в случае бездействия официальных могут стать реальной властью. Обычно они регулируются характерным для силовых и мафиозных структур принципом безусловного единоначалия).

В 1996 г. режим Левона Тер-Петросяна так и не оправился от одержанной им «победы». Если до этого, в 1993-1996 гг. используя силовые структуры, а главное – парамилитаризованные формирования, он мог контролировать ситуацию и поддерживать режим своей личной власти, то в 1997 г. этот режим распался – Тер-Петросян перестал контролировать свое окружение. Сложилась система удельных князьков, ни во что не ставящих своего патрона – каждый из них считал, что именно ему президент обязан своим президентством. Тем самым, президент стал заложником, зависимым от причуд своих царедворцев, что достаточно скоро привело к системному кризису и досрочному уходу Левона Тер-Петросяна с поста президента в январе 1998 г. Таким образом, победа Левона Тер-Петросяна в результате обернулась поражением созданного им режима.

В феврале 2009 г. Левон Тер-Петросян проиграл – но парадоксальным образом в течение года в результате вновь победила когда-то заложенная им политическая парадигма (что сделало ненужным возвращение во власть самого Тер-Петросяна). Она победила не сразу и не без борьбы, хоть и весьма непродолжительной. Между тем, именно в конце февраля 2008 г., сразу же после выборов, была попытка наметить альтернативный путь. Выборы показали, что ужесточение авторитарной вертикали не приводит к снятию напряжения в обществе, напротив, это обостряет кризис социальной справедливости и солидарности. Социально-экономические проблемы не получают надлежащего решения, и даже экономический рост не служит снятию напряженности, а усиливает пропасть между богатым меньшинством и обездоленным большинством.

Безусловно, осознание этого предопределило изменение программ новоизбранного президента. Период «вхождения» Сержа Саргсяна в должность – это период попыток трансформировать демократическим путем существующий режим. Особо показательно его программное выступление от 26 февраля⁵. В нем выделяются две главные темы – это:

- 1) идея единения и преодоления существующих разногласий,*
- 2) уважение прав и свобод, в первую очередь, - права народа формировать власть путем выборов.*

⁵ «Айастанн Анрапетутюн», 27.02.2008.

Об этом было сказано четыре раза и в различной связи как об основном принципе государства и общества. Весьма эффективным был и практический шаг по обеспечению общественной консолидации – президент предложил всем своим конкурентам-кандидатам в президенты войти в коалицию и сформировать совместную программу действий. Был сделан и шаг навстречу протестному электорату – прозвучало обещание освободиться от сформировавшейся олигархической системы и от вызывающих наибольшее общественное раздражение, если не ненависть, «хмбапетов» (буквально – «атаманов») – разного рода князьков, как правило, обладающих вооруженной охраной.

Культивируемой Тер-Петросяном идеи конфронтации была противопоставлена программа единения. Однако выступление Саргсяна не возымело того эффекта, на которое было рассчитано. Для озвучивания этих серьезных идей был выбран крайне неудачный формат: общереспубликанский митинг, на который усилиями региональных властей были привезены люди из районов. Короткая и совсем немитинговая речь Саргсяна, отсутствие ставших, к сожалению, привычными для армянских митингов развлечений, песен и плясок привело к тому, что значительное количество участников сразу же отправилось на соседнюю площадь – на перманентный митинг Левона Тер-Петросяна, придав ему новый импульс. Вместо единения лишь усилилась конфронтация. Это был жестокий урок – социальная солидарность достигается делами, а не аппаратной, притом весьма топорной работой.

Уже после «событий 1 марта» (об этом ниже) власти предприняли новую попытку конкретизировать программные действия по реформированию системы и выходу из кризиса. Программа предусматривала преодоление раскола в обществе путем осуществления мер по решению проблем в экономике и в социальной сфере. Это была программа правительства, при утверждении изложенная в парламенте ново назначенным премьер-министром Тиграном Саркисяном⁶. Им были достаточно точно указаны унаследованные властями проблемы: *нездоровая морально-психологическая обстановка, раскол общества, значительный удельный вес теневой экономики, коррупция, произвол чиновников, неравные условия конкуренции, бедность и др.*

⁶ «Айстани Анрапетутюн», 30.04. 2008.

Тигран Саркисян предложил реагировать на все эти вызовы системно и наметить пути решения исходя из следующих принципов:

1. *В быстро меняющемся мире необходимо быстро реагировать на изменения;*
2. *Обезопасить Армению от негативного внешнего воздействия и вместе с тем создать условия для желательного для нас сотрудничества;*
3. *Общество и экономика, основанная на знании;*
4. *Обеспечение прав и свобод современного человека.*

Осуществив подобная программа – это привело бы к кардинальному изменению политического режима в Армении и стало бы реальной основой для установления общественного консенсуса. Однако для этого требовалось вступить в конфликт со сложившейся системой, причем в крайне неудачный момент: в условиях продолжающегося противостояния с отвергающими возможность какого-либо диалога сторонниками смены власти. А пойти на это власти не решились. Премьер провозгласил «*Сильные университеты – сильное государство*», но это осталось всего лишь лозунгом. На деле скорее реализовался другой: «*Сильные авторитеты – слабое государство*». Не найдя опоры внутри общества, которое, кстати сказать, вышло из кризиса настолько ослабевшим, что само нуждалось в длительной реабилитации, центральные власти заключили негласное соглашение с местными авторитетами – формальными и неформальными «управляющими» на местах. Это именно те, кого президент называл «хмбапетами» – они и выиграли от противостояния между властью и оппозицией. Первые же столкновения центральной власти и местных авторитетов (это было обострение отношений между премьер-министром и губернатором Сюника, а также громкое дело относительно жестокого убийства в кафе «Одноклассники», в котором были замешаны «гвардейцы» одного из олигархов) из показательных акций по наведению порядка превратились в свою противоположность, продемонстрировав безнаказанность авторитетов.

Глубинное сходство между событиями 1996 и 2008 гг. мы видим в том, что по авторитаризму был нанесен мощный удар, но его ослабление в подобных условиях не приводит к его трансформированию в демократический механизм, а создает феодальную мозаику, чему, помимо сложившихся местнических и клановых отношений,

способствовало приведенное в соответствие с требованиями Совета Европы законодательство о местном самоуправлении⁷. Установившийся в центре рыхлый авторитаризм был гармонично дополнен электоральным феодализмом на местах — когда народ сам выбирает своего феодала⁸. Состоявшиеся в конце лета — начале осени 2008 г. выборы в органы местного самоуправления наглядно показали, кому в реальности принадлежит власть на местах. Важнейший признак демократии — формирование власти путем выборов — в создавшейся системе становится ритуалом, легитимизирующим уже создавшуюся формальную и неформальную иерархию. Провалились робкие попытки центральной власти хоть как-то повлиять на ситуацию, поддержав кандидатов, конкурирующих с наиболее скомпрометированными из местных начальников. Показательно, что в качестве альтернатив выдвигались люди из криминального мира — иным в подобной ситуации нечего было и делать. Конечно, идея найти «просвещенного» бандита, чтобы он навел «порядок», чересчур экзотична, чтобы быть удачной, но она показательна. Излишне говорить, что местные выборы и послевыборные процессы свелись к перестрелкам, избиениям, подкупу и шантажу. Если предыдущему авторитарному режиму, хоть и избегавшему прямого столкновения с криминализованными местными элитами, удавалось хоть как-то держать их в узде, то в новых условиях этот контроль был утрачен. Слова о том, что больше не будет власти *хмбанетов и маузеристов*, оказались из разряда благих пожеланий.

Безуспешной оказалась и попытка атаки на финансово-экономическую мощь новых феодалов — теневую экономику. Борьба премьера с «тенью» очень скоро стала напоминать то, что и в боксе —

⁷ Имплементация Хартии Совета Европы о местном самоуправлении — достаточно показательный пример тому, как формально соблюдаемый постмодернистский проект может приводить к глубокой архаизации. Так, в данном случае разумная идея «Европы регионов», напоминающая средневековую сложную систему, основана на делегировании полномочий и ответственности местных властей и коммун на местах. Ее формально-правовая имплементация в условиях Армении приводит к противоположному результату — разрыву системных связей, бесправию жителей перед избранным ими же начальником, игнорированию общественных интересов и восстановлению клановой организации коммуны.

⁸ Об «электоральном феодализме» см. подробнее: *Золян С.* Институты западной демократии и армянские реалии // Сравнительное конституционное обозрение, № 2(59), 2007. С.132.

то есть тренировочную имитацию боя без соперника. Но в отличие от бокса, где такой бой безобиден, скоро выявились реальные потери. Целью правительства было установление контроля над ярмарками — «черными дырами» контролируемой группой олигархов крупнооптовой торговли. Но последним удалось перенаправить «борьбу» в другое русло — в реальности был ужесточен контроль над средним и мелким бизнесом, и без того пребывающим в достаточно жалком состоянии.

Хотя политическая активность самого Л.Тер-Петросяна и сформированного им Армянского национального конгресса постепенно сходилась на нет, его политическая повестка оказалась востребованной и сменила заявленный было курс на системное реформирование политической и экономической парадигмы. Симптомы этого можно видеть в том, что действующие власти оказались в фарватере информационной и внешнеполитической повестки, заданной сторонниками конгресса. В первую очередь, это касалось оценки результатов выборов и событий 1 марта 2008 г. Свое поражение на выборах Левону Тер-Петросяну и его пропагандистской машине удалось обратить в информационную победу — отказавшись от какого-либо аргументированного представления дела в Конституционном суде, он сделал упор на заявления о нелегитимности существующей власти, что, по эффекту рикошета, должно было утвердить его притязания на победу в президентских выборах. Логика парадокса: в 1996 г. он так и не смог убедить хотя бы свое ближайшее окружение в провозглашенной им победе. В настоящее время, чем дальше от выборов 2008 г., тем больше процентов приписывается Тер-Петросяну (его ближайший сподвижник Л.Зурабян дошел даже до 75%). Это логично — чем в большей степени реализуется когда-то сформированный им режим, тем о более высоких процентах имеет право заявлять Левон Тер-Петросян.

Важной не только информационной, но и политико-правовой победой сторонников Тер-Петросяна надо считать интерпретацию «событий 1 марта». В этом вопросе создалась своеобразная коалиция, блокирующая какую-либо информацию, не вписывающуюся в сценарий о «добрых мятежниках» и «злых карателях». Табу на объективное освещение событий вполне объяснимо: ни одной из сторон, определяющих сегодняшнюю информационную политику, не выгодно признать то, что власть несколько часов буквально вяля-

лась на улице; полицейские силы утратили контроль не только над ситуацией, но даже над собственными подразделениями, а оппозиция — над мобилизованной ею «массовкой», особенно из окраин и пригородных сел. Жестокость полицейских плюс активно распространяемая сподвижниками Тер-Петросяна дезинформация о сотнях убитых, в том числе и детях, породили ситуацию массового, причем в дальнейшем сознательно нагнетаемого психоза, что привело к массовым беспорядкам и (возможно, спонтанным) погромам. Провозгласивший ранее «национально-освободительную борьбу до победного конца» Левон Тер-Петросян предпочел отсиживаться в своей резиденции, его эмиссары, по всей видимости, не имели какой-либо осмысленной программы действий, кроме постоянного нагнетания напряженности, что в конечном итоге вылилось в погромы. Полицейские, которые утром 1 марта 2008 г. немотивированной жестокостью (в том числе и по отношению к случайным прохожим) спровоцировали обострение ситуации, к вечеру разбежались, показав, что в экстремальных условиях полиция не в состоянии обеспечить не только пресловутый «полицейский порядок», но и даже собственную безопасность. В свое время Гарегин Нжде сказал, что занимающийся грабежом может быть дерзким разбойником, но никогда — отважным солдатом. Но применительно к тем полицейским, которые привыкли избивать беззащитных и заниматься поборами, более подходит русская поговорка — «молодец на овец, а против молодца — сам овца». Армии пришлось взять на себя не свойственную ей функцию — обеспечение общественного порядка. И в отличие от 1996 г., армия обошлась без «комиссаров в штатском», без какого-либо вмешательства в жизнь города, но своим символическим присутствием способствовала возвращению жизни в нормальное русло. Армия оказалась, пожалуй, единственным институтом, который действовал с достоинством и адекватно ситуации.

Все последующие месяцы 2008 г. постоянно обсуждался вопрос — кто виноват в «событиях 1 марта», и внятного ответа до сих пор нет. Оппозиция требовала назвать виновных, власти отмалчивались или давали — посредством не самых главных лиц — весьма невразумительные объяснения. Но примечательно, что другой, не менее важный вопрос — а кто в ту трагическую ночь спас Ереван, а может, и Армению, кто предотвратил чреватое куда более серьезными последствиями развитие событий?! До сих пор это имя не названо... Край-

не странно, но, не исключено, что выяснится, что такой силы в самом деле и не было: лишенная лидера толпа исчерпала свою энергию в бессмысленных погромах. Наступивший на утро шок свел на нет расчеты тех радикалов, кто надеялся на то, что пролитая кровь поднимет новую волну протеста, с которой властям уже не удастся совладать.

Что касается властей, то они, в свою очередь, не смогли обосновать выдвинутую ими первоначально версию об организации массовых беспорядков и попытках захвата власти. Можно только предполагать, то ли вследствие табу на значимую часть информации, то ли из-за топорной работы следствия, но выдвинутые обвинения развалились в судах и осталась версия о мирных погромщиках, подвергшихся дикому нападению полицейских. С самого начала событий сторонникам Левона Тер-Петросяна удалось навязать свою версию событий международным организациям и средствам массовой информации и уже от них возвращая ее в Армению – но уже не как собственную интерпретацию, а как мнение международного сообщества. Что касается властей, то их позиция оказалась крайне непоследовательной – внутри страны власти выступили с уголовными обвинениями в адрес оппозиции, что делало невозможным диалог с ней, даже несмотря на ряд символических шагов (как, например, участие премьера в съезде антиправительственных сил). В то же время на международной арене власти заняли позицию защищающихся и оправдывающихся и выступали как сторонники переговоров и компромисса. Такая двойственность не могла долго продолжаться: скоро власти и во внутренней политике были вынуждены перейти от нападения к защите и от обвинений перейти к оправданиям или же к покаяниям по мотивам Достоевского (мол, все мы виноваты, каждый из нас несет свою долю ответственности).

Как видим, поражение Левона Тер-Петросяна на выборах не помешало созданной им политической парадигме победить, навязав свою систему ценностей, и благодаря этому утвердиться в качестве механизма (и идеологии) управления. Весьма скромные проценты, полученные Тер-Петросяном и возглавляемым им Армянским национальным конгрессом уже в следующем 2009 г. на выборах мэра Еревана следует записать на его личный счет, но это не должно заслонять того факта, что заявленная им повестка в основных чертах оказалась востребованной и реализуется.

Однако было бы ошибочным ограничивать анализ сложившейся в 2008 г. ситуации исключительно описанием противостояния сил, победивших или проигравших на выборах 20 февраля 2008 г. Зададимся крамольным вопросом: а есть ли сегодня в обществе силы, способные противостоять этой парадигме? Более того, а не является ли она той формой организации, которая наиболее органична сегодняшнему состоянию армянского общества, — состоянию, в котором оно оказалось после вынужденной эмиграции (в значительной части — образованных и энергичных людей в творчески активном возрасте), после годов упадка образования, культуры, сформировавшегося конгломерата политического цинизма и олигархической экономики. К прискорбию, приобретает все большую инерционную силу и устойчивость возникший еще в 1990-х гг. замкнутый круг: *электоральный феодализм плодит феодальный электорат*, и в то же время *феодальный электорат регулярно воспроизводит электоральный феодализм (власть избираемых феодалов)*. Наиболее наглядно это проявляется на органах местного самоуправления, однако процесс феодализации имеет не только пространственно-территориальное измерение. Менее заметным, но и более опасным является его распространение и на общество в целом. Общепринято, что противоядием против неэффективной власти является гражданское общество.

Можно ли считать гражданским сложившееся в Армении общество?⁹ С формальной точки зрения — конечно же, оно существует. Можно указать на тысячи общественных организаций, десятки партий, сотни формально независимых средств массовой информации и т.д. Однако в реальности соблюдены лишь внешние атрибуты гражданского общества, которые служат как раз-таки противоположной цели — еще большей фрагментации и феодализации.

Разумеется, есть существенное различие между феодализацией государственной власти и фрагментацией общества. Применительно к организации общества следует говорить не о фрагментации

⁹ В Ереванском государственном университете была защищена диссертация на тему о парламенте Армении как институте гражданского общества — это не просто показатель уровня подготовленности армянских политологов, но и показатель того, что само понятие гражданского общества, хоть и часто используется, но в содержательном плане остается неясным даже экспертам. Что уж говорить о самих гражданах?

власти, а о фрагментации интересов, что, возможно, еще опаснее: это приводит к состоянию «войны всех против всех» — то есть именно к тому, что и есть «естественное состояние» по Гоббсу. Напомним, что «гражданское общество», согласно британскому философу, формируется именно в процессе выхода из этого «естественного» состояния путем введения механизмов гармонизации интересов. К сожалению, в Армении происходит скорее обратное — формально гражданское общество все более приобретает черты естественного. Произошла вначале приватизация, а затем — феодализация, а в некоторых случаях, например, при партийном строительстве — и криминализация того, что называется институтами гражданского общества. Происходит характерная для такой системы замена политических процессов меж- и внутриклановой борьбой, чаще всего выливающееся в откровенное интриганство, но иногда и переходящее в криминальную сферу. Поэтому при столкновении интересов крайне редко можно встретить практику согласования, а не их конфронтационного решения («кто сильнее, тот и прав»). Партии и неправительственные организации в значительной своей части также функционируют как большие или малые феоды, обслуживающие своего лидера и ответственные не перед обществом, а перед грантодателем — будь то государственный орган, отечественный олигарх или международная кормушка. Эта зависимость естественно дополняется всевластием в своем «феоде».

Несостоятельность неправительственного сектора, того, что называют институтами гражданского общества, особенно наглядно (не в силу наибольшей испорченности, а поскольку они в наибольшей степени на виду у всех) можно видеть на примере масс-медиа. Весьма символично, что все т.н. «независимые» каналы забиты весьма сочувственными сериалами о буднях бандитов, их трудах и заботах (их «горьком счастье» — так называется наиболее популярный сериал). Это символично — журналистика стала частью криминального мира, разновидностью мелкого рэкета, орудием вымогательства и шантажа. Различного рода пресс-клубы и комитеты защиты прав журналистов постепенно превратились в лоббистов права на вымогательство и безответственность. Во всяком случае, недавние обсуждения относительно возможных поправок к закону ограничились лишь этой темой, оставив в стороне (как якобы противоречащие свободе слова) такие серьезные вопросы, как объектив-

ность информации, независимость СМИ, профессионализм, качество продукции и этику журналистики.

Каким видится выход из создавшейся ситуации? В свое время, описывая ситуацию, сложившуюся в Армении в 2004 г., мы предложили два сценария: «Обобщая, можно наметить различные сценарии дальнейшего развития событий. Пессимистический предполагает углубление не получающих должного решения кризисных явлений, что, в результате массовых протестных акций может привести к диктатуре или же дезинтеграции государственной власти, ее уже полному переходу в руки региональных или ведомственных «князьков». Оптимистический подход, напротив, предполагает, что достигнутая стабильность позволит предпринять меры, которые послужат снижению социально-экономической напряженности и усилению институтов гражданского общества и общественного согласия. Это имеет важнейшее значение и для решения стоящих перед Арменией внешнеполитических задач, прежде всего, Карабахской проблемы»¹⁰.

К сожалению, мы видим, что оказался реализован – слава Богу, хоть не в полной мере, – скорее пессимистический сценарий, а оснований для оптимистических прогнозов поубавилось. Между тем, если раньше можно было худо-бедно, но продолжать в предыдущем духе, то сейчас ситуация кардинально изменилась. Принуждающий к инновациям экономический кризис, с одной стороны, и изменившийся общемировой и региональный политический дизайн (симптомом этому стало избрание Барака Обамы) – с другой – требуют куда более гибкой системы организации и функционирования государства и общества, нежели существующая.

Ждать ли, что ситуация достигнет критической черты, как это было в 1996-1997 гг.?

Безусловно, должны быть предприняты меры, и здесь нет смысла изобретать что-либо новое: достаточно напомнить ранее процитированные программные положения выступлений президента и премьер-министра. Причем эти положения с большой прозорливостью были высказаны еще до наступления глобального экономического кризиса, так что сейчас они стали даже еще актуальнее. Так

¹⁰ *Золян С.* Это сладкое слово – «стабильность». Армения в 2004 году. С.102.

что дело «всего лишь» за их реализацией. Нет оснований сомневаться в их искреннем желании сделать это, вопрос в том, какие силы (если таковые есть) готовы их поддержать...

Что же касается искоренения электорального феодализма и изменения режима в целом, то здесь также не надо придумывать чего-либо оригинального. История человечества давно уже дала ответ на вопрос – какие политические и правовые механизмы способствуют преодолению феодальной системы. Эти механизмы описаны не только в учебниках истории, но и в Конституции Армении и ее Уголовном кодексе. Следует строго следовать конституционным принципам:

- 1) власти (исполнительная, законодательная и судебная) должны быть разделены и не должны быть непосредственно или опосредованно вовлечены в бизнес;
- 2) политика и бизнес не должны быть связаны с уголовщиной – поскольку бизнес тесно связан с криминалом, то, казалось бы, при отграничении политики от бизнеса эта проблема может быть решена относительно легко.

К сожалению эти два положения не столь просты, как кажется на первый взгляд. Они таят противоречие – изменить систему может только сильная власть в сотрудничестве с консолидированным и знающим социальные интересы обществом. Но сегодняшняя реальность такова: если власть не имеет отношения ни к бизнесу, ни криминалу – какая это власть? На взгляд большинства в обществе, таким нечего делать в политике – разве что потешать людей телевыступлениями или же встречать в аэропорту зарубежных гостей.

Решения могут казаться простыми и очевидными – другое дело, что, как бы хорошо они не звучали на конференциях или теледебатах, вряд ли кто-либо в здравом уме будет настаивать на том, что их реализация – достаточна проста и возможна в ближайшем будущем. Вспомним Джонатана Свифта – во время одного из своих путешествий его герой Гулливер попадает в академию, где, среди прочих, встречается с политологами. Эта встреча производит на Гулливера удручающее впечатление:

«В школе политических прожектеров я не нашел ничего занятного. Ученые там были, на мой взгляд, людьми совершенно рехнувшимися, а такое зрелище всегда наводит на меня тоску. Эти несчастные пред-

лагали способы убедить монархов выбирать себе фаворитов из людей умных, способных и добродетельных; научить министров считаться с общественным благом, награждать людей достойных, одаренных, оказавших обществу выдающиеся услуги; учить монархов познанию их истинных интересов, которые основаны на интересах их народов; поручать должности лицам, обладающим необходимыми качествами для того, чтобы занимать их, и множество других диких и невозможных фантазий, которые никогда еще не зарождались в головах людей здравомыслящих. Таким образом, я еще раз убедился в справедливости старинного изречения, что на свете нет такой нелепости, которую бы иные философы не защищали как истину».

ГРУЗИЯ В 2008 ГОДУ: ИСПЫТАНИЕ НА ПРОЧНОСТЬ

Гиа Нодиа

2008 г. — а точнее, период, начиная с сентября 2007 г. — принес Грузии самые тяжелые испытания со времен начала девяностых годов. Можно сказать, под прямым ударом оказались все традиционно уязвимые сферы грузинского государства и общества.

Таких сфер можно выделить три. Прежде всего, это комплекс безопасности, где главным вызовом традиционно являются отношения с Россией и проблемы сепаратистских территорий — две формально различные, но на практике неотделимые друг от друга проблемы. Августовская война с Россией поставила под удар саму перспективу грузинской государственности — популярными в дни войны стали сравнения не с 1992-93 гг., когда шли войны в Абхазии и Южной Осетии, а с 1921 г., когда Грузия в результате российской военной интервенции потеряла независимость.

Вторая точка уязвимости — это конституционный менеджмент политического плюрализма, или, проще говоря, стабильность политической системы. В Грузии до сих пор не было прецедента конституционной передачи власти. С другой стороны, не было и авторитарной консолидации. Политическая среда остается реально конкурентной (пусть условия реально неравны для участников) и демократические правила и ценности остаются доминантными в нормативном смысле (несмотря на недоверие публики к основным представительным институтам). Осенью 2007 г. впервые после «Революции Роз» была предпринята попытка неконституционной смены власти, которая привела к серьезному политическому кризису. Но напряженность, чреватая выходом процесса из конституционных рамок, продолжилась и в первой половине 2008 г., особенно в контексте внеочередных президентских выборов в январе.

Еще одним фундаментальным вызовом является экономика. В последние годы, она развивалась весьма динамично: в 2007 г. экономический рост достиг 12,4%, резко возрос уровень иностранных

инвестиций. Положительные тенденции продолжались и в первой половине 2008 г. Августовская война подорвала эту динамику: доверие инвесторов было особенно болезненной ее жертвой. Вскоре, впрочем, экономический эффект последствий войны практически слился с эффектом мирового экономического кризиса.

В этой статье я сосредоточу основное внимание на внутривнутриполитических проблемах и вопросах безопасности. Прежде чем перейти к делу, однако, я должен сделать важную оговорку. С февраля по декабрь 2008 г. я был членом правительства Грузии, в частности, министром образования и науки, хотя впоследствии вернулся к более привычной мне роли независимого исследователя. В этой статье я стараюсь быть максимально объективным аналитиком — хотя естественно, я был пристрастным участником, а не сторонним наблюдателем анализируемых событий, и это не могло не наложить свой отпечаток на мои заключения и оценки. В частности, в вопросах, касающихся мотивов и действий грузинского правительства во время войны августа 2008 г., я во многом основываюсь на наблюдениях участника.

Демократический разрыв

С внутривнутриполитической точки зрения, год можно разделить на две части: завершение политического кризиса, начавшегося в сентябре 2007 г., и подготовка к новому витку противостояния, ожидаемому весной 2009 г.

Эти кризисные явления выявили структурные проблемы демократической системы в Грузии. Основная из них — отсутствие соглашения о приемлемых правилах игры в борьбе за власть и в трансляции плюрализма социальных и политических интересов на уровень государственного правления. Такие соглашения — гораздо более важная предпосылка демократии, чем писанные правила, зафиксированные в Конституции и законах. Они формируются постепенно как серия прецедентов, связанных с разрешением конкретных политических конфликтов и противоречий, и утверждаются лишь в случае оформленного либо молчаливого согласия основных игроков.

Прецеденты смены власти в постсоветской Грузии привели к своеобразной институционализации «демократических революций». Последним и наиболее успешным в своем роде прецедентом стала

«Революция Роз». Я и сегодня считаю, что в тот конкретный момент неконституционная смена власти была меньшим злом по сравнению с другими вариантами развития событий. Говоря в терминах классической политической теории, это был хрестоматийный пример легитимного и умелого использования народом как демократическим сувереном (естественно, мобилизованным конкретными лидерами) «права на революцию», сформулированного Джоном Локком. Но революция не привела к консолидации институтов представительной демократии — а значит, установка на «демократическую революцию» осталась в силе.

В этом контексте сакральный вопрос «кто виноват» малопродуктивен — особенно когда отвечающий является активным участником внутривнутриполитических дискуссий. Более важно описание конкретных симптомов и проявлений. На фоне недоверия к формам представительной демократии (прежде всего, выборам) в Грузии сформировалось представление о том, что наиболее адекватной формой проявления воли демоса, как суверена демократического режима, является «прямая демократия». В развитых демократиях понятие «народа» принято отождествлять с совокупностью индивидов, принимающих решения в одиночестве камер для голосования, или с пестрой мозаикой групп интересов, оформленных или неоформленных в партии, ассоциации и т. д. Но когда такие «опосредующие институты» развиты слабо, концепт «народа» отождествляется в политическом сознании с его чисто физической ипостасью — совокупностью обычно очень сердитых людей, собравшихся на площади, и зафиксированных камерами местных и иностранных средств массовой информации. Пятачок перед зданием парламента на проспекте Рушвела стал, по выражению Давида Дарчиашвили (политического аналитика, а ныне депутата парламента от правящей партии), «геополитическим центром (heartland) грузинской демократии»: люди, скопившиеся на этом сакральном пространстве, тем самым претендуют на монопольное право выражать «волю народа» и объявляются исключительными носителями демократической легитимности. Что особенно важно, опыт последних двадцати лет показывал, что политическая сила, которой удавалось завладеть этим пространством, в конце концов устанавливала контроль и над формальными институтами власти.

В сентябре 2007 г. с протестов против ареста Ираклия Окруашвили — перешедшего в оппозицию бывшего министра обороны и ближайшего сподвижника президента Саакашвили, начался новый виток политического противостояния, точнее — новая попытка организовать в Грузии очередную «демократическую революцию» по примеру «Революции Роз» 2003 г. Исход событий осени можно подытожить как ничью. В противовес прецедентам предыдущих лет, занятие оппозицией проспекта Руставели не привело ни к смене власти, ни к ее внутреннему ослаблению и расслоению. Это показывало, что Грузия избавляется от эндемического комплекса «слабого» или «несостоявшегося» государства. С другой стороны, что не менее важно, разгон протестной демонстрации 7 ноября 2007 г., объявление чрезвычайного положения и временное закрытие оппозиционных телеканалов не привело к авторитарной консолидации власти. Президент Саакашвили взял на себя ответственность за политический кризис, объявив об отставке и внеочередных президентских выборах, а также о плебисците на предмет переноса парламентских выборов на весну (такой перенос был одним из требований оппозиции). Это было прямым признанием силы оппозиции. Общество было примерно поровну разделено на сторонников власти и оппозиции¹, так что обе стороны могли реалистически претендовать на победу в выборах. Впервые в истории Грузии ожидалось действительно конкурент-

¹ Подобные утверждения обычно сопровождаются ссылками на результаты надежных опросов общественного мнения. В Грузии одной из серьезных проблем не только для политического анализа, но и для демократического развития является то, что результаты серьезных профессиональных опросов, которые не проводятся по заказам политических партий, не публикуются. Международный Республиканский институт США более или менее регулярно проводит опросы и публикует часть результатов на своей интернет-странице, однако это не включает наиболее политически чувствительные вопросы, как рейтинг политических лидеров. Основные политические субъекты проводят опросы, направленные на получение реальной картины, и время от времени «просачивают» в прессу ту часть результатов, которая им выгодна. Однако любая такая публикация сопровождается обвинениями в подтасовке со стороны «пострадавших» политических сил. Исследователи могут неформально иметь доступ к результатам надежных опросов, но не могут их цитировать. Автор этих строк, в частности, может сказать, что его положения соотносятся с результатами тех исследований, которые он лично считает надежными — но это утверждение обречено на обвинения в недобросовестности со стороны тех, кто не согласен с ним по политическим мотивам.

ные выборы за наиболее действенный институт власти — президентское кресло. Это позволяло трактовать исход осеннего кризиса, как шаг на пути к более сбалансированной политической ситуации, что было бы шагом на пути к реальной консолидации демократии².

Эти надежды не оправдались, поскольку результаты президентских и, позднее, парламентских выборов не были признаны проигравшей их оппозицией как легитимный исход политической игры. Саакашвили выиграл в первом туре с 53,5%, основной кандидат оппозиции Леван Гачечиладзе получил 25,7%. Параллельно, плебисцит поддержал перенос парламентских выборов на весну (что уже устраивало правящую партию), а отдельным голосованием население (72,5%) поддержало курс на вступление в НАТО. Позднее, парламентские выборы были назначены на май 2008 г.

Оппозиция обвинила Центризбирком в подтасовке результатов и объявила Саакашвили «самозванцем». Лидеры оппозиции говорили о том, что они, используя акции гражданского неповиновения, не дадут возможности Саакашвили реально осуществлять свою власть³. Однако в результате переговоров между оппозицией и властью, удалось избежать открытых столкновений: несмотря на достаточно крупную демонстрацию протеста, день инаугурации, 20 января 2008 г., прошел мирно.

Насколько обоснованы были обвинения оппозиции в массовой фальсификации выборов? Миссия наблюдателей ОБСЕ строго критиковала определенные аспекты избирательного процесса (факты давления на работников государственного сектора и активистов оппозиции, недостаточное размежевание деятельности государственных организаций и правящей партии, проблемы в процессе подсчета голосов и реагировании не последующие жалобы), но в целом не ставила под сомнение его демократический характер и закономерность окон-

² Автор этих строк именно так, с позиции осторожного оптимизма, трактовал ситуацию в конце 2007 г. См. подробнее: «Уртиертвердачмореба», Газета «24 саати», 01.12. 2007. Английский вариант: *Failure at Mutual Emasculation: Notes of a Cautious Optimist on the Results of November Non-Revolution*, http://www.cipdd.org/index.php?lang_id=ENG&sec_id=50.

³ См., например: *Opposition Leader: We Won't Allow Saakashvili to Govern* // *Civil Georgia*, 14.01. 2008 (в заголовке цитируется высказывание одного из лидеров Консервативной партии Кахи Кукава).

чательного результата⁴. Подобные заключения обычно встречают с большой долей скептицизма, и не без оснований: международные наблюдательные миссии отличаются осторожностью и редко ставят под сомнение общие результаты выборов, так как боятся тем самым способствовать дестабилизации обстановки (и без того, в случае с Грузией, взрывоопасной). Саакашвили начисто проиграл выборы в столице — Тбилиси, и выиграл в основном за счет подавляющего преимущества в трех регионах — Мегрелии, Квемо Картли и Самцхе-Джавахети. Последние два известны как регионы расселения основных национальных меньшинств Грузии — азербайджанцев и армян, которые на всех выборах в массовом порядке отдают свои голоса за кандидатов власти. Вместе с тем, это те регионы, где слабее гражданский контроль и больше возможностей для фальсификации. В основном именно на недоверии к результатам выборов этих двух регионов и основывались обвинения в неправомерности результатов.

Поскольку моделью для стратегии оппозиции служила ситуация, приведшая к «Революция Роз», то имеет смысл сделать сравнение с выборами ноября 2003 г. Тогда наиболее твердыми доказательствами массовой подтасовки выборов послужили результаты экзит-полов, проведенных под эгидой авторитетной американской организации и профинансированной группой международных доноров, и, особенно, параллельного подсчета голосов, проведенным Национальным демократическим институтом США (NDI) вместе с грузинским партнером — Международным обществом за справедливые выборы и демократию. В обоих случаях были зафиксированы большие расхождения с официальными результатами, приводившими к качественно иному составу парламента.

В январе 2008 г. таких доказательств не было. После колебаний, международные доноры отказались финансировать коалицию гражданских организаций для проведения экзит-полов — в результате чего этот проект был профинансирован грузинскими телекомпаниями,

⁴ *Georgia Extraordinary Presidential Election 5 January 2008*, OSCE/ODIHR Final Observation Mission Final Report, Warsaw, 4 March 2008. Матиас Йорши, представитель Парламентской ассамблеи Совета Европы и традиционный репортер по вопросам Грузии в этой организации, в личном интервью высказался более критично и назвал процесс выборов «разочарованием» - PACE Monitor: Georgia Election Disappointment, but Legitimate // Civil Georgia, 21.01.2008.

известными своей проправительственной ориентацией. Это дало повод оппозиции объявить недоверие их результатам – которые оказались очень близки к результатам Центральной избирательной комиссии⁵. Параллельный подсчет голосов показал, что Саакашвили получил 50,8% при марже ошибки в 2%⁶ – этот результат оппозиция под сомнение не ставила, но редко упоминала.

Следует отметить и то, что среди разношерстной оппозиции было достаточно сил, готовых манипулировать массовыми представлениями о подтасовке выборов и использовать противозаконные методы для захвата власти. В конце декабря 2007 г. власти распространили сенсационные тайные записи переговоров, где Бадри Патаркацишвили, миллиардер с сомнительной репутацией и один из оппозиционных кандидатов в президенты, сначала через одного из членов своей партии, а затем лично пытался завербовать одного из высших чинов министерства внутренних дел. Последний должен был инсценировать разоблачение подтасовки выборов (используя, кстати, уже упоминавшуюся телекомпанию «Имеди») а затем сам же возглавить вооруженный переворот на волне справедливого возмущения народа. После разоблачений почти все лидеры оппозиции отмежевались от Патаркацишвили, но вместе с тем продолжали открыто обсуждать сценарии, по которым власти обязательно подтасуют выборы, что даст легитимные основания для приемлемой для Запада новой демократической революции (это было бы повторением сценария «Революции Роз» уже в близком к оригиналу варианте). Представители оппозиции априори отмежевались от всех попыток организаторов экзит-полов привлечь их к мониторингу этой операции. Все это помогло власти убедить своих сторонников, что разговоры о подтасовке выборов – заранее скоринированная подготовка к неконституционной смене власти.

Вышесказанное позволяет сказать, что у оппозиции и ее сторонников были основания для обвинений в том, что в процессе выборов были достаточно серьезные нарушения, которые не вязались с претензиями Грузии на неформальное звание «светоча демократии». Однако ей не удалось представить убедительных доказательств, что эти нарушения были достаточно массовыми для того,

⁵ Автор этих строк был одним из организаторов экзит-полов в январе 2008 г.

⁶ http://www.isfed.ge/elections/reports/isfed_electionreport_2008_eng.pdf.

чтобы повлиять на результат. С другой стороны, у власти и ее сторонников была возможность с чистой совестью утверждать, что нарушения нарушениями, но большинство населения реально поддержало Саакашвили, тогда как оппозиция сознательно манипулировала темой «подтасовки». Обе стороны (я имею в виду не только политических лидеров и активистов, но поддерживающие их сегменты общества) могли позволить себе внутреннюю убежденность в своей правоте. Это способствовало углублению раскола населения на часть, не приемлющую легитимность власти (поскольку последняя является «самозваной»), и часть, не приемлющую легитимность оппозиции (поскольку последняя не желает принимать конституционные ограничения в борьбе за власть). Кристаллизация двух непримиримых позиций в обществе создала фон, определивший характер дальнейшего политического противостояния.

Проблема оппозиции заключалась в том, что, объявив о непризнании власти и ориентации на методы гражданского неповиновения, она не имела ни ресурсов, ни адекватной стратегии и политической воли для осуществления подобной программы. В феврале под Лондоном неожиданно скончался от сердечного приступа Патаркацишвили — естественно, политические игроки начали спекулировать различными «версиями», но британская полиция их не подтвердила, и поверить в то, что грузинские спецслужбы способны на организацию политических убийств в Лондоне, было сложно. Еще до того, вскоре после выборов телекомпанию «Имеди» вновь закрыли на время расследования о планировании государственного переворота со стороны Патаркацишвили (на основе упомянутых записей). После смерти Патаркацишвили контроль над «Имеди» перешел к его родственнику Джозефу Кею (Какалашвили), который занял проправительственную позицию⁷. Это означало, что власти установили фактический контроль над всеми электронными средствами массовой информации общенационального вещания. Это было серьезным шагом назад с точки зрения демократического плюрализма и одновременно лишило оппозицию важного информационного ресурса.

⁷ Вдова Патаркацишвили оспаривала законность подобного наследования, однако суд подтвердил права Кея.

В феврале-марте 2008 г. оппозиция постаралась осуществить свою тактику «гражданского неповиновения», сделав упор на акции голодовки перед парламентом (партия «Новые правые», впрочем, предпочла голодать в приемной председателя парламента Нино Бурджанадзе). Правительство на этот раз избрало тактику, существенно отличающуюся от ноября 2007 г., никоим образом не воспрепятствовав организации палаточного городка перед парламентом, вступая с оппозицией в диалог по части одних требований и отвергая другие. Оппозиция, с другой стороны, постоянно меняла требования, тем самым показывая, что для нее важен сам процесс протестной мобилизации в преддверии парламентских выборов и демонстрация того, что она способна принудить власть к уступкам. Эта тактика, однако, привела к краху. 25 марта 2008 г. голодовку пришлось завершить, ничего не достигнув: естественно, политические лидеры не собирались умирать за изменения в избирательном кодексе, и власть умело разоблачила их блеф. Акции оппозиции оказались демонстрацией слабости.

Это оказало серьезное влияние на катастрофические для оппозиции результаты парламентских выборов. В части пропорциональных выборов президентская партия – Объединенное национальное движение – набрала 59,2% голосов, однако получила подавляющее большинство в одномандатных округах (71 из 75). В результате, партия получила 119 из 150 мандатов членов парламента – твердое конституционное большинство. Среди оппозиции барьер удалось преодолеть трем субъектам – Объединенной оппозиции (17,7%, 2 победы в одномандатных округах), христианским демократам (8,7%) и лейбористам (7,4%). Важным новшеством был успех христианских демократов. Эта партия была создана на основе телекомпании «Имеди», ее лидером стал Георгий Таргамдзе, бывший в течение нескольких лет «лицом» компании, наиболее популярным ведущим политических программ, но вовремя отмежевавшийся от Патаркацишвили после разоблачений его противозаконной деятельности.

Явный контраст с результатами президентских выборов можно объяснить более успешной мобилизацией со стороны власти так называемых «административных ресурсов», что обычно подразумевает как проведение перед выборами популярных (или популистских) мероприятий, так и различные формы скрытого давления на сторонников и активистов оппозиции (в основном за пределами столицы).

Заклучение международной наблюдательной миссии было в данном случае еще более критично, чем на президентских выборах⁸.

Тем не менее, трудно найти качественные различия в поведении власти перед президентскими и парламентскими выборами — этим на объяснишь, почему в мае, в отличие от января, у оппозиции уже не было никаких шансов на успех. Что симптоматично, на этот раз оппозиция однозначно проиграла Тбилиси, добившись победы лишь в двух одномандатных округах из десяти. В столице уровень контроля за процессом выборов намного выше, и объяснять результаты массовыми подтасовками очень трудно. Как видно, к маю оппозиционно настроенная часть избирателей разуверилась в своих лидерах: их явно необдуманный радикализм сыграл против них.

Результаты выборов привели к расколу оппозиции на парламентскую и непарламентскую. Объединенная оппозиция и лейбористы в знак протеста против нарушений объявили об отказе войти в парламент, тогда как христианские демократы и часть других депутатов, избранных от оппозиции, не последовала их примеру. Первые сразу обвинили вторых в сговоре с властью.

Во второй половине 2008 г., в результате войны с Россией внутривнутриполитическая динамика полностью отошла на второй план. Война привела к консолидации общества вокруг правительства, а оппозиция объявила временный мораторий на протестные акции. В ноябре она попыталась отметить годовщину разгона демонстрации 7 ноября 2008 г., но демонстрация протеста оказалась маломощной. Оппозиция обвиняла Саакашвили в опрометчивой политике, приведшей к войне, и говорила о подготовке более масштабных акций протеста весной 2009 г.

Таким образом, результаты политического противостояния с сентября 2007 г. по май 2008 г. углубили кризис легитимности институтов представительной демократии. Решение основной части оппозиции отказаться от методов парламентской работы поставили точку в одном политическом цикле, но определили характер следующего: оппозиция обрекла себя на использование исключительно радикальных, «уличных» методов борьбы, которые усиливают установку на «исход с

⁸ *Georgia Parliamentary Elections 21 May 2008, OSCE/ODIHR Final Observation Mission Final Report, Warsaw, 9 September 2008.*

нулевой суммой», где единственно приемлемым решением может быть лишь полная капитуляция противника. С другой стороны, переход телекомпании «Имеди» в проправительственный лагерь означал качественно более высокий уровень концентрации фактической власти в руках правительства (два открыто оппозиционных телеканала, «Кавкасиа» и «Маэстро», вещали лишь на Тбилиси). В целом можно сказать, что по объективным индикаторам Грузия сделала шаг назад в развитии демократии.

Необходимости подобного исхода не было. Пришедшее к власти революционным путем правительство Михаила Саакашвили отдало приоритет быстрым модернизационным реформам и концентрации власти в противовес демократической ориентации на ее разделение. Резкое повышение эффективности государственных агентств подчеркнуло структурную слабость институтов гражданского общества — неправительственных организаций, масс-медиа, оппозиционных политических партий — и объективно понизило их шансы конкурировать с энергичным и уверенным в своей правоте и исторической миссии правительством, которое не видело нужды консультироваться с другими общественными силами. В этом смысле, естественно и справедливо возлагать именно на правительство Саакашвили основную ответственность за то, что порожденные «Революцией Роз» надежды на скорую демократизацию политической системы не оправдались. Однако массовые выступления в ноябре 2007 г. привели к перелому в настроениях власти: она была готова пойти на уступки. В частности, она согласилась с предложениями оппозиции по таким политически чувствительным вопросам, как изменение избирательной системы и метод формирования администрации выборов. В случае умелой — настойчивой и одновременно гибкой — политики, оппозиция могла достичь гораздо более сбалансированной политической ситуации. Однако, она выбрала тактику «все или ничего», не имея для этого достаточных политических ресурсов, прежде всего — нужного уровня поддержки населения. В результате, она растратила свой политический капитал и пришла к катастрофе на парламентских выборах.

Методы и установки оппозиции хорошо иллюстрирует пример 19 февраля 2008 г., когда парламент вынес на голосование проект поправок к конституции по изменению избирательной системы. Поправки были внесены по требованию оппозиции и отражали ее интересы. По новой системе, 100 из 150 депутатских мандатов рас-

пределялись по пропорциональной системе из общенациональных партийных списков, а 50 так называемых «мажоритариев» избирались по многомандатным округам в рамках крупных округов. Фактически, эти 50 депутатов тоже избирались по пропорциональной системе, но по региональным спискам. Для принятия поправок необходимо было по крайней мере несколько голосов оппозиционных депутатов, так как в тот день у партии власти не было двух третей голосов депутатов парламента. Оппозиция отказалась принимать участие в голосовании, поскольку опасалась, что это было бы расценено как «сотрудничество с властью», и ссылаясь на то, что в случае сильной политической воли власть могла мобилизовать необходимые две трети и без нее⁹. Поправка провалилась, а позднее парламент поддержал другую систему, по сути не менее демократичную, но невыгодную для оппозиции: 75 депутатов избиралось по общенациональным спискам, 75 — по одномандатным округам из районов. Шансы оппозиции на успех в выборах (к тому времени они все еще считались весьма высокими) уменьшились.

Грубые ошибки оппозиции отчасти можно объяснить так называемыми «субъективными причинами»: отсутствием сильных и умелых лидеров, взаимным недоверием среди многочисленных партий, когда любое проявление гибкости автоматически рассматривается как измена. Но более общую причину можно искать в революционном синдроме, или, говоря языком политической науки, *path dependency* (инерционной приверженности) к революционной стратегии. Эту приверженность разделяли не только (и, возможно, не столько) лидеры, но и их социальная опора — протестно настроенные граждане, которые видели в существующем правительстве лишь абсолютное зло, и считали, что единственно возможный метод отделаться от ненавидимой ими власти — радикально-революционные (пусть не открыто насильственные) действия по примеру «Революции Роз». Искреннее и твердое убеждение оппозиционной части общества, что власть «украли» у них победу на президентских выборах, еще более усиливает эту установку, придает ей квазиправовую основу.

Этот синдром является серьезным препятствием для консолидации демократии в Грузии. Для его преодоления необходимо два ус-

⁹ Vote on Key Constitutional Amendments Postponed // Civil Georgia, 19.02.2008.

ловия. Первое — должен сломаться основанный на прецедентах недавней грузинской истории стереотип, что заполненный сторонниками оппозиции проспект Руставели рано или поздно обязательно приведет к смене власти. В этом смысле исход политической борьбы между сентябрем 2007 г. и маем 2008 г. был важным шагом вперед. С другой стороны, подавляющее большинство избирателей, вне зависимости от их политических симпатий, должно увериться в том, что власть в Грузии можно сменить через выборы. Этот прецедент еще следует создать.

Августовская война: цели и результаты

Августовская война между Россией и Грузией была ожидаема и неожиданна одновременно. Она явилась логическим завершением противостояния, которое началось в процессе распада Советского Союза, обострилось после прихода Владимира Путина к власти в России в 1999 г. и перешло в предвоенную стадию после официальных или полуофициальных заявлений российских руководителей о том, что Россия готова применить прецедент косовского урегулирования к конфликтам в ее «ближнем зарубежье»¹⁰.

Эта война стала главным событием года не только для Грузии или Южного Кавказа, но и главным потрясением на международном уровне — пока ее не затмил глобальный экономический кризис. На фоне вызванного шока парадоксально выглядит то, что реально война изменила не так уж много ни на локальном, ни на глобальном уровне. Исключение составляет ситуация собственно в Абхазии и Южной Осетии, которые до войны называли (впрочем, не совсем справедливо) зонами «замороженных» конфликтов¹¹. Можно сказать, что война эти конфликты «перезаморозила» на новых условиях. Эти условия чрезвычайно болезненны для Грузии психологически и оста-

¹⁰ Андрей Илларионов аргументировано раскрывает шаги, которые, начиная с 1999 г., логично привели Россию к августу 2008 г. См. его статью: *The Russian Leadership's Preparation for War, 1999-2008 // The Guns of August 2008: Russia's War in Georgia* / Ed. Svante E. Cornell, S. Frederick Starr. M. S. Sharpe: Armonk, NY, London, England, 2009. P.49-84.

¹¹ Конфликты были «заморожены» в правовом смысле — не было движения в направлении их решения; однако, реальная ситуация менялась, и столкновения меньшего масштаба продолжались. Для полной корректности далее я буду называть эти конфликты «полузамороженными».

вили после себя высокий уровень напряженности в отношениях с Россией. Но не исключено, что новая, менее двусмысленная ситуация может стать основой для создания более стабильного режима безопасности, и что она скорее укрепит, чем ослабит стратегическую позицию Грузии в долгосрочной перспективе.

Значение августовских сражений намного шире, чем судьба двух небольших территорий. Конфликт, пиком которого стала война, можно с равным правом рассматривать как противостояние собственно между Россией и Грузией, так и как остаточный фронт холодной войны между Западом и Россией как преемницей (в правовом и психологическом смысле) Советского Союза. С точки зрения российской политической элиты, Грузия не является самостоятельным противником, с которым имеет смысл вести политическую игру непосредственно – таковым является Запад (США, НАТО, Евросоюз). Цель последних (в российском политическом сознании) – «выжать» Россию из зоны ее «естественных» и «законных» интересов (прежде всего, бывшего СССР). Принятие этих стран в НАТО или в Европейский Союз было бы закреплением «вытеснения» России. Для достижения своих целей Запад использует таких своих ставленников, как Саакашвили в Грузии или Ющенко на Украине. «Цветные революции» в Грузии и на Украине воспринимаются не как этапы во внутренней политической эволюции этих стран, но как спецоперации Запада с целью обеспечить здесь правление своих ставленников. Исходя из этой логики, стратегическая цель России в этих странах состоит в том, чтобы, как минимум, ослабить прозападные режимы, а в лучшем случае способствовать их замене более или менее пророссийскими силами.

Смена режима в Грузии сулила особенно серьезный геополитический выигрыш. Во-первых, она имела бы важный демонстрационный эффект для политических элит других постсоветских стран (которые колебались между Россией и Западом). Важность Грузии в глазах российской политической элиты усиливало то, что она считала контроль над добычей и транспортировкой нефти и газа особо важной козырной картой в отношениях с Западом: именно через Грузию идут осуществленные или намеченные проекты транспортировки каспийских минеральных ресурсов в обход России. Контроль над Грузией означал полную зависимость от России каспийских стран – экспортеров нефти и газа, и сужение пространства для маневра в отношениях с Росси-

ей для западных стран. С другой стороны, наличие в Грузии зон «полумороженных» конфликтов, в которых контрольный пакет акций принадлежал России, и, казалось бы, эндемическая склонность этой страны к периодическим революционным потрясениям, и присутствие во власти неопытных молодых политиков во главе с «неуравновешенным», а значит легко провоцируемым Саакашвили создавал благодатную почву для попыток повлиять на смену режима. Если это «смогли» американцы в 2003 г., почему бы не попытаться России?

Сначала российское руководство попыталось использовать методы экономического давления. Весной 2006 г. Россия запретила ввоз грузинских вин и минеральных вод — основного грузинского экспорта в Россию, а осенью, в ответ на арест и высылку из Грузии граждан России по обвинению в шпионаже, последовала полновесная экономическая блокада. Это, однако, не привело ни к экономическому кризису в Грузии, ни к падению популярности Саакашвили. События сентября 2007 г. — мая 2008 г., проанализированные в предыдущей главе, показали, что правительство Саакашвили способно выдержать и крупномасштабные выступления оппозиции. Как уже говорилось в предыдущей главе, заполненный сердитыми гражданами проспект Руставели не обязательно приводит не только к смене режима, но и к его дестабилизации¹². Поддержка открыто

¹² Здесь нельзя не коснуться чрезвычайно скользкой для любого исследователя темы — предполагаемого влияния России на массовые акции оппозиции против Саакашвили. В ноябре 2007 г., грузинские власти делали обвинения в адрес отдельных лидеров оппозиции в сотрудничестве с российскими спецслужбами, и распространили аудиозаписи их переговоров с предполагаемыми агентами спецслужб. Однако, никаких дальнейших правовых шагов предпринято не было, обвинения повисли в воздухе, а «разоблаченные» лидеры спокойно продолжили политическую деятельность. Такие политически мотивированные, но документально неподтвержденные (или недостаточно подтвержденные) обвинения в том, что за оппозиционными выступлениями в Грузии стоял какой-либо «российский заказ», конечно, не могут быть взяты за основу для серьезных выводов. У меня не вызывает сомнений то, что масштаб и характер оппозиционных выступлений в Грузии определялся недовольством большей части граждан и уверенностью в том, что массовые уличные протесты являются единственным методом воздействия на правительство. Нет никаких признаков того, что на каком-либо этапе Россия была способна контролировать общее направление акций оппозиции в Грузии. Однако это не исключает того, что вышедшее из недр спецслужб российское руководство не только проявляло живой интерес к событиям и участвовало на падение Саакашвили, но и имело своих «агентов влияния» среди оппозиционных лидеров, пытаясь подтолкнуть события в желательное для них русло.

пророссийских сил, как партия «Справедливость» во главе с Игорем Гиоргадзе, привела вообще к смехотворным результатам - представитель этой партии Ирина Саришвили на президентских выборах 2008 г. получила менее одного процента голосов. Оставалась военная интервенция – естественно, через использование «полузамороженных» конфликтов как наиболее уязвимых точек.

Более конкретно, для Грузии точками уязвимости являлось присутствие этнически грузинских анклавов внутри Абхазии и Южной Осетии – соответственно, Кодорского ущелья в Абхазии, региона между Цхинвали и Джавой в Южной Осетии¹³. Это составляло существенную разницу между этими конфликтами и, скажем, карабахским или кипрским, где существует более или менее четкая делимитация сторон. Наличие этих зон имело амбивалентное значение для грузинского правительства. С одной стороны, их защита была патриотическим долгом и стратегическим приоритетом: поскольку восстановление территориальной целостности Грузии оставалось одной из наиболее важных политической целей, наличие смешанного контроля в зонах конфликта было важной козырной картой грузинской стороны как в политическом, так и военно-стратегическом смысле. Именно по этой причине наличие подобных анклавов являлось причиной серьезной нервозности со стороны сепаратистских властей. Но, даже при наличии грузинских анклавов, реальное восстановление территориальной целостности являлось чисто теоретической возможностью – по крайней мере, до того, как Россия продолжала поддерживать сепаратистские режимы. В кратко- и среднесрочной перспективе, их присутствие объективно дестабилизировало ситуацию, а их защита требовала серьезных экономических, военных и политических ресурсов. На фоне дальнейшего ухудшения российско-грузинских отношений, примерно начиная с весны 2007 г., шаткая ситуация вокруг них означала прямую угрозу развертывания военных действий. Эта угроза и стала реальностью в августе 2008 г.

Естественен вопрос: могла ли Грузия предотвратить войну, и как? Предопределили ли войну конкретные ошибки Саакашвили?

¹³ Я не включаю сюда Гальский район на границе Абхазии и собственно Грузии, почти полностью населенный грузинами, так как в военном отношении он находился под российско-абхазским контролем и до войны, и в строгом смысле слова анклавом не является.

Ошибки, естественно, были (часто упоминают, например, излишне резкие высказывания грузинского президента о его российском коллеге), но вряд ли они могли вызвать войну. «Ошибкой» стратегического масштаба можно считать сам факт ориентации на Запад, на членство в НАТО и Европейский Союз, ибо именно это являлось корневой причиной неприятия Россией политики Грузии. Но это означало бы отказ от национального проекта, который является основной точкой консенсуса среди различных политических партий в Грузии. Кроме того, правительство Шеварднадзе в 1993–95 гг. уже провело эксперимент — оно попыталось ориентироваться на Россию в военно-стратегическом смысле, но никаких ощутимых положительных результатов это не принесло.

Вторым шагом, который теоретически мог предотвратить войну, был бы отказ от претензий на Абхазию и Южную Осетию. Это лишило бы Россию повода для агрессивных акций. Однако, ни одно правительство Грузии не смогло бы пойти на такое изменение политики, сразу не перестав быть правительством.

То, что реально следует считать просчетом Саакашвили — возможно, самой большой ошибкой его президентства — это поддержка иллюзии сравнительно быстрого решения проблем Абхазии и Южной Осетии. Это само по себе отнюдь не означает, что он ориентировался на их военное решение. Если не считать авантюрных действий в июле-августе 2004 г., когда правительство решило осуществить модифицированный аджарский сценарий в Южной Осетии, Грузия в этих регионах вела позиционную игру: ее действия были направлены в первую очередь на поддержку и укрепление уже существующих грузинских анклавов на сепаратистских территориях, и привлечение внимания международного сообщества к опасностям, которые проистекают из нерешенности («полузамороженности») этих конфликтов. Постоянная риторика о сравнительно скором восстановлении территориальной целостности была предназначена для внутреннего пользования и имела во многом ритуальный характер. Однако совокупность этой риторики с приоритетной заботой о построении армии (что само по себе имело вполне рациональный смысл на фоне ориентации на НАТО и полного пренебрежения этим аспектом государственного строительства со стороны предыдущего правительства) создавало впечатление, что грузинское правительство подумывает о военном

решении. Этот стереотип оказался крайне полезным для России в августе 2008 г.

Решение о начале атаки на Цхинвали, принятое Саакашвили вечером 7 августа, было, естественно, крайне противоречивым и может быть предметом легитимной критики. Как бы его не оценивать с политической, военно-стратегической и правовой точки зрения, ясно одно: оно оказалось решающим для международной рецепции конфликта, согласно которой войну начала Грузия, Россия повинна лишь в «непропорциональном ответе». Даже западные аналитики, в целом с симпатией относящиеся к позиции Грузии в этой войне, пишут о том, что «Саакашвили попал в расставленную Россией ловушку». Возможно. Однако, с точки зрения грузинского руководства, решение атаковать Цхинвали было принято лишь после понимания того, что предотвратить войну уже не удастся, и необходимо было использовать минимальные оставшиеся шансы на то, чтобы как-то защитить оставшееся в окружении население грузинских деревень внутри юго-осетинской территории (между Цхинвали и Джавой). Кроме того, еще оставалась не оправдавшая себя надежда на то, что Россия не пойдет на открытую войну с Грузией¹⁴.

Впрочем, для анализа собственно военной составляющей конфликта, я сошлюсь на подробное исследование Павла Фельгенгауэра¹⁵, и сосредоточусь на основных политических результатах войны. Эти результаты неоднозначны с обеих сторон. С традиционной, военной точки зрения все достаточно ясно: Россия победила и Грузия проиграла. Ее армия была сильнее, и поэтому Россия расширила зону территориального контроля. Упомянутые грузинские анклавы перестали существовать. Результаты военной победы получили правовое закрепление – Россия признала Абхазию и Южную Осетию независимыми государствами, тем самым зафиксировав их отделение от Грузии. В условиях, когда Россия фактически единственное такое государство (признание со стороны Никарагуа имеет

¹⁴ Я высказал свое мнение о мотивах действий обеих сторон в опубликованной в дни войны статье: См. подробнее: *The War for Georgia: Russia, the West, the Future* // www.opendemocracy.net/article/georgia-under-fire-the-power-of-russian-resentment.

¹⁵ *Pavel Felgenhauer, After August 7: The Escalation of the Russia-Georgia War // The Guns of August 2008: Russia's War in Georgia* / Ed. Svante E. Cornell and S. Frederick Starr. M. S. Sharpe: Armonk, NY, London, England, 2009. P.162-180.

чисто символическое значение), это означает возникновение двух полностью зависимых от России территорий.

Но на деле Россия контролировала большую часть этих территорий и до войны. В этом смысле, результаты августовской войны представляют собой не что иное, как консолидацию и официальное оформление результатов войн начала 1990-х гг.

Однако, вряд ли Россия шла на войну с целью завоевания Ахалгорского района. Если рассматривать результаты войны в системах Россия – Грузия, Россия – соседние страны, Россия – Запад, результаты совершенно неоднозначны.

Несмотря на военные результаты войны, прозападный режим Михаила Саакашвили устоял. Более того, нет индикаторов того, что он ослаб. Война выявила серьезные недостатки в подготовке грузинской армии, но она не привела к хаосу, система государственных институтов продолжала работать достаточно слажено, не было массовой паники. Экономика, конечно, серьезно пострадала, но не больше, чем экономика России, или – на фоне глобального кризиса – экономика соседних государств. Уровень популярности правительства не пострадал – наоборот, большинство населения Грузии скорее сплотилось вокруг руководства. Анализ оппозиционной кампании весной 2009 г. с требованиями отставки Саакашвили не входит в задачи этой статьи, но она подтверждает данную оценку: «проигранная война» не только не стала козырной картой в руках оппозиции, но наоборот, она заставила последнюю выглядеть непатриотично, что умело использовал Саакашвили¹⁶. Грузинское население из зоны конфликта пострадало, но новых беженцев удалось более или менее прилично (принимая во внимание объективную сложность положения) обустроить еще до начала зимы 2009 г., и они не стали опорой оппозиции или источником нестабильности в государстве.

¹⁶ В этом отношении важно, что большинство населения согласно со своим правительством в рецепции причин войны. Согласно исследованиям Международного республиканского института, в сентябре 2008 г. 84% опрошенных были согласны, что Грузия в августе лишь реагировала на агрессию России, тогда как 7% обвиняла в начале войны собственное правительство. К марту соотношение изменилось до, соответственно, 63-х и 14-ти процентов – все еще явно недостаточно для того, чтобы сместить правительство по обвинению в «безответственной военной аванюре» (что пыталась сделать оппозиция). См. подробнее: <http://www.iri.org.ge/eng/engmain.htm>.

Говоря о стратегических потерях Грузии в результате войны, обычно подчеркивают, что страна потеряла надежду на осуществление двух фундаментальных проектов: восстановления территориальной целостности и вступления в НАТО. В этих утверждениях есть доля истины, но и серьезное преувеличение. Как я уже говорил, надежда на решение территориальных проблем в обозримом будущем была скорее иллюзией, и война действительно привела к потере этих иллюзий. Но это не значит, что существовали реальные шансы, которых больше нет. После того, как Абхазия и Южная Осетия уже официально стали протекторатами России, скорого решения проблемы не будут ждать ни от Саакашвили, ни от кого-либо из его преемников¹⁷. Конечно, Грузия будет настаивать на своих территориальных правах, но это будет чисто дипломатической деятельностью. Ожидание активных действий, направленных на решение конфликтов, перестанет быть важным фактором во внутривнутриполитической жизни Грузии.

Кроме того, война привела к гораздо более четкой делимитации сторон – конфликт стал более походить на кипрский. Это не делает решение проще, но повысит шансы на создание более прочного и предсказуемого режима безопасности в условиях нерешенного конфликта. Россия приобрела две территории по южную сторону Кавказского хребта, где сможет размещать такое количество военных баз, какое сочтет нужным. Но вместе с тем, потеряв формальную роль посредницы в грузинских конфликтах, она потеряла и последний серьезный рычаг воздействия на политику Грузии – если не считать прямого военного вмешательства или внутривнутригрузинских диверсий. Последнее тоже нельзя исключить – но в таком случае конфликт с правыми нормами и вызов международному сообществу будет еще более явным, чем в августе 2008 г., когда Россию обвиняли в основном лишь в «непропорциональности» ответа.

Что касается перспектив Грузии на вступление в НАТО, то, конечно же, война имела негативные последствия в этом смысле.

¹⁷ Согласно исследованиям Международного республиканского института, в марте 2009 г. 56% опрошенных считали маловероятным, что правительство Грузии сможет решить проблемы, связанные с конфликтами в Абхазии и Южной Осетии, по сравнению с 13% в октябре 2004 г. Впрочем, лишь 2% приняли бы независимость этих территорий – в этом смысле общественное мнение стабильно. См. подробнее: <http://www.iri.org.ge/eng/engmain.htm>.

Важно и то, что личный престиж Саакашвили, который, по мнению многих западных политиков и аналитиков, разделял ответственность за начало войны, пострадал. Однако, следует помнить, что судьбоносное решение отказать Грузии в предоставлении МАР (Плана действий для [подготовки] членства в Североатлантическом Союзе), но при этом сделать общее заявление о принципиальной готовности НАТО принять Украину и Грузию, было принято до войны, на весеннем саммите НАТО в Бухаресте. Это означало, что заявка Грузии на членство в НАТО была перенесена из папки краткосрочных проектов в долгосрочные. Война еще более упрочила и без того существовавшее психологическое сопротивление западноевропейцев (особенно Германии) членству Грузии в НАТО – но оно было сильно и без нее¹⁸.

Для Грузии очень важны общие региональные и глобальные последствия войны. Можно предположить, что Россия рассчитывала, в результате демонстрационного эффекта войны, укрепить влияние в «ближнем зарубежье». Политические лидеры, ориентирующиеся на Запад, должны были получить наглядный урок: Россия готова действовать в зоне своих законных интересов (т. е., прежде всего, в странах бывшего СССР) решительно, и в таких случаях Запад не способен помочь. Поэтому, им выгоднее считаться с интересами Москвы. Есть ли признаки того, что лидеры или общества стран СНГ вынесли из августовской войны именно этот урок?

Конкретных индикаторов не видно. Единственным таким признаком было решение Кыргызстана отказать США в праве использовать аэропорт «Манас» (явно в ответ на российскую экономическую помощь) – но через некоторое время решение было изменено. Проект газопровода «Набукко», который явно не нравился Москве, был подписан летом 2009 г., благодаря поддержке Азербайджана и Туркмении. Узбекистан и Беларусь решили не поддерживать проект создания Коллективных сил оперативного реагирования (КСОР) ОДКБ. Нет никаких признаков, что война усилила пророссийские силы на Украине – внутренняя политическая обстановка остается

¹⁸ Я не буду здесь рассматривать противоположную логическую схему – решения Бухарестского саммита послужили поощрением российской агрессии. Это общее предположение, которое невозможно проверить. Однако, в чисто логическом смысле оно более корректно, чем утверждение, что война закрыла Грузии дорогу в НАТО.

столь же запутанной, как была до войны. Даже, казалось бы, наиболее верные союзники не проявляют последовательности. Армения почти демонстративно наградила Саакашвили орденом в июне 2009 г. — зная, что это вызовет сильное раздражение Москвы. Авторитарный лидер Беларуси Лукашенко стал проявлять еще больше строптивости по отношению к Кремлю, и больше заигрывать с Европой. После продолжительного кризиса и повторных выборов, и в Молдове постоянно колеблющихся между Россией и Европой коммунистов сменили более прозападные силы.

Общая тенденция далеко не выгодна для Москвы. У каждой из названных стран — своя политическая динамика и свои причины принимать те или иные решения, и августовская война может быть совершенно ни при чем. Но в целом, через год после войны было достаточно ясно, что война не привела к упрочению позиций России в странах бывшего СССР. Можно предположить, что тот факт, что после войны с Россией Саакашвили не только не потерял власть, но, возможно, даже усилил позиции внутри страны, имел демонстрационный эффект, противоположный тому, чего ожидала Москва (раз Саакашвили выдержал даже прямую военную агрессию, значит Россия не так уж страшна). Но если это так, то демонстрационный эффект обоюден: тот факт, что даже пойдя на открытый вызов Западу, Москва не смогла усилить свои позиции в «ближнем зарубежье», укрепляет убеждение Саакашвили и грузинской политической элиты в целом, что продолжение курса на сотрудничество с Западом остается наиболее разумной и выгодной стратегией для Грузии.

Нет никаких признаков и того, что война приведет к хотя бы молчаливому согласию Запада в большей степени уважать претензию России на наличие особой «зоны интересов» в ее «ближнем зарубежье». Без сомнения, война привела в замешательство западных лидеров, выявила слабость их позиций в отношениях с Россией. В особенно неприятном положении оказалась администрация США, которая не могла действительно помочь Саакашвили, с которым у нее были особые отношения¹⁹. На фоне слабости Буша, инициативу

¹⁹ Хотя заявление президента Буша о посылке военных кораблей с «гуманитарным грузом» для Грузии могло быть решающим для решения российских лидеров остановить войну и не идти на Тбилиси.

взял на себя президент Франции Н.Саркози. В конце концов, и США, и Европе пришлось «проглотить» фактический отказ России соблюдать все шесть пунктов плана Саркози-Медведева, который стал основой для прекращения военных действий.

Все это принесло определенную моральную сатисфакцию российскому руководству и поддерживающему его обществу. По удачному выражению болгарского исследователя Ивана Крастева, Россия успешно продемонстрировала, что у Запада нет «монополии на применение двойных стандартов»²⁰. Вот и Россия провела свою собственную «операцию по принуждению к миру» — тем самым отомстив за Косово.

Но в целом, несмотря на пережитый шок, Запад не отказался от претензии влиять на события в российском «ближнем зарубежье». Возможно, на Южном Кавказе несколько изменился баланс влияния между США и Евросоюзом — в пользу последнего. Это подтверждается и созданием такого нового инструмента ЕС, как «Восточное партнерство», ориентированного именно на государства СНГ. Конкретная действенность инструмента неясна — но претензия на более активную роль заявлена недвусмысленно. Ускорение проекта «Набукко» — шаг в том же направлении. После войны ЕС активизировал переговоры с Грузией на предмет ассоциированного членства, свободной торговли и упрощения визового режима. С другой стороны, в самом конце 2008 г. между Грузией и США была подписана Хартия о стратегическом партнерстве. Ее еще требуется наполнить содержанием, но это опять-таки заявка на более близкое сотрудничество.

Таким образом, хотя с надеждами на скорое членство в НАТО Грузии пришлось распрощаться еще до войны, война укрепила Запад в недоверии к России и подтолкнула его к поиску новых путей укрепления реального суверенитета соседних с Россией государств.

Еще одно интересное направление, непрямым образом связанное с войной — решение правительства Турции играть более активную роль в регионе через объявление так называемой Платформы стабильности и сотрудничества на Кавказе. Конкретные очертания

²⁰ Ivan Krastev, *The guns of August: non-event with consequences*, <http://www.opendemocracy.net/article/the-guns-of-august-non-event-with-consequences>, accessed Sept 06 2009.

новой турецкой политики в этом направлении совершенно неясны, кроме одного — заявленного стремления к нормализации отношений с Арменией. Если это стремление воплотится в реальность, оно приведет к серьезным изменениям в регионе, которые, в какой-то степени, будут касаться и Грузии. Но пока конкретные импликации новой турецкой политики обсуждать преждевременно.

Заключение

На тот факт, что 2008 г. был для Грузии особенно тяжелым, можно посмотреть и с другой стороны: это был год испытания на прочность молодого грузинского государства, которое в течение долгих лет рассматривалось как наиболее нестабильное и уязвимое на Южном Кавказе, и которое часто именовали «слабым» или даже «несостоявшимся». Год начался под знаком внутривнутриполитической напряженности, летом последовала война с Россией, а завершился он серьезным экономическим кризисом.

Хорошая новость заключается в том, что Грузия прошла через этот комплекс потрясений с минимальными потерями. Ее система государственных институтов, экономика и общество не развалились, а в целом адекватно реагировали на возникающие проблемы. В этом смысле, 2008 г. можно сравнить с пробным пробегом для автомобиля: модель под названием «Грузия» была испытана на сильно пересеченной местности и поставлена во все типичные аварийные ситуации. Были выявлены серьезные недоработки, и пришлось отказаться от некоторых нереалистичных амбиций, но в целом модель оказалась жизнеспособна. Если вспомнить, что в течение последних двадцати лет жизнеспособность Грузии как государства далеко не принималась как данность, это немалое достижение.

Конечно, слишком обольщаться не следует: относительный успех пробного пробега во многом зависел от присутствия небольшой группы людей, которая достаточно слаженно сработала как команда управления. Насколько достигнутый уровень устойчивости институционализирован, пока неясно. Но есть опыт, который может использовать как данная команда, так и ее преемники.

Плохая новость состоит в том, что испытания еще не закончились: к концу года ни один из упомянутых кризисов нельзя было считать разрешенным. Отказ большей части оппозиции войти в избранный в мае 2009 г. парламент означал отказ от использования

конституционных механизмов политической борьбы и ориентацию на «уличные» действия. В конце 2008 г. оппозиция говорила о подготовке массовых акций с требованиями отставки парламента и/или президента весной 2009 г., т. е. готовилась к очередной попытке неконституционной смены власти. В отношениях с Россией после августовской войны тоже оставался высокий уровень напряженности и говорили о возможности новой военной интервенции. Экономический спад, среди причин которого итоги войны слились с влиянием глобального экономического кризиса, только начинался, и траектория его развития была совершенно неясна.

Нет сомнения, что события 2008 г. окажут серьезное влияние на последующее развитие Грузии, хотя историческая дистанция пока недостаточна для оценки того, каким именно будет это влияние. Можно предположить, что травмы, оставшиеся от войны, будут давать о себе знать еще долго. Однако вполне возможно и то, что в долгосрочной перспективе пройденные тяжелые испытания скорее усилят, чем ослабят, позицию Грузии.

Непризнанные страны Южного Кавказа в 2008 г.: прецеденты и перспективы

Давид Петросян

Введение

Центральные события в жизни трех непризнанных государств Южного Кавказа в 2008 г. произошли в августе, во время и после российско-грузинской войны. В конце августа президент России издал указ о признании независимости двух из трех этих образований – Абхазии и Южной Осетии. Тем самым произошла трансформация де-факто российского протектората над Абхазией и Южной Осетией в протекторат де-юре. Кроме того, был создан пусть и односторонний, но прецедент юридического оформления независимости де-факто государств Южного Кавказа.

Предыдущим широко обсуждавшимся прецедентом был косовский. Несмотря на многочисленные официальные заявления представителей западного сообщества о том, что признание независимости Косово не может быть прецедентом для разрешения других конфликтов, прежде всего в Старом Свете, экспертное сообщество в этом вопросе далеко не единодушно. Во всяком случае, во время своих многочисленных контактов с представителями западного экспертного сообщества и дипломатами я неоднократно слышал мнение о том, что в действительности случай Косово является прецедентом или как минимум может им в конце концов стать.

Так и произошло. Спустя всего полгода Россия продемонстрировала готовность создавать собственные прецеденты, хотя чисто формально признание ею независимости Абхазии и Южной Осетии не выглядело особенно впечатляющим, поскольку, кроме самой Москвы, их признала лишь Никарагуа, тогда как Косово признало уже 50 государств.

Между Косово, Абхазией и Южной Осетией довольно много общего. Во всех трех случаях имел место конфликт между бывшими провинциями и метрополиями, после чего в зоны конфликта были

введены миротворческие контингенты. В Косово это были подразделения стран НАТО и других стран, а в Абхазии и Южной Осетии – подразделения российских миротворцев.

Есть и отличия. После введения в Косово миротворческого контингента там, в сущности, не велось сколь-нибудь серьезного переговорного процесса, в то время как в грузино-абхазском и грузино-осетинском конфликтах постоянно велись «вялые переговоры», которые начали сворачиваться лишь с 2004 г преимущественно по инициативе Грузии. Последним переговорщиком со стороны Тбилиси, который был согласен вести реальный диалог с абхазами и осетинами в рамках Московских и Дагомыских соглашений, подписанных в первой половине 1990-х гг., был государственный министр Грузии по урегулированию конфликтов Георгий Хаиндрава, который был отправлен в отставку в начале августа 2007 г., т.е. за год до развязки, которая произошла в августе 2008 г. Вообще, в глазах больше осетин, а не абхазов, с приходом к власти Саакашвили «голуби» (речь идет о покойном премьер-министре Зурабе Жвания, экс-министре иностранных дел Саломэ Зурабишвили и вышеупомянутом Георгии Хаиндрава) в грузинской «партии власти» потерпели сокрушительное поражение. Абхазы же вообще не очень баловали своим расположением даже и грузинских «голубей».

Кроме того, с момента заключения перемирия и подписания соответственно Московских и Дагомыских соглашений, Грузия несколько раз делала попытки с помощью силы вернуть утраченные в первой половине 1990-х гг. позиции в Абхазии и Южной Осетии (в Абхазии в 1998 и 2001 гг., в Южной Осетии в 2004 г. и собственно в 2008 г.). Все они заканчивались неудачей. Сербия таких попыток в отношении Косово не предпринимала.

Если говорить о внутривнутриполитических событиях, то 2008 г. в Абхазии и Южной Осетии в политическом смысле разделился на две части: до и после признания Россией их независимости.

1. Южная Осетия

1.1. Внешние игроки и урегулирование конфликта

Война стала поворотной точкой в жизни Южной Осетии. В связи с войной нужно выделить ряд моментов, которые мало упоминались в прессе, в том числе и в контексте августовских событий 2008 г.

В грузино-российском конфликте действует «дуэт» Михаил Саакашвили – Владимир Путин, и аналитики в Грузии давно обратили внимание на это немаловажное обстоятельство. Некоторые из них полагают, что эти два деятеля очень похожи друг на друга. Так, эксперты из Тбилиси Марина Мухелишвили и Гия Жоржوليани в своем докладе для Ежегодника Института Кавказа «Кавказ – 2006» отмечали: «...Грузинская власть многому научилась у российской – и, может быть, наоборот. В постоянном противостоянии с внешними врагами обе страны постепенно ужесточают свои политические режимы, пользуясь при этом зачастую схожими методами. Та общественная поддержка обоих президентов, которая сформировалась в определенной (хоть и разновеликой) части населения, имеет выражено сходный идеологический и мировоззренческий характер постсоветского типа. Методы, применяемые там и тут, выглядят так, будто они намеренно перенимаются. Путин, правда, не теряет имиджа рационального политика и во внутренней политике действует, по-видимому, планомерно и целенаправленно. Зато Саакашвили лучше разбирается в тонкостях публичной пропаганды на глобальной арене и умеет ориентироваться в новом информационном пространстве, манипулируя общественным мнением в глобальном масштабе, чем унаследовавший твердый материализм догматического марксизма Путин не владеет. Саакашвили делает ставку на виртуальную реальность XXI века, а Путин – на его материальную «энергетическую компоненту». В этом они несхожи, Оба из прошлого советского марксизма-ленинизма унаследовали каждый свое: Путин – циничную марксистскую уверенность в том, что политика есть способ осуществления эгоистических интересов, и что всякие разговоры о демократии создают ложное самосознание, Саакашвили – ленинскую уверенность в том, что цели оправдывают средства и большевистскую веру в то, что политику можно строить на идеологии»¹.

В российской прессе и экспертном сообществе зачастую бездоказательно утверждалось, что Вашингтон дал «добро» на августовскую авантюру М.Саакашвили, а грузинская оппозиция, ссылаясь

¹ *Марина Мухелишвили, Гия Жоржوليани, Грузия и Россия в 2006 г.: новые реалии // Кавказ – 2006. Ежегодник Института Кавказа. Ер., 2008. С.55-56.*

на свои источники, утверждает, что как раз наоборот, президенту Грузии в жесткой форме было не рекомендовано проводить силовую акцию в Южной Осетии и вообще избегать вступать в боестолкновения как с миротворцами, так и с вооруженными формированиями осетин, а тем более с российской армией.

Много говорилось о том, что оппонентом Москвы в регионе Южного Кавказа выступала демократическая Грузия и ее всенародно избранный президент. Однако реально война велась между двумя «гибридными» системами, а не между авторитарным и демократическим государством.

Внутренняя политика

Внутриполитическая ситуация в Южной Осетии в 2008 г. была тесно переплетена с проблемами в социально-экономической сфере, и в первую очередь необходимостью восстановления разрушенной войной экономики.

Помощь Южной Осетии из Москвы оказывается через Межведомственную комиссию (МВК), где главную роль должен был играть Минрегионразвития РФ. Общая программа помощи рассчитана до 2011 г. (в конце августа 2008 г. было выделено 1,5 млрд. рублей для неотложных работ). В вопросе регулирования потоков финансовой и иной помощи в бюрократических структурах России долгое время царила бюрократическая неразбериха. Минфин, Минрегионразвития и МИД РФ не могли выяснить, кто и за что должен отвечать. В результате бюрократических перетасовок за этот период сменилось четверо кураторов программ финансово-экономической помощи для Южной Осетии. И только в апреле 2009 г. стало возможным говорить, что бюрократическая машина наконец определелась. До этого, однако, Счетная палата РФ выразила недовольство расходом выделенных в 2008 г. средств.

МВК разработала план восстановления жилья, объектов социального назначения и жилищно-коммунального хозяйства, в том числе энергоснабжения, связи, объектов образования и здравоохранения, сельскохозяйственных объектов и объектов транспорта Южной Осетии, всего 575 объектов. Минрегионразвития создал государственное унитарное предприятие (ГУП) «Южная дирекция», которое будет заказчиком строительства и реконструкции объектов в Южной Осетии. В 2009 г. правительство России планирует направ-

вить в Южную Осетию 8,5 млрд. рублей. Еще 3 млрд. рублей будет направлено из внебюджетных источников.

По положению на апрель 2009 г. можно констатировать:

- остается нерешенным вопрос делимитации грузино-юго-осетинской границы;
- важным объектом строительства станет военный аэродром двойного назначения, в районе сел Ачабет и Кехви (Чъех);
- в июле 2009 г. в РЮО планируется сдача в эксплуатацию газопровода по прямой ветке, которая не будет проходить через Грузию (Тбилиси закрыл доступ российского газа в Южную Осетию 12 августа 2008 г.).

Вопрос контроля над финансовыми потоками, поступающими в Южную Осетию – ключевой для устойчивости ее внутривнутриполитической системы. Именно борьба за контроль над финансовыми потоками со стороны различных сил, как с российской стороны, так и с осетинской, стала ключевой для оппонентов президента Эдуарда Коккойты и для него самого. Среди медийных и потенциальных оппонентов в течение второй половины 2008 г. можно выделить бывшего секретаря Совета безопасности Южной Осетии Анатолия Баранкевича, московского предпринимателя Альберта Джуссоева (подрядчика «Газпрома» в рамках прокладки газопровода в Южную Осетию), а также экс-председателя правительства Юрия Морозова.

Президент Южной Осетии отправил в отставку правительство, как «не справившееся со своими обязанностями» в кризисный августовский период. Формирование нового кабинета министров затянулось до ноября 2008 г. Новое правительство подверглось значительной реструктуризации – все госкомитеты и комитеты были преобразованы в министерства, а функции некоторых из них перепрофилированы. В составе нового правительства появились новые лица, в том числе из Северной Осетии и Ульяновской области. Также была образована новая надправительственная структура – президиум правительства, – в который вошли зампреды правительства и некоторые ключевые министры. Председателем президиума правительства стал Эдуард Коккойты.

Ни Баранкевич, ни Джуссоев, ни Морозов формально не претендуют на какой-либо избираемый пост в стране, в том числе в рамках предвыборной кампании к выборам в парламент РЮО, на-

значенным на 31 мая 2009 г. В парламентских выборах принимает участие четыре партии, три из которых на этот момент являются парламентскими: «Единство» (партия парламентского большинства), КП РЮО, «Народная партия» и Социалистическая партия «Фыдыбаста» («Отечество»).

Однако есть ряд серьезных проблем. В частности, в первой декаде апреля 2009 г. появились серьезные проблемы с регистрацией на выборах Народной партии, за спиной которой, видимо, стоит Алан Джусоев. Появилась партия-клон «Народной партии» Роланда Келхсаева. Это что-то новое во внутривнутриполитической жизни Южной Осетии, ранее такие технологии здесь не применялись. С целью разрешения ситуации руководство Народной партии даже обратилось к руководству России. Пока неясно, как будет разрешена данная ситуация, но очевидно, что элемент неуверенности в своих силах на внутривнутриполитической арене у Кокойты все-таки существует и не исключено, что в перспективе этот элемент под воздействием различных факторов будет нарастать.

В целом, несмотря на множество проблем и серьезную задержку с выделением средств, на сегодняшний день президент Кокойты является эффективным лоббистом для своей страны в Москве, в глазах руководства России. В сложившихся реалиях это важнейшее качество. Кроме того, Кокойты в целом контролирует ситуацию в РЮО, что не означает, что у него не может быть конструктивной оппозиции, например, в составе будущего парламента. Особенно если истинную, а не клонированную Народную партию допустят до парламентских выборов. В целом, как бы не завершились парламентские выборы, почти наверняка политическая стабильность в РЮО будет обеспечена. Отчасти это объясняется отсутствием радикальных оппозиционных настроений, несмотря на все существующие проблемы.

2. Абхазия

2.1. Внешние игроки и урегулирование конфликта

После признания независимости Косово в феврале 2008 г. в Абхазии началась активизация сепаратистского процесса. Так, уже в марте 2008 г. произошел официальный выход России из режима торгово-экономических санкций против Абхазии. Тем самым был заявлен благоприятный курс Москвы в отношении Абхазии.

Для того, чтобы продемонстрировать свою гибкость в переговорном процессе, на Бухарестском саммите НАТО (апрель 2008 г.) Грузия заявила о готовности предоставить Абхазии статус «неограниченной автономии» и «экономической свободы». В ответ президент Абхазии Сергей Багапш заявил: «Мы пойдем на переговоры только в случае, если Грузия подпишет договор о неприменении силы и невозобновлении войны, если грузинские войска будут выведены из Кодорского ущелья. Только после этого Абхазия готова наладить отношения с Грузией на равных, как с соседней страной». Таким образом, Сухуми требовал от Тбилиси выполнения Московских соглашений 1994 г. в полном объеме.

В мае со стороны ЕС была предпринята попытка реанимировать переговорный процесс. По мнению руководства Абхазии, тогда обозначилось определенные изменения в подходах Брюсселя к урегулированию конфликта и были даже высказаны предположения о возможности определенного сотрудничества Абхазии и ЕС. Однако в целом посредничество ЕС и США рассматривалось в Сухуми как исключительно «прогрузинское» и оторванное от реалий (имеются в виду и планы урегулирования Дитера Бодена и Вальтера Штанмайера, которые содержали очень существенную «экономическую морковку» для Абхазии).

При всем том власти Абхазии считают, что они уже выполнили часть Московских соглашений, касающуюся Гальского района, поскольку беженцы в него вернулись. Грузия вышла из Московских соглашений, и ту их часть, которая касается остальных беженцев, Сухуми не выполняет, считая, что эта тема нуждается в новом обсуждении в рамках новых переговоров. По мнению Сухуми, за минувшие 15 лет после завершения войны Тбилиси не создал предпосылок к возвращению всех грузинских беженцев, и абхазское общество не готово к такому шагу.

2.2. Внутренняя политика

Во внутривнутриполитической ситуации 2008 г. примечателен тем, что де-факто и де-юре начали формироваться предвыборные колонны к президентским выборам, которые должны пройти в Абхазии в начале 2010 г.

Начнем с двух оппозиционных колонн, формирование которых в целом можно считать завершенным.

Первая колонна: ветеранское движение «Аруаа» («Воины»), партия «Форум национального единства Абхазии» (была преобразована в партию из общественно-политического движения), а также маловлиятельная Социал-демократическая партия. Реальными лидерами этой колонны являются вице-президент Рауль Хаджимба и в завуалированной форме — глава МИД Сергей Шамба. Оппозиционная риторика и действия вице-президента в последнее время стали все отчетливее: пусть и не очень часто, он все же демонстрирует неприятие действий нынешних властей. Так, Рауль Хаджимба критиковал власти в том, что касалось выдачи абхазских паспортов жителям Гальского района и женевских переговоров. Кроме того, он принимал вполне активное участие в различных мероприятиях оппозиции.

Вторая колонна: Партия экономического развития Абхазии («ЭРА»), которая является достаточно мощной и дееспособной силой во главе с бизнесменом Бесланом Бутба. Последний открыто заявил о своих президентских амбициях. Еще в конце 2007 г. впервые на территории Абхазии появился негосударственный телеканал «Абаза», финансируемый Бесланом Бутба и ставший единственной возможностью для оппозиционных сил высказать свое мнение в телеэфире. Кроме того, лидер партии ЭРА Беслан Бутба начал активно проводить консультации с лидерами других политических движений. В начале 2008 г. Беслан Бутба и лидер Народной партии Абхазии (НПА) Якуб Лакоба подписали Соглашение о сотрудничестве. По мнению Бутба, методы управления страной, избранные руководством Абхазии во главе с Сергеем Багапшем, основаны на устаревшей системе власти, непрозрачности и коррупции. Председатель ЭРА, который ранее более осторожно подходил к вопросам критики властных структур, на этот раз в категоричной форме заявил, что не приемлет избранный курс руководства и что необходимо избавиться от «обкомовского стиля управления» и модернизировать систему власти.

Между лидерами первой и второй колонн идет сотрудничество, и не исключено, что они могут выйти на выборы с одной совместной кандидатурой. В вопросе единого кандидата от оппозиции на предстоящих президентских выборах решающую роль играет вице-президент Абхазии. От его решения во многом зависит будущая судьба всех оппозиционных сил, стремящихся сместить нынешнего главу Абхазии. К моменту признания Абхазии Россией внутривнутриполитический расклад сил был явно не в пользу сторонников нынешней

власти. Однако стремительно терявший свои позиции глава государства Абхазии после столь неожиданного признания стал вновь приобретать популярность и авторитет. Рейтинг президента Абхазии неуклонно стал расти.

Третья колонна: главная провластная сила, президентская партия «Единая Абхазия». Ее председатель Даур Тарба заявил, что «Единая Абхазия» является сторонницей сильной президентской власти, гарантирующей соблюдение основного Закона и эффективность управления страной. Кроме того, он выразил уверенность в том, что «сегодняшняя власть в состоянии решить главный вопрос в послевоенном развитии Абхазии – признание ее как субъекта международного права». По его словам, «руководство страны в состоянии сделать все необходимое для укрепления международных позиций Абхазии и дальнейшей интеграции ее в мировое политическое и экономическое пространство». В придаток власти, по сути, превратились два наиболее мощных общественно-политических движения Абхазии 2000-2005 гг.: «Айтаира» («Возрождение»), поддержавшая на предыдущих выборах нынешнего премьер-министра Александра Анкваба, и ветеранская «Амцахара» («Сигнальные огни»). С момента прихода к власти Сергея Багапша организации оказались практически невостребованными.

В центре политического дискурса в 2008 г. стране была планируемая конституционная реформа, которая, в частности, предполагала:

- утверждение премьер-министра парламентом;
- право роспуска парламента президентом в случае трехкратного отклонения парламентом кандидатуры премьера;
- выражение парламентом вотума недоверия премьеру;
- создание Конституционного суда с правом толкования законов;
- учреждение Счетной палаты;
- учреждение должности Народного правозащитника;
- лишение Генерального прокурора права законодательной инициативы;
- ввод 5-летнего ценза оседлости для кандидатов в депутаты парламента и вице-президента.

Камнем преткновения стала передача президенту права роспуска парламента и пятилетний ценз оседлости практически на все вы-

борные должности. Оппозиция выступала против этих нововведений, как и против перенятия неоднозначного российского конституционного опыта. Власти Абхазии, наученные горьким опытом предыдущих президентских выборов, используют различные честные и нечестные технологии, применявшиеся на прошлых выборах. Одной из проблем является то, что ЦИК Абхазии, ведущий подготовку к выборам, сотрудничает с ЦИК России, профессиональный опыт которого весьма неоднозначен.

3. Нагорный Карабах

3.1. Внешние игроки и урегулирование конфликта

Признание со стороны ведущих западных игроков независимости албанского Косово, а по итогам «Пятидневной войны» – признание независимости Абхазии и Южной Осетии со стороны России, явилось мощным стимулом для населения и руководства Нагорного Карабаха для дальнейшего отстаивания своей де-факто независимости от Азербайджана. В самом деле, в глазах Нагорного Карабаха отличие проблемы албанского Косово от их собственной сводится всего лишь к трем аспектам: большей численности населения Косово, де-факто исключенной возможности эффективной военной операции Белграда по реинтеграции края в состав Сербии и активному участию международных структур в деле строительства государственности края. Что касается Абхазии и особенно Южной Осетии, то налицо демонстрация возможностей России играть на Южном Кавказе по запущенным на Балканах «двойным стандартам». Отсюда и заявления как лидеров западных стран, с одной стороны, так и России, с другой, об «уникальности случаев» Косово, Абхазии и Южной Осетии, т.е. намеке на то обстоятельство, что эти случаи не могут рассматриваться как прецеденты.

В этом контексте широко разрекламированные «Мадридские принципы» по урегулированию карабахского конфликта, предлагаемые Минской группой ОБСЕ, могут оказаться неприемлемы прежде всего для Степанакерта. По-прежнему неясно, как долго могут продолжаться переговоры между Баку и Ереваном при международном посредничестве, когда в них уже 10 лет не участвует сам Нагорный Карабах, который является самой заинтересованной стороной и к тому же имеет никем не отмененный международный мандат на участие в переговорах.

В посреднической миссии ОБСЕ в карабахском конфликте, в обсуждаемых документах, по-прежнему не видно ни намерения добиться устойчивости мирного процесса в свете гарантий отказа всех сторон конфликта от применения силы, ни стремления следовать своим собственным решениям и документам, принятым ранее. Примером тому невыполнение решений Будапештского саммита ОБСЕ о проведении переговоров между конфликтующими сторонами, а не только между признанными государствами, и невыполнение соглашения между Азербайджаном, Арменией и Нагорным Карабахом «Об укреплении режима прекращения огня», вступившего в силу 6 февраля 1995 г.

«Пятидневная война» в регионе, до подписания 2 ноября 2008 г. «Московской декларации», поставила под вопрос работу сопредседателей Минской группы из-за осложнения американо-российских отношений. Сейчас ведется апробация новых форматов (в том числе и в рамках развития армяно-турецкой «футбольной дипломатии»), при этом ни одна из сторон конфликта и посредников пока официально не отказалась от международно-признанного переговорного формата в рамках ОБСЕ. После войны Вашингтон и Брюссель прилагали немалые усилия для того, чтобы оставить за собой инициативу в урегулировании карабахского конфликта.

Итоги «Пятидневной войны» существенно снизили вероятность возобновления боевых действий в зоне карабахского конфликта, т.к. руководство Азербайджана воочию убедилось в том, что попытка бывшей метрополии (Грузии) решить вопрос силой в конфликте с бывшей мятежной провинцией (Южной Осетией) может закончиться военно-политической катастрофой.

Новое руководство Армении, оставаясь приверженным внешней политике предыдущих властей, заявило о готовности решить карабахский конфликт исключительно мирным путем, продолжить переговоры в рамках Минской группы ОБСЕ и на основе Мадридских предложений, при этом настаивая на необходимости полноценного участия карабахской стороны в этом процессе.

В феврале 2008 г. Азербайджан представил в ООН проект резолюции, представляющей одностороннюю позицию Азербайджана. В марте документ был вынесен на обсуждение Генеральной ассамблеи ООН. И хотя он был принят 39 голосами, против него проголосовали страны-сопредседатели Минской группы ОБСЕ — США,

Франция и Россия. Инициированную Азербайджаном резолюцию не поддержало подавляющее большинство стран-членов ООН, в том числе все страны ЕС. Азербайджан попытался представить принятую ООН резолюцию как основу для переговоров, отрицая существование Мадридских предложений, и приложил усилия для роспуска формата Минской группы.

В 2008 г. состоялись две встречи президентов Армении Сержа Саргсяна и Азербайджана Ильхама Алиева – 6 июня в Санкт-Петербурге и 2 ноября в Москве.

Московская встреча, состоявшаяся по инициативе и при посредничестве президента России Дмитрия Медведева, стала важной вехой в процессе урегулирования нагорно-карабахского конфликта. В результате встречи президентов Армении, Азербайджана и России была подписана Декларация, предусматривающая продолжение переговоров по карабахской проблематике в рамках Минской группы ОБСЕ и политическое урегулирование конфликта на основе Мадридских предложений. Отмечается важность мер по укреплению доверия. По поручению президентов Армении и Азербайджана министры иностранных дел двух государств, при посредничестве сопредседателей МГ ОБСЕ, продолжили переговоры по урегулированию конфликта. Состоялось 7 встреч глав МИД двух стран.

Руководство Азербайджана продолжало заявлять о возможности решения конфликта военным путем. 4 декабря 2008 г. главы внешнеполитических ведомств стран-сопредседателей Минской группы ОБСЕ выступили с совместным заявлением, в котором подчеркивалась важность сохранения положительной тенденции, сформировавшейся по итогам встреч президентов Армении и Азербайджана в Санкт-Петербурге и Москве. В заявлении особо подчеркивалось, что альтернативы мирному урегулированию нет. Состоявшееся 4-5 декабря в Хельсинки 16-ое заседание Совета министров иностранных дел ОБСЕ приняло заявление, касающееся мирного урегулирования нагорно-карабахского конфликта. В заявлении, приветствуя Московскую декларацию, главы МИД стран ОБСЕ призвали продолжить переговоры в рамках МГ ОБСЕ и на основе Мадридских предложений. Был сделан призыв начать выработку мирного соглашения и предпринять конкретные шаги для укрепления режима перемирия. Армения последовательна в нейтрализации препятствий, создаваемых на пути переговорного процесса, и продолжении пере-

говоров в соответствии с духом Московской декларации и принятым в Хельсинки заявлением.

Для снижения вероятности возможности возобновления карабахского конфликта было бы целесообразно, чтобы Армения и Азербайджан придерживались квот на тяжелые и наступательные вооружения, установленных ДОВСЕ. Однако, в свете известного моратория Москвы и отказа стран НАТО ратифицировать адаптированный ДОВСЕ, это предложение может не найти понимания у основных игроков.

В целом, в среднесрочной перспективе, вероятность урегулирования карабахского конфликта низка, если под урегулированием понимать подписание и исполнение ряда юридически обязывающих, а не декларативных документов, особенно без участия Степанакерта. Аргумент в пользу такого утверждения – в первую очередь противостояние двух ассиметричных доктрин: «отложенного реванша» (Баку) и «удержания территорий» (Ереван, Степанакерт). Кроме того, об этом свидетельствует и целый ряд дополнительных обстоятельств.

Во-первых, по итогам «Пятидневной войны» между Россией и Грузией важнейшая геополитическая линия в регионе Батуми-Баку осталась вне контроля Москвы. Часть другой важнейшей геополитической линии региона – Тбилиси-Тебриз – проходит через зону карабахского конфликта. В случае установления контроля над зоной карабахского конфликта путем размещения там своих миротворческих сил, главные противоборствующие внешние игроки – с одной стороны Россия, а с другой США и их партнеры – де-факто берут под контроль часть линии Тбилиси-Тебриз. В случае появления там российских миротворцев, Москва продолжит борьбу за Южный Кавказ. В случае же появления в зоне конфликта западных миротворцев, Россия постепенно будет вытеснена из региона. Сейчас в сфере воздействия на ситуацию со стороны Москвы, Вашингтона и Брюсселя сложился некий баланс сил и возможностей.

Во-вторых, сложившаяся в зоне конфликта и вокруг него конфигурация отражает существующий военный баланс между Баку, с одной стороны, и Ереваном и Степанакертом – с другой. Необходимо заметить следующее: военный бюджет не является свидетельством ощутимого перевеса в силах одной из сторон. Дело в том, что часть сил и средств своего военного бюджета Азербайджан вынужден направлять на поддержание обороноспособности на других на-

правлениях, в которых у него есть потенциальные угрозы, прежде всего на границу с Ираном и на содержание флота на Каспийском море. При всем своем желании азербайджанские ВМС не могут угрожать безопасности Нагорного Карабаха. Армения же блокирует угрозу с западного турецкого направления при поддержке своего стратегического союзника — России. Это позволяет ей концентрировать силы и средства на восточном азербайджанском направлении. Кроме того, в систему баланса входит и укрепленная линия обороны армянских подразделений в зоне карабахского конфликта. Уход с этой линии создаст военный дисбаланс между сторонами конфликта, который, по мнению армянской стороны, не может быть компенсирован вводом международного миротворческого контингента, тем более, что к гипотетическим миротворцам априори существует недоверие у всех конфликтующих сторон.

В-третьих, вся философия как западной, так и российской политики в вопросе урегулирования сводится в основном к одностороннему давлению на армянскую сторону и ослабление ее позиций за столом переговоров, т.к. по их логике именно армянская сторона должна пойти на уступки и вывести свои подразделения из «зоны безопасности». Однако, давая согласие или делая вид, что дает согласие на уступки, армянская сторона не может реально пойти на них по ряду очень серьезных причин, среди которых и абсолютная неясность с будущим статусом Нагорного Карабаха, и неудовлетворенность международными гарантиями в вопросе его безопасности, и нежелание Баку идти на какие-либо уступки в будущем. Жесткая позиция Баку, с одной стороны, отчасти провоцирует системное внешнее давление на Ереван, а с другой, она формируется под воздействием западной и российской политики давления на Армению.

В-четвертых, Минская группа ОБСЕ является сбалансированным политическим инструментом для главных внешних игроков, который позволяет держать процесс под контролем. Реальный прогресс в вопросе урегулирования карабахского конфликта возможен в случае построения новой системы балансов в этом и в других вопросах. Причем эта система будет не менее сложной, чем сейчас. Необходим баланс не только среди реальных сторон конфликта (Баку, Ереван и Степанакерт), но внутренний баланс в центре каждой из сторон. Кроме того, необходимо формирование новой системы балансов в столицах сопредельных с Южным Кавказом государств:

России, Турции и Иране, а также в Вашингтоне и Брюсселе, и, наконец, системы балансов между всеми упомянутыми акторами. На формирование такой системы требуется немало времени. Ключевые моменты этой будущей системы балансов, на данном временном отрезке, находятся вне пределов региона и увязаны на важнейшие глобальные процессы.

И в-пятых, в сложившейся ситуации посредники мало что делают для установления хотя бы минимального уровня доверия между противоборствующими сторонами. В данной ситуации сопредседателям было бы правильнее перейти и к политике «малых шагов» к миру. Например, к имплементации соглашения между Азербайджаном, Арменией и Нагорным Карабахом «Об укреплении режима прекращения огня». Это способствовало бы повышению уровня доверия в военной сфере.

3.2. Внутренняя политика

Внутриполитическая жизнь в Нагорном Карабахе по итогам 2008 г. может быть охарактеризована как застой. Из-за недостатка средств фактически прекратили свою работу два важных альтернативных источника информации о Нагорном Карабахе: газета «Демо» и интернет-сайт «Karabakhopen».

Пожалуй, самым значимым событием в общественно-политической жизни стало создание группой общественных деятелей Нагорного Карабаха Совета по вопросам внешней политики и безопасности. Совет возглавил экс-заместитель министра иностранных дел НКР Масис Маилян. Совет будет готовить аналитические записки, публиковать комментарии и экспертные оценки. По словам Маиляна, работа Общественного Совета будет способствовать активизации деятельности официальных субъектов внешней политики НКР и обеспечит участие гражданского общества в формировании внешнеполитической стратегии.

В 2008 г. продолжилось развитие Нагорного Карабаха на пути от экономики выживания к экономике развития. Внутренний валовый продукт (ВВП) Нагорного Карабаха в 2008 г. вырос на 14,9%, собственные доходы на 22,8%. С 1 января 2009 г. минимальная средняя зарплата была установлена в размере 30 тысяч драмов (около 75 долларов США). На 2009 г. планировался 14% реальный рост экономики, в том числе рост собственных доходов на 15%.

ЭКОНОМИКА СТРАН ЮЖНОГО КAVKAZA В 2008 Г.: ТРИ РАЗНЫЕ ЭКОНОМИКИ

Арутюн Хачатрян

Пытаясь дать характеристику экономики стран Южного Кавказа в 2008 г., нельзя не учитывать того обстоятельства, что этот год был годом начала глобального экономического кризиса. Поэтому все рассуждения о состоянии экономики стран региона, естественно, ведутся с учетом того, что их развитие в 2008 г. проходило на фоне кризиса; кроме того, здесь будет сделана предварительная и, возможно, несколько дерзкая попытка оценить то, каким образом все три страны пришли к глобальному кризису.

Второе обстоятельство, которое неизбежно нужно учитывать при рассмотрении состояния экономики стран Южного Кавказ в 2008 г., это конечно, грузино-российская война, известная также как «Пятидневная» или «Августовская». Она естественно, оказала влияние на экономику трех стран.

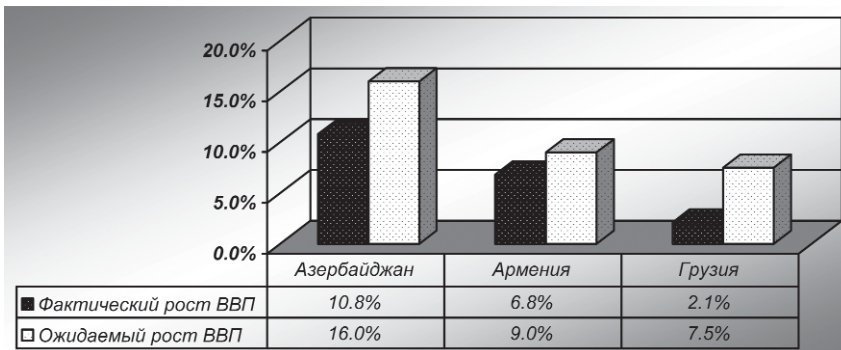
Итак, начнем с самого общего параметра экономики – с валового внутреннего продукта (ВВП), который является главным показателем состояния экономики каждой страны. Все данные, приведенные ниже, взяты из сводок официальной статистики этих стран, и об их достоверности я, как правило, говорить не буду. Я исходил из того, что все эти данные одинаково достоверны, хотя в реальности это может быть не совсем так. Единственное исключение – официальные данные о численности населения, о чем будет при необходимости сделана соответствующая оговорка.

Как видно из графика (*Рисунок 1*), все три страны достигли меньшего роста ВВП, чем намечали. Причиной стали оба отмеченных выше обстоятельства – война и кризис. Причем для Азербайджана существен второй фактор, он меньше всех пострадал от войны. Армения пострадала от того и от другого факторов примерно поровну, а Грузия – в основном от войны.

Вдобавок, в *Таблице 1* представлен ряд сведений, которые, наряду с ВВП, дают представление о сильных и слабых сторонах экономики исследуемых стран. Эти параметры – инфляция, ВВП

на душу населения, энергоемкость экономики и доля столицы в экономике.

Рисунок 1. Планируемое и фактическое значение роста ВВП в 2008 г.

Как следует из данных этой таблицы, Азербайджан сильно отличается от своих соседей по размеру ВВП в долларовом выражении, его ВВП больше, чем у каждого из двух соседей, приблизительно в четыре раза. Как следствие, ВВП на душу населения в Азербайджане выше, чем в Грузии и в Армении, в полтора-два раза. Если учесть, что официальные сведения о численности населения Азербайджана, по мнению большинства специалистов, сильно завышены, то реальное значение ВВП на душу населения в этой стране может быть еще выше¹.

Как бы то не было, разница в экономических показателях Азербайджана и его соседей по Южному Кавказу разительна. В 2008 г. Азербайджан отличался от соседей также высоким уровнем инфляции, свыше 20%, что является главным образом следствием значительных бюджетных вливаний в экономику, в том числе за счет Государственного нефтяного фонда (ГНФ). Азербайджан от-

¹ Нами приняты следующие величины численности населения в странах Южного Кавказа, взятые из официальных источников: Азербайджан – 8,3 млн., Армения – 3,2 млн., Грузия – 4,4 млн. Считается, однако, что число реально проживающих в Азербайджане людей завышено приблизительно на 2 млн. человек. Если исходить из этого, то ВВП на душу населения в этой стране окажется на уровне 7470 долларов, вместо приведенного в таблице значения 5600 долларов.

личается также более высокими, чем у соседей, энергетическими затратами. При этом затраты электроэнергии на один доллар ВВП в Азербайджане ниже, чем по региону, ибо основной компонент ВВП – сырая нефть – не требует много электроэнергии для производства. Однако Азербайджан отличается большим потреблением электроэнергии на душу населения: на 30% больше, чем в Армении, и на 45% больше, чем в Грузии, которая является энергодефицитной страной. Опять же, указанная разница окажется значительно выше, если принять во внимание, что реальное значение численности населения Азербайджана меньше официального приблизительно на 20%.

Таблица 1. Основные параметры экономик стран ЮК в 2008 г.

	Азербайджан	Армения	Грузия
Фактический рост ВВП	10,8%	6,8%	2,1%
Ожидаемый рост ВВП	16%	9%	7,5%
ВВП, млрд. долл. США	46 300	11 800	12 800
ВВП на д/н, долл. США	5 600	3 690	2 900
Инфляция	20,8%	9,0%	10,0%
Потребление электроэнергии, млн. кВт · ч	20,00	6,11	7,5
Энергоемкость, кВт · ч/чел	2460	1900	1700
Энергоемкость, кВт · ч/доллар ВВП	0,43	0,52	0,585
Доля столицы в ВВП	Более 50%	Около 50%	28%

Еще одна особенность стран Южного Кавказа, на которую мы обращали внимание, это степень сосредоточенности экономики в столице. По этому показателю Грузия находится в лучшем положении, чем ее соседи: в то время как в Армении и в Азербайджане столицы производят около половины ВВП соответствующей страны, в Грузии эта доля – меньше 30%. Таким образом, Армении и Азербайджану приходится также бороться и с таким неприятным явлением, как чрезмерная концентрация экономического потенциала в одном регионе страны.

Структурные особенности экономик трех стран

Итак, три страны Южного Кавказа сильно разнятся по макроэкономическим показателям. Как показывает анализ продукции

этих стран, они различны также и по структуре своих экономик. Обращаем внимание, что в диаграммах, представленных ниже, показаны не все отрасли экономик, а только крупнейшие в каждой стране, так что обозначенные на диаграммах проценты по сферам не составляют в сумме 100%.

Азербайджан

Структура экономики Азербайджана представлена на диаграмме в *Рисунке 2*. Бросается в глаза доминирующее положение одной сферы экономики – производства сырой нефти и газа. Если сравнить положение дел этой отрасли с тем, что было в 2005 г., то доминирование этих сырьевых производств в структуре экономики страны возросло: если три года назад они давали порядка 40% ВВП Азербайджана², то в 2008 г. эта доля выросла до 60%. При этом доля нефтепереработки в ВВП хоть и остается невысокой, но, по сравнению с 2005 г., эта отрасль добилась заметного роста: она давала 7% ВВП в 2008 г., тогда как в 2005 г. ее доля в ВВП оценивалась в 4,3 %. Это не единственный случай, когда правительству Азербайджана удалось добиться роста в той или иной сфере экономики благодаря государственным инвестициям, обеспеченным нефтяными доходами. Вообще, в статистических сводках отдельно указывается рост в «нефтяном» и «нефтефтяном» секторах экономики, и «нефтефтяной» рост обычно тоже достаточно высок, например, за январь-август 2008 г. рост в нефтяном секторе был на 9,9%, в «нефтефтяном» – на 6,8%. Насколько при этом «нефтефтяной» сектор конкурентоспособен без поддержки «нефтяного» – другой вопрос. Ниже будут представлены еще дополнительные данные по роли отдельных отраслей экономики в странах Южного Кавказа.

При этом можно сказать, что Азербайджан мало пострадал от грузино-российской войны. Потери, вызванные непродолжительными перебоями транспорта, в том числе – трубопроводного, были незначительны для экономики этой страны.

² *Khachatryan H. Economic Situation of the South Caucasus Countries in the 15th Year of Independence. A comparative Study // Armenian Trends, No 2, 2006. pp. 23-28.*

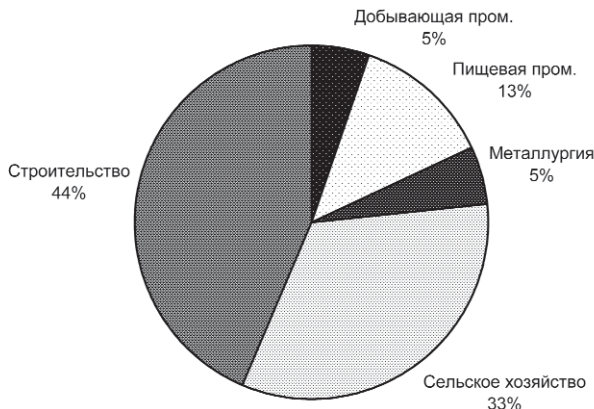
Рисунок 2. Структура экономики Азербайджана в 2008 г. (% в ВВП, крупнейшие секторы)

Армения

Экономика Армении в 2008 г. имела структуру, характерную для предыдущих нескольких лет. В ней все возрастающую роль занимал строительный сектор, который в исследуемом году стал крупнейшим в экономике — результат того, что в предыдущие годы эта отрасль росла очень высокими темпами. В частности, в 2007 г. рост в этой сфере составил 15%, и занимаемые им 41% в структуре ВВП 2008 г. вполне закономерны. Вторым по величине сектором экономики Армении является сельское хозяйство, так что Армения может считаться даже более аграрной, чем индустриальной страной. В структуре промышленности крупнейшей отраслью является пищевая промышленность, которая хотя и уступает по экспортному потенциалу горнодобывающей отрасли, но является, образно говоря, хребтом экономики страны, сохраняющим свое значение независимо от изменений внешней конъюнктуры и параметров, характерных для строительной отрасли и тем более для горнодобывающей индустрии. 2008 г. и особенно последующий кризисный 2009 г. показали это особенно наглядно.

Рисунок 3. Структура экономики Армении в 2008 г. (% в ВВП, крупнейшие секторы)

Экономика Армении понесла значительный урон от грузино-российской войны. По официальной оценке правительства, прямые потери страны от войны составили порядка 700 млн. долларов. В эту сумму входят уничтоженные и задержанные в Грузии грузы, расходы на переключение части внешнего грузопотока Армении с Грузии на Иран (а это означало переход с железнодорожного транспорта на автомобильный, при этом проходящий по не совсем современным горным дорогам), расходы на эвакуацию из Грузии десятков тысяч людей, граждан как своей, так и других стран, и многое другое. Но основной вред, который нанесла Армении война, находится за пределами этого списка. Дело в том, что из-за этой войны сократился приток инвестиций в Армению, а эти инвестиции как раз и питали крупнейшую отрасль экономики страны — строительство. Стало особенно очевидно, что строительство финансировалось главным образом за счет средств, поступающих из-за границы. В итоге эта сфера, бывшая «мотором» экономики страны в течение последних пяти лет, оказалась в застое. Достаточно отметить, что продукция строительной сферы в период с января по август 2008 г. возросла по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года на 12,8%, а по данным на январь-декабрь этот рост составил всего лишь 1,3%. Это означает, что в период с сентября по декабрь в строительстве Армении был попросту спад.

Именно это спад и был главной причиной того, что общий рост ВВП Армении в годовом исчислении оказался ниже ожидаемого (см. выше *Рисунок 1*).

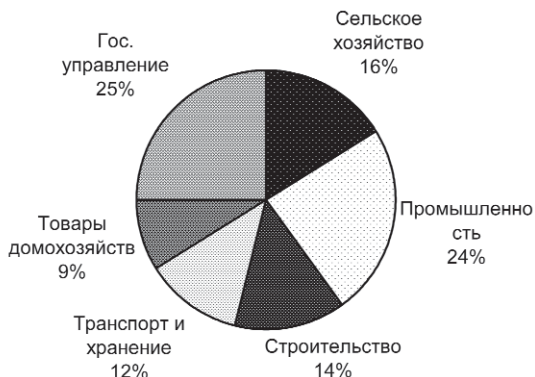
Нелишне отметить, что вышеуказанный отток внешних инвестиций со временем только усилился, причиной чему был «подоспевший» глобальный экономический кризис. Из-за этого строительная сфера в Армении в середине следующего, 2009 г., претерпела спад, превышающий более 50% в годовом исчислении, а спад ВВП достиг более 18%. Хотя в таком спаде была повинна не только строительная индустрия, события конца 2008 – начала 2009 гг. выявили необходимость большей диверсификации армянской экономики. Остается проблемой то, что доходы населения Армении в значительной мере обеспечиваются трансфертами из-за границы, а собственная экономика не генерирует достаточно доходов для населения.

Грузия

Как следует из *Рисунка 4*, структура экономики Грузии отличается от структуры экономики обеих соседей. Это отличие выражается в ряде особенностей:

1. Среди основных компонентов выделяется такая отрасль как «транспорт и хранение», которая обеспечивает 12% ВВП. Это – естественный результат важного значения не только морских портов Грузии, но и перекачки углеводородов по ее территории. Транзитное положение Грузии уже приносит ей зримые дивиденды.
2. Еще одной особенностью экономики Грузии является значительная доля в ней «товаров домохозяйств»: они дают 9% ВВП страны. Иными словами, кустарные производства являются заметным компонентом в общем объеме продукции страны.
3. Производство электроэнергии составляет менее 5% ВВП. Этим Грузия отличается от своих соседей – она наименее энергообеспеченная страна в регионе.
4. Статистическая служба Грузии выделяет в виде отдельной отрасли сферу государственного управления (public administration), причем на эту сферу приходится весьма значительная доля ВВП – 25%.

Рисунок 4. Структура экономики Грузии (% в ВВП, крупнейшие секторы). В секторе «промышленность» доминирует производство продовольственных товаров.

Грузия, естественно, в 2008 г. сильно пострадала от августовской войны, проходившей на ее территории. Как следует из данных *Рисунка 1*, рост ее валового внутреннего продукта оказался в три раза меньше намеченного (в Армении и Азербайджана соответствующий разрыв оказался менее 50%). Впрочем, достойно удивления то обстоятельство, что несмотря на серьезные прямые потери, отпугивание инвесторов и состояние, близкое к хаосу в первые три месяца после войны, рост ВВП в Грузии все же оказался положительным.

Заключение

Приведенные выше краткие сведения об экономике трех стран Южного Кавказа позволяют сделать некоторые обобщения.

Все три страны практически лишены современных высокотехнологичных производств и поддерживают нынешний не очень высокий уровень жизни своего населения с помощью ненадежных средств. В Азербайджане это доходы от экспорта сырой нефти, в Армении – частные трансферты из-за границы³, в Грузии – помощь

³ Эти трансферты есть во всех трех странах и важны для их экономики, но их значение для Армении значительно больше, чем для Грузии и Азербайджана. Их объем нередко превышает треть розничного оборота Армении.

иностранных государств и транзитные сборы⁴.

Вдобавок, как следует из данных, приведенных в *Таблице 2*, общим для стран Южного Кавказа является наличие заметного количества бедных (при этом критерии бедности в отдельных странах трудно сопоставлять) и слабость банковских систем. Хотя Армения уже на протяжении многих лет занимала неплохие позиции по рейтингам *удобства для бизнеса* и *экономической свободы*, этого оказалось явно недостаточно для привлечения больших инвестиций. За последние два года Грузия активно улучшила эти два показателя, что отражено в *Таблице 2*.

Таблица 2. Дополнительные сведения по инвестиционной активности стран Южного Кавказа

	Азербайджан	Армения	Грузия
Процент бедных	13%	23%	23%
Удобство для бизнеса (место) ⁵	96	39	18
Экономическая ⁶ свобода (очки)	58,0	69,9	69,8
Сила банков Деп/ВВП	15,3% (2007)	12.7%	16.7%

Взаимные экономические связи между странами региона слабы, что негативно сказывается на конкурентоспособности каждой из них. Если отсутствие связей между Арменией и Азербайджаном объясняется карабахским конфликтом⁷, то Грузия, которая имеет формально хорошие отношения с обоими соседями, не может сформировать сильную экономику и стать региональным центром из-за внутренних и внешних политических проблем, последним

⁴ После «Революции роз» Грузия постоянно получала значительную помощь государств Запада. А уже 15 сентября 2008, т.е. через месяц после окончания боевых действий МВФ принял решение о срочном выделении Грузии 750 млн. долларов (трехкратное превышение квоты), причем 250 млн. были перечислены немедленно. Еще более 3 млрд. долларов были обещаны другими донорами.

⁵ Индекс рассчитывается Всемирным Банком. В рейтинге 2008 г. включены данные по 178 странам.

⁶ Индекс рассчитывается газетой Wall Street Journal и фондом Heritage Foundation. Максимальная степень свободы соответствует 100 очкам. Армения и Грузия занимают места в третьем десятке, Азербайджан – в восьмом десятке среди 157 стран, включенных в рейтинг.

⁷ Ввиду этого конфликта Армения вынуждена, например, покупать газ у России и Ирана вместо Азербайджана, а Азербайджан отказывается покупать в Армении электроэнергию, в которой он нуждается.

примером которых стала как раз августовская война 2008 г. Эта война, кроме всего прочего, бросила тень на репутацию Грузии как надежного транзитного коридора, притом что транзит грузов является важным элементом экономики этой страны.

СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ: СИТУАЦИЯ ПО СОСТОЯНИЮ НА 2008 Г.

Сергей Арутюнов

Должен сказать, что уже 25 лет я являюсь заведующим отделом Кавказа Института этнологии и антропологии Российской Академии наук, и если до 1990 г. в нашем исследовательском плане преобладали собственно этнологические, этнографические, академические вопросы, то в последующие 20 лет все больше и больше приходилось сползать в сторону мониторинга этнополитических отношений. Это неприятно, но это – реальность. И этот мониторинг может вестись разными способами, но для этнографа основными методами являются наблюдение, включенное наблюдение и интервью. Эти методы, собственно говоря, мы и используем, но должен сказать, что работать становится труднее, потому что и включенное наблюдение становится затрудненным, и собственно наблюдение сейчас дает поверхностные впечатления. Путем наблюдения трудно проникнуть в глубинные отношения, и информантов находить стало труднее, люди менее охотно говорят, менее охотно идут на интервью, и так далее. Мы постараемся преодолеть эти трудности, но они существуют, и они нарастают.

Северный Кавказ занимает особое место в социально-политической и экономической системе Российской Федерации. Российская Федерация управляется не премьером Путиным, не президентом Медведевым, у которых могут быть очень хорошие намерения и им кажется иногда, что они эти намерения реализуют, но на самом деле эта реализация чаще всего, по мере того как проходит вниз по вертикали власти, разбавляется, сбавляется и в общем доходит до нулевой концентрации. Российская Федерация управляется тем, что неправильно называют элитой, потому что элита Российской Федерации – это я и другие подобные мне, точно так же, как элита Грузии, элита Армении и элиты более маленьких государств и территорий состоят прежде всего из их творческой интеллигенции, из их ученых, из их художников, из их писателей и так далее, и так далее. Некоторые публицисты, например, Гурия Мур-

клинская в Дагестане, употребляют термин «антиэлита», что тоже, по-моему, не очень инструментально. Вообще-то принято употреблять термин «правящая клика» или «эксплуататорская верхушка», во всяком случае, по марксистской привычке — я все-таки, наверное, кончил марксистскую школу и иначе мыслить не могу. Если не нравится «правящая клика» или «эксплуататорская верхушка», можно употребить нейтральное слово «истэблшмент». Российская Федерация управляется ее корпоративным истэблшментом. Я не буду сейчас анализировать составные части этого истэблшмента, более или менее всем ясно. Истэблшмент центра использует Северный Кавказ в своих интересах, опираясь на местные истэблшменты республик и регионов.

Я оставляю за пределами рассмотрения такой не очень выразительный регион, как Ставропольский край, который имеет свой интерес, свою специфику, но мало значит, и оставляю за пределами рассмотрения Краснодарский край. Это огромный регион, очень интересный по своему этническому составу, по своим социальным группировкам и ориентациям, которые сейчас приобретают особое значение. Недавно состоялись очень важные, на мой взгляд, выборы мэра Сочи. Малопродуктивная, малопродуманная идея организации зимней Олимпиады в субтропическом городе с самого начала выглядела не совсем умной, ну а в условиях разразившегося экономического кризиса, который тогда, когда в Гватемале принималось это решение, еще ни кем не просматривался, она стала совсем абсурдной. Тем не менее, очевидно, этот процесс будет идти, и неважно, чем он кончится — важен процесс. А этот процесс дает Краснодарскому краю и регионам Сочи, и всем прилегающим территориям, даже Абхазии, особые позиции, диктует в них особые экономические и социальные процессы и изменения, и так далее, и так далее.

Поэтому я ограничусь только национальными республиками Северного Кавказа. Там есть везде своя мощная теневая экономика. Там есть везде своя натуральная экономика, благодаря которой, собственно говоря, эти регионы и живут, поскольку они все-таки пищевыми продуктами сами себя более или менее обеспечивают, хотя и меньше, чем могли бы, и даже реализуют некоторые продукты сельского хозяйства на рынке более широком, чем собственно северокавказский. Но для общероссийского истэблшмента важно

не это — важно то, что это дотационный регион в целом, и это всех устраивает — и местный истеблишмент, и центральный истеблишмент. Механизм достаточно простой: большая часть налогов, собираемых в регионе (вообще-то полагается не больше 50%, но сейчас уже и 60 и 70%), идет в центр. Это неважно, потому что собирается очень мало, эти регионы очень мало могут дать. Дотаций из центра гораздо больше, и это важнее. Пока дотация из центра доходит до места назначения, кое-что от нее откусывается, но дело даже не в том, что от нее откусывается, а в том, что когда она приходит по назначению, часть ее идет обратно в центр в виде отката, а другая часть распиливается. Из того, что распилено, некоторые опилки и стружки попадают в низовые слои населения, поскольку среди низовых слоев населения много родственников и много клиентов — это клиента тех людей, которые входят в истеблишмент. Происходит какая-то подпитка, какое-то распределение, и т.д. Это устраивает всех, даже низовую часть населения, которая находится ниже, чем низший уровень среднего класса.

Конечно, имеется колоссальная разница между официальными доходами различных слоев населения, по которым Северный Кавказ — один из беднейших регионов России, и тем, что мы реально можем видеть своими глазами. Реально это один из богатейших регионов России, потому что так хорошо, как живет северокавказский сельский житель, ни один сельский житель Центральной России, а тем более Якутии и Бурятии, не живет. Так что центральным вопросом становится: как функционирует местный истеблишмент? Вот это самое важное: насколько он консолидирован, или насколько велик в нем внутри разрыв.

Как обычно, пойдем слева направо, с запада на восток. В *Адыгее*, в общем, все в порядке. Тхакушинов — президент, а власть в основном принадлежит адыгам, в милиции в основном адыги. Краснодарский край хотел бы поглотить Адыгею по многим причинам — хотя бы для того, чтобы расширять Краснодар через мост. Построили прекрасный мост, с одной стороны — огромный город, с другой — Адыгея, а это уже не Краснодар и мореходство там нельзя вести. В 1985 г. поднимался вопрос о присоединении этих кусочков Адыгеи к Краснодарскому краю, но мне удалось, как эксперту, заставить их бросить эту идею, и после этого к ней не возвращались. Отношения между Краснодарским краем и Адыгеей более или ме-

нее нормальные, в том, что касается интересов истэблшмента. Адыгский истэблшмент не вызывает протеста среди русской части населения, которая социально стоит ниже, но находит общий язык с адыгейцами, притом что они составляют значительное меньшинство — где-то 25% населения республики.

Гораздо хуже обстоит дело в *Карачаево-Черкесии*. Там истэблшмент не консолидировался. Там имеются этнические интересы карачаевцев, которые, в общем-то, осуществляют *Karachai power*, черкесов, которые раньше осуществляли *Cherkessian power*, но сейчас они ее потеряли, и хотя сохраняют экономические позиции, все же чувствуют себя ущемленными. Есть русские, которые как-то балансируют между этими двумя центрами силы — угасающим черкесским и бурно поднимающимся карачаевским, и пытаются себе тоже выкроить какие-то куски общего пирога. Еще там есть абазины и ногайцы, которые бегают кругом и какие-то крошки этого пирога стараются тоже ухватить и к себе переташить, но их мало: 23 000 абазин, 12 000 ногайцев. Идет раздрай, тащат в разные стороны, истэблшмент не консолидирован. Это уменьшает количество и качество тех стружек и опилок, которые в результате распила бюджета и трансфертов из центра падают вниз и доходят до народа, и народ этим недоволен. Разные части народа недовольны по-разному. Имеется недовольство и беспокойство и у федерального центра, или высшего истэблшмента Российской Федерации, поскольку из-за неконсолидированности местной элиты откат получается меньше. Центральный истэблшмент заинтересован в том, чтобы местная элита была консолидированной — тогда откат будет больше, и пилить они будут аккуратней, все будет хорошо.

Вот такая ситуация, близкая к идеальной, имеется рядом - в *Кабардино-Балкарии*. Там, конечно, *Kabardin power*: Арсен Каноков — сильный, умный человек, он сумел кабардинскую элиту как-то консолидировать. Балкарцы сперва жаловались, что их выселили в Сибирь или в Казахстан, потом они жаловались, что их вернули не туда, куда им хотелось бы, потом они жаловались, что не столько постов им предоставлено, сколько хотелось бы. Сейчас они жалуются, что их раньше увольняют и позже принимают на работу. Много на что они жалуются — иногда обоснованно, иногда нет, но все-таки какие-то приличные кресла верхушка балкарского истэблшмента получает, а что там ниже — не знаю. По-моему, они больше жалу-

ются, чем у них есть для этого оснований, хотя некоторые основания, может быть, и есть, и недовольство, безусловно, существует. Но это не порождает такого большого раздора. Что же касается русских, то в Кабардино-Балкарии, продолжается, как и на всем Северном Кавказе, процесс постепенного выжимания русских и соответственно носителей русской струи или русских интересов в истэблিশменте. Они там есть, и при Арсене Канокоче это нормализовано. Отношения с исламом не те, которые были при Кокове, когда беременных правоверных мусульманок милиционеры били в живот сапогами, приговаривая «чтоб вахабита не родила». Сейчас уже этого нет. Ислам там всегда был достаточно поверхностный. Так что в Кабардино-Балкарии Каночев вполне справляется со своими задачами.

Дальше идет **Осетия**. Об Осетии особенно не говорю, это особенная ситуация, это и спор с Ингушетией – отстаивание захваченного осетинами Пригородного района, это и взаимоотношения с Южной Осетией, очень амбивалентные, очень сложные. Все-таки осетино-ингушский конфликт, память Беслана и пр. – это то, что консолидирует общество в целом. Особых осетинско-русских противоречий нет, скорее, противоречия есть между осетинами-иронцами и осетинами-кударцами, то есть мигрантами из Южной Осетии, которых в Северной Осетии очень много. В Южной Осетии не так много народу осталось, а что касается осетинского населения остальной Грузии – правобережья Куры в районе Гори, Панкисского ущелья, Кахети – они давно уже все в Северной Осетии, что не очень нравится северным осетинам. Впрочем, на истэблিশменте это не отражается.

Дальше идет **Ингушетия**. Зязиков оказался полностью неспособным выполнить госзаказ. Он запустил Ингушетию. Он неплохой человек, нормальный полицейский, но не руководитель. Он позволил развести кровную месть, допустил расстрелы несчастных русских учительниц, которых 3-4 на всю Ингушетию и было, и много всякого безобразия. С тех пор, как в Чечне боевикам стало неуютно, в Ингушетии для них был просто курорт. Новый глава Ингушетии, Юнус-бек Евкуров, не полицейский, а армейский офицер, толковый офицер, как все армейские офицеры-выходцы с Кавказа, это у них в крови. Пока большой опоры в республике у него нет, там огромный раздор, потому что там масса клановых группировок – все

они ингуши, там неингушей практически нет, но все они грызутся между собой, постоянно идет стрельба и резня. Евкуров их всех собирает и говорит прямо как кот Леопольд: «Ребята, давайте жить дружно». Ребята не очень хотят жить дружно, но все-таки как-то их уговаривает. 70 кланов из семейных группировок он уже помирил, они отказались от кровной мести, примирились, что-то выплатили друг другу, извинились, покаялись, но кланов 200 еще остается помирить. Если времени у него хватит, в конце концов он их в основном помирит. Так что «Ребята, давайте жить дружно» - призыв этот как-то все-таки проходит.

Дальше **Чечня**. Вот Чечня – это образец. Там Рамзан Кадыров действительно сумел превратить истэблишмент в монолит, наверху которого находится его собственный клан, а все остальные по струночке стоят. Кого не удалось приструнить, тех либо убили, как братьев Ямадаевых (кого в Петербурге, кого в Эмиратах, Байсарова пристрелили прямо под окнами моей дочери на Ленинском проспекте), либо выжили за пределы Чечни. Так что в Чечне все твердо, дотация от федерального центра получается большая, откат исправный, распил идет очень организованно и, что очень важно, опилок получается много и эти опилки - это стройматериал для новых домов, новых дорог, новых школ, новых больниц, это субсидии конкретным лицам и конкретным семьям. Никогда до Рамзана Кадырова этого не было, ничего до населения не доходило, опилки тоже поглощались в процессе распилок, а сейчас достаются людям.

Остался **Дагестан**, где еще не столь давно при Магомедали Магомедове был какой-то консенсус. Там истэблишмент – это конгломерат не только из истэблишмента аварского, даргинского, лакского, кумыкского, лезгинского, но из нескольких групп в пределах аварского истэблишмента, нескольких групп в пределах даргинского истэблишмента, где каждая группа – со своими интересами. Так что знамя банды и знамя этноса не всегда совпадают, они совпадают в рамках джамаата. Каждый может рассчитывать на поддержку своего джамаата, но джамаат где-то в горах, а бизнесмен сидит в Махачкале, где у него бензоколонки или табачные лавочки или иной бизнес, который приносит ему доход. Он держится в том числе и с помощью своего джамаата, который за него, если надо, заступится, может и побить кого-нибудь, дубинкой стукнуть. Очень много дубинок в ход идет, и не только дубинок – взрывчатка тоже

в ход идет. У каждого бизнесмена есть своя маленькая армия, или бригада, или рота, или хотя бы взвод, так и считается вот у этого столько штыков, у этого столько штыков. Гурия Мурклинская, замечательный журналист из Дагестана, это прекрасно сформулировала: «В сложных многонациональных субъектах – таких, как Дагестан – распределение бюджетных денег все больше сводится к выяснению отношений между криминально-политическими этнокланами»¹. Она пишет еще об исламских и псевдоисламских сегментах сетевых структур в Дагестане. Скажем, в исламские учреждения, мечети, учебные заведения в виде пожертвований или даже бюджетной помощи направляются большие финансовые потоки. Но лишь часть этих финансовых средств идет на развитие религии, большая же часть поступает на развитие скрытой части этих структур – как ваххабитских, так и мюридских. Имеются, в том числе, и структуры боевой подготовки и призыва на службу. Обосновывается наличие этих мини-армий угрозой ваххабизма, хотя в реальной борьбе с вооруженными экстремистами они не только не участвуют, но в большинстве своем этнолидеры и бизнесмены платят дань и даже оказывают через определенные экстремистские структуры помощь боевикам своей этнической принадлежности. Лишенные ярких лидеров и не имеющие единой мобилизационной идеи, этносы республики оказываются неспособными создать даже конструктивную оппозицию. Вместо этого на политическом поле действуют политические ряженые со сменными масками, то мюриды, то чуть-чуть ваххабиты, принадлежащие к одному этносу. Так называемая борьба с ваххабизмом и терроризмом выглядит как театр Петрушки, в котором надетые на руки одного актера куклы публично бьют друг друга. Разница лишь в том, что бьют настоящим оружием и кровь льется настоящая, причем большинство участников спектакля – рядовых сотрудников силовых структур и ваххабитов – даже не подозревают, в каком спектакле и в чьих интересах их используют. Вот со всем этим сложным хозяйством, если Магомедали Магомедов еще более или менее как-то справлялся, то Муху Алиев справиться не способен. Муху Алиев тоже говорит: «Ребята, давайте жить друж-

¹ *Мурклинская Гурия*. Этноклановая система управления как угроза национальной безопасности // Северный Кавказ, 19.04.2009, <http://www.sknews.ru/main/page,1,21079-ugroza-dagestanu.html>.

но!»), только в отличие от Ингушетии, здесь, в Дагестане, его вообще никто не слушает, и все идет своим чередом. Поэтому ситуация в Дагестане наихудшая и продолжает ухудшаться на фоне всего Северного Кавказа.

Вот это те процессы, которые развивались в 2008 г. Ну и продолжают развиваться. 2008 г. выделялся еще и двумя моментами: произошла русско-грузинская «Пятидневная война» и начался мировой кризис. Большинство населения Северного Кавказа сочувствовало осетинской стороне в этой Пятидневной войне. Адыгейцы, кабардинцы, черкесы традиционно по этническому родству всегда сочувствовали абхазам и сочувствовали их национально-освободительной борьбе — в кавычках или без кавычек, кому как больше нравится — «против грузинской имперской власти». Лишь ингуши, которые видят в осетинах самых злых агрессоров на всем Кавказе, захватчиков и угнетателей, сочувствовали больше грузинской стороне. Вот здесь было различие. Что касается Чечни и Дагестана, то на них это мало отразилось, там особого внимания на это не обратили. Некоторые чеченские офицеры хорошо воевали в войне против Грузии в Осетии, например Ямадаев, Герой России. Его еще раньше этим званием наградили, а сейчас его наградили пулей, если только в его могиле не лежит какая-то кукла, а сам он где-нибудь не скрывается.

И, наконец, мировой кризис. Вообще, если сидишь на дне, то особенно падать некуда. Кризис только усилил, обострил, усложнил все и без того сложные процессы на Северном Кавказе в 2008 г., вот и все.

ВОЙНА В АВГУСТЕ 2008 г.

ЭСКИЗЫ НОВОГО СТАТУС-КВО НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ

Александр Искандарян

2008 г., несомненно, оказался переломным не только для Южного Кавказа, но и для всего постсоветского пространства. Пожалуй, по степени значимости этот год приближается к годам первой половины девяностых — эпохи, в которую завершился распад СССР, произошло образование на его месте новых независимых государств, и прокатилась волна этнополитических войн.

Статус-кво, просуществовавший около пятнадцати лет, резко изменился в 2008 г. Причиной перелома стала августовская война на Южном Кавказе¹. Эта короткая война явилась важным рубежом постсоветской истории. Конечно, и до нее в регионе существовали довольно острые проблемы, от наличия неурегулированных этнополитических конфликтов и возникших в их результате непризнанных государств, до ухудшения и даже обострения в последние годы российско-грузинских отношений. Однако войной были катализированы изменения принципиально нового порядка².

Основными акторами, на которых сказалась война, естественно, стали Грузия и Россия. Но поскольку Россия — один из главных внешних игроков в регионе, а Грузия — один из главных внутренних, результаты войны изменили конфигурацию региона в целом.

Прежде всего, итогом августовской войны явился *российский ревизионизм* в отношении постсоветских границ. Фактически, Россия впервые в своей постсоветской истории выступила в роли «страны, готовой к пересмотру и межгосударственных границ, и своих отношений с нерегиональными игроками (США, Европейский Союз)»³.

¹ В зависимости от складывающихся традиций и политических пристрастий ее еще принято называть «Пятидневной», «российско-грузинской» или «войной за Южную Осетию».

² “Russia VS Georgia: The Fallout”, *International Crisis Group Europe Report No 195*, 22 August, 2008.

³ Сергей Маркедонов, «Преодоление Кавказа», *Россия в глобальной политике*, №5, сентябрь-октябрь 2008, <http://www.globalaffairs.ru/numbers/34/10433.html>.

До августовской войны хотя бы декларируемая неприкосновенность де-юре границ, признанных после распада СССР, была священной короной постсоветской юридической реальности. Ни в Дагомьском, ни в Московском соглашениях не подвергалась сомнению территориальная целостность какого-либо из международно-признанных постсоветских государств. Хотя Россия в разной мере в разные периоды и оказывала политическую поддержку де-факто государствам, образовавшимся в результате этнополитических конфликтов на постсоветском пространстве, ни Россия, ни какое-либо постсоветское государство не признавали их юридически.

После августовской войны 2008 г. во внешней политике России наметился концептуальный поворот. Россия продемонстрировала, что она готова в каких-то случаях ревизовать прошлую реальность, причем помешать этому международное сообщество не захочет или не сможет (что, собственно, в данном случае одно и то же). Появились первые на постсоветском пространстве энтитеты, чью независимость отрицает ООН, но признает Россия — член Совета Безопасности ООН.

Конечно, Москва, равно как и западные страны в косовском прецеденте, многократно утверждала, что ревизия границ локальна, что она касается Абхазии и Южной Осетии, но не касается Нагорного Карабаха и Приднестровья. Впрочем, как и в случае с Косово, противоречивость подобной позиции очевидна и Степанакерту, и Тирасполю, и, конечно же, Кишиневу, Баку и Еревану. Поскольку постсоветские границы теперь уже не безусловная ценность, то, очевидно, могут существовать и условия их игнорирования не только де-факто, но и де-юре.

В частности, именно желание продемонстрировать исключительность случаев Абхазии и Южной Осетии, судя по всему, и было одной из основных целей инициированного Россией подписания Майндорфской декларации по карабахскому конфликту. И все же, несмотря на все сознательные усилия, нельзя скрыть очевидное: в 2008 г. Россия четко продемонстрировала «красную линию» в возможности ее вытеснения с Южного Кавказа и свою готовность в такой ситуации пойти в том числе и на создание прецедента перекройки постсоветских границ.

Следующий итог этой войны столь же очевиден, как и первый. Он сводится к тому, что *военным путем решить подобного рода кон-*

фликты невозможно. Подробный военный анализ августовской войны и ее последствий содержится в статье, подготовленной для этого выпуска Ежегодника Сергеем Минасяном. Как и многие другие аналитики, писавшие об этой войне и ее уроках, он приходит к выводу о «первичности политических обстоятельств (или политических ограничителей) по отношению к любым военным возможностям». Действительно, попытка блицкрига со стороны Грузии окончилась неудачей, несмотря на наличие объективно неплохо подготовленных и хорошо вооруженных войск и вполне приличной техники, да еще при подавляющем превосходстве в людском потенциале в первые сутки войны, до подхода российских войск. А ведь блицкриг представлял собой единственный, хоть и небольшой, шанс для грузинской армии. Затем произошло вступление в войну вооруженных сил России, после чего исход компании был предreshен, несмотря на имеющиеся у российской армии многочисленные проблемы с эффективностью и командованием. Таким образом, военное решение оказалось невозможным не по техническим, а в первую очередь по политическим причинам.

Этот вывод, несомненно, был сделан многими региональными игроками и, в частности, руководством Азербайджана. После браваурного заявления, опубликованного МИД Азербайджана в самые первые сутки войны, наступило многозначительное молчание, сохранявшееся и на официальном, и на аналитическом уровне вплоть до конца 2008 г.⁴

Еще одним результатом войны явился *новый формат* Южного Кавказа как региона в рамках российско-южнокавказских взаимоотношений. Главное изменение было в том, что вплоть до войны, при всех трениях с Грузией, Россия воспринимала Южный Кавказ в формате «Грузия-Армения-Азербайджан» плюс «непризнанные Абхазия, Южная Осетия и Нагорный Карабах». Теперь же части этого пространства – Южная Осетия и Абхазия – фактически (но не юридически) стали частью северокавказского формата российской политики: Южная Осетия в большей степени, Абхазия – в меньшей. В то же самое время Грузия для России исчезла из юж-

⁴ «Власти Азербайджана поддерживают Грузию в конфликте с Южной Осетией», Кавказский узел, 09.08.2008, <http://www.kavkaz-uzel.ru/newstext/news/id/1226899.html>.

нокавказского формата вообще. Российско-грузинские отношения (ведь конфликт — это тоже отношения) стали частью совершенно другого формата. Теперь Грузия с точки зрения России существует за пределами Южного Кавказа, в рамках скорее российско-западного противодействия, чем южнокавказской политики.

На сегодня Южный Кавказ состоит для России только из Армении и Азербайджана. Это принципиально новая ситуация, которая, в частности, сделала возможным активизацию процесса армяно-турецкого примирения. Хотя армяно-турецкий процесс начался еще до «Пятидневной войны», она придала ему серьезное ускорение, а может быть, даже сделала возможной его сколько-нибудь эффективное протекание. Россия при желании способна заблокировать практически любую инициативу на Южном Кавказе, и армяно-турецкий процесс просто не развивался бы, если бы Россия была против. Однако, с выбыванием Грузии из формата Южного Кавказа и появлением преграды между Россией и Арменией, перед Россией встала задача сохранить некий уровень влияния в Армении. Это даже чисто географически становится сложным после разрыва любых отношений с Грузией, поскольку Россия с Арменией не граничат, между ними лежит территория Грузии. В этом контексте налаживание отношений между Арменией и Турцией открывает для России новые перспективы для контактов с Арменией и влияния на нее.

Еще одним интересным следствием войны стал тот факт, что *России не удалось добиться поддержки* своих действий ни от одного государства мира, и, что, наверное, даже интереснее, ни от одной из стран на постсоветском пространстве. Новые «независимые государства» Абхазию и Южную Осетию не признала даже Белоруссия, не говоря уже об Армении. Выпукло проявилась проблема отсутствия у России партнеров, готовых поступаться своими интересами ради интересов своего стратегического союзника⁵. Москве приходится все больше отдавать себе отчет в том, что в основе ее отношений со странами, на поддержку которых она хотела бы рассчитывать, лежат совершенно новые принципы, причем совершенно иные, чем Москве хотелось бы. В целом разнонаправленность

⁵ Федор Лукьянов, «После кавказской войны: предварительные итоги», «РИА Новости», *Аналитика и комментарии*, 16.09.2008.
<http://www.rian.ru/analytics/20080916/151315539.html>.

интересов практически любого государства в глобальном мире — не новость, но формирование такого рода отношений в рамках СНГ еще не вполне завершено. Отказ постсоветских стран, в том числе и под давлением, признать независимость Абхазии и Южной Осетии — важный сигнал о том, что формирование многовекторных отношений между странами бывшего СССР зашло достаточно далеко.

Еще одно следствие войны — это резкое *изменение роли и формата Грузии* в регионе в глазах как внутренних, так и внешних игроков. Как на уровне имиджей, так и в географическом и коммуникационном смысле роль Грузии резко понизилась в результате войны. Перспективы вступления в НАТО и тем более ЕС перестали обсуждаться даже журналистами и даже теоретически. Грузия перестала восприниматься как наиболее передовое государство региона, могущее послужить примером для других, и это привело даже и к поискам обходных транспортно-коммуникационных путей вокруг нее.

И последнее, но тоже немаловажное следствие. Россия впервые после распада СССР продемонстрировала, что *способна открыто применять силу вне собственной территории*. Перед государствами-соседами встает вопрос о новых способах обеспечения собственной безопасности. Попытки строить безопасность «против России», как это пыталась делать Грузия, окончились очевидным крахом, поскольку есть пределы, за которые Россия отступать на постсоветском пространстве не собирается. Ясно, что теперь придется строить модели безопасности только с учетом России, поскольку в противном случае риски очень высоки. И это, возможно, основной урок «Пятидневной войны».

«ПЯТИДНЕВНАЯ ВОЙНА» АВГУСТА 2008 Г.: ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Сергей Минасян

1. Введение

Поздно вечером 7 августа 2008 г., примерно в 23:35 грузинская армия начала массовый обстрел из реактивных систем залпового огня (РСЗО), тяжелой артиллерии и минометов города Цхинвали и осетинских населенных пунктов практически вдоль всей зоны конфликта¹. Несколько позднее ударам грузинской артиллерии подверглись также посты и казармы российских и североосетинских миротворцев. Рано утром 8 августа грузинские войска перешли в наступление на Цхинвали как минимум по трем направлениям — с востока, в сторону Присских высот и Малого Лиахвского ущелья, в центре — в сторону южных пригородов осетинской столицы, и, уже после занятия грузинскими подразделениями сел Хетагурово и Тбет, — с юго-запада. Кроме того, грузинская армия начала продвижение в Знаурском районе и далее к северо-западу, в направлении Зарской дороги, а также райцентра Джавы и Джавского ущелья. Практически без сопротивления грузинские силы (в основном спецподразделения МВД) начали занимать небольшие осетинские деревни в лежащем на востоке Ахалгорском (Ленингорском) районе. Грузинские войска также попытались продвинуться вперед на крайнем западе и северо-западе Южной Осетии, в направлении поселка Квайса.

Грузинское наступление осуществлялось силами 2-й, 3-й и 4-й пехотных бригад, а также ряда подразделений 1-й и 5-й пехотных бригад, отдельного танкового батальона, артиллерийской бригады, частей специального назначения Министерства обороны и МВД Грузии. С воздуха поддержку наступающим грузинским войскам обеспечивали штурмовики Су-25 ВВС Грузии. Утром 8 августа четыре грузинских штурмовика Су-25 нанесли бом-

¹ Авалиани Д., Букия С., Цхурбаев А., де Ваал Т. «Как началась война в Грузии», *IWPR CRS*, №456 (www.iwpr.net), 27.08.2008.

бовый удар в районе имеющего важное стратегическое значение моста у села Гуфта. С авиационной базы Алексеевка в пригороде Тбилиси в район поселка Каспи были переброшены ударные вертолеты Ми-24, которые должны были осуществлять непосредственную авиационную поддержку грузинских войск в направлении Цхинвали. В Грузии началась всеобщая мобилизация резервистов.

Так началась «Пятидневная война» в Южной Осетии.

Надо сразу же отметить, что как сам факт начала войны, так и вопрос о том, кто явился инициатором боевых действий, практически сразу же после их завершения вызвал целый шквал взаимных обвинений и споров. Стороны конфликта обвиняли друг друга в нарушении норм международного права, в геноциде, агрессии и т.д. Грузия оправдывала использование своих вооруженных сил «восстановлением конституционного порядка» и необходимостью нанести превентивный удар по вторгающимся российским войскам, тогда как Москва объясняла свои действия необходимостью спасти население Южной Осетии от осуществляемого Грузией «геноцида» и т.д.

Очевидно, что любой серьезный военный конфликт, оказавший большое влияние как на региональную, так и на мировую политику, не мог не стать поводом для политических спекуляций и пропаганды с целью оправдать свои действия и обвинить противостоящую сторону во всевозможных преступлениях. «Пятидневная война» не стала в этом плане исключением, более того — информационная война в августе 2008 г. приняла практически невиданные ранее формы и масштабы, затронув информационное пространство многих стран и даже континентов.

В нашу задачу абсолютно не входит обоснование или оправдание позиций той или иной из воюющих сторон. Задача статьи — попытка анализа основных военных и военно-политических аспектов «Пятидневной войны» августа 2008 г., ее влияния на перспективы региональной безопасности, а не политическая и тем более правовая оценка этих событий.

На данный момент единственным серьезным и авторитетным документом, который дал достаточно объективную правовую и политическую оценку событиям августа 2008 г., явился доклад Независимой международной миссии по сбору фактов Европей-

ского Союза, опубликованный в конце сентября 2009 г.² С Миссией ЕС в ходе подготовки ее доклада сотрудничали все стороны, вовлеченные в конфликт (Россия, Грузия, Южная Осетия и Абхазия), поэтому сделанные ею выводы и политико-правовые оценки по поводу начала войны и последующего хода боевых действий могут считаться достаточно легитимными. Деятельность Миссии Европейского Союза возглавила швейцарский дипломат Хейди Тальявини, и по ее имени миссию стали называть «Комиссией Тальявини».

Доклад Миссии ЕС однозначно фиксирует, что непосредственно война в Южной Осетии началась с массированного артобстрела грузинской армии поздно вечером 7 августа 2008 г. в направлении Цхинвали и окрестных осетинских сел. Европейские эксперты отмечают тот факт, что в 00.30 8 августа начальник штаба миротворческих операций МО Грузии генерал Мамука Курашвили сделал заявление для грузинских и иностранных СМИ, объявив о начале операции грузинской армии по «восстановлению конституционного порядка»³. Указывается, что использование грузинскими войсками в ходе ночного налета (и последующих боевых действий) реактивных систем залпового огня (РСЗО) типа 122-мм БМ-21 «Град», их чешских аналогов RM-70 и израильских систем более крупного калибра GradLAR для удара по данным населенным пунктам с мирным осетинским населением, как бы это не оправдывалось Грузией (необходимость защиты грузинских анклавов в глубине осетинской территории и грузинских миротворцев, прицельного удара по военным объектам осетинских сил и т.д.), явля-

² 2 декабря 2008 г. Совет Европейского Союза своим решением 2008/901/CFSP основал Независимую международную миссию по сбору фактов по конфликту в Грузии (IFFMCG). Впервые в истории ЕС принял решение активно вовлечься в серьезный вооруженный конфликт с целью расследования причин и итогов августовской войны 2008 г., в соответствии с международным правом, международным гуманитарным правом и правами человека, а также анализа политических и военно-политических последствий этих событий.

³ Уже после завершения «Пятидневной войны» власти Грузии заявили, что заявление М.Курашвили было сделано им по своей собственной инициативе и не было официальным, и начало оправдывать начало Грузией в ночь на 8 августа боевых действий возможной угрозой российского вторжения в Грузию. Independent International Fact Finding Mission on the Conflict in Georgia (IFFMCG) Report, September, 2009. Vol II, P.219-221.

лось нарушением международного гуманитарного права⁴.

Нарушением международного права европейские эксперты сочли и использование оружия против российских миротворцев, дислоцированных в зоне грузино-югоосетинского конфликта. Как отмечается в докладе: «Военного нападения со стороны России до начала грузинской операции не было. Миссия не нашла подтверждений грузинским заявлениям о крупномасштабном присутствии российских вооруженных сил в Южной Осетии до грузинского наступления с 7 на 8 августа. Не было подтверждено и то, что Россия была на грани такого крупного нападения, несмотря то, что некоторые подразделения и техника были приведены в боевую готовность. Нет никаких свидетельств и в поддержку заявлений о том, что российские миротворцы в Южной Осетии вопиюще нарушали свои обязательства, вытекающие из международных договоров, таких, как Сочинское соглашение, в результате чего они могли бы утратить свой международно-правовой статус»⁵.

Одновременно, наблюдатели ЕС указывали, что и ответные действия южноосетинских войск, вышедшие за пределы отражения грузинского наступления вне границ самой Южной Осетии, а также направленные против населенных пунктов внутри территории ЮО (и за ее пределами), включавшие в себя депортацию и ликвидацию грузинских анклавов, также явились нарушением международного гуманитарного права и прав человека. Авторы доклада IFFMCG также не согласны квалифицировать российские действия в Грузии в ходе августовской войны как гуманитарную интервенцию и квалифицировали в целом российское вторжение (как минимум вне границ Южной Осетии) как нарушение международного права⁶.

В ходе последующего расследования, проведенного российской стороной, не подтвердились и широко озвученные официальной Москвой обвинения в осуществленном грузинской сторо-

⁴ Independent International Fact Finding Mission on the Conflict in Georgia (IFFMCG) Report, September, 2009. Vol I, P.22-23. Военные эксперты склонны квалифицировать РСЗО как неизбирательное оружие, не имеющее достаточной точности стрельбы.

⁵ IFFMCG Report, Vol I, P.23.

⁶ IFFMCG Report, Vol I, P.24

ной массовом геноциде, приведшем к гибели свыше двух тысяч осетин в ходе боевых действий. Российские следователи подтвердили гибель с осетинской стороны не двух тысяч, а всего 162 мирных жителей⁷.

Как эксперты ЕС, так и представители международных гуманитарных организаций уверенно обвиняют все стороны, вовлеченные в конфликт в Южной Осетии, в грубом нарушении международного гуманитарного права и прав человека. Воюющие стороны обвинялись и в массовом и неизбирательном использовании РСЗО и кассетных боеприпасов против мирных жителей⁸.

В настоящее время уже есть исследования, касающиеся как политических, так и военно-политических и военно-технических аспектов «Пятидневной войны»⁹. В тоже время, как нам представляется, военный анализ событий августа 2008 г. чрезвычайно интересен и поучителен, и потому необходим в формате данного Ежегодника.

2. Как стороны готовились к августовской войне

Принято считать, что истоки «Пятидневной войны» лежат в кровавых вооруженных конфликтах начала 1990-х гг. в Абхазии и Южной Осетии. Потеряв в результате этих конфликтов контроль над большей частью этих бывших автономий, входивших в состав Советской Грузии, значительная часть грузинской политической элиты не смирилась с потерей и надеялась любыми способами вернуть их в состав грузинского государства. Общественность Грузии во многом также разделяла настроения политической элиты своей страны. По мере того, как вялый и бесконечный переговорный процесс с абхазами и осетинами не приносил желаемого успеха, в гру-

⁷ IFFMCG Report, Vol II, P.222.

⁸ IFFMCG Report, Vol I, P.28

⁹ См. подробнее: Russia VS Georgia: The Fallout, *ICG Europe Report No195*, 22 August 2008. Svante E. Cornell, Johanna Popjanevski, Niklas Nilsson, *Russia's War in Georgia: Causes and Implications for Georgia and the World. Central Asia-Caucasus Institute –Silk Road Studies Program Policy Paper*, August, 2008; Hans-Henning Schroder (ed.), *The Caucasus Crisis: International Perceptions and Policy Implications for Germany and Europe*, SWP Research Paper #9, German Institute for International and Security Affairs, Berlin, November, 2008; Svante E. Cornell, Frederick Starr (ed), *The Guns of August 2008*, New York, 2009; Танки августа. Под ред. М.С.Барабанова. Центр анализа стратегий и технологий, М., 2009.

зинском обществе нарастали более радикальные настроения в отношении Южной Осетии и Абхазии. Со своей стороны, и абхазы, и осетины (в несколько меньшей степени) не демонстрировали особого желания вернуться в состав единого грузинского государства и заявляли о готовности добиваться признания независимости своих де-факто государств, созданных по результатам вооруженных конфликтов с Грузией начала 1990-х гг.

Во многом именно надежды на укрепление институтов грузинской государственности, особенно силовых структур как основы для возвращения сепаратистских автономий, сделали возможным широкую общественную поддержку Революции Роз в Грузии в ноябре 2003 г. и приход к власти в стране Михаила Саакашвили и его команды. Саакашвили и его соратники не скрывали, что военное строительство и укрепление потенциала грузинской армии и спецслужб являлись одной из основных целей новой грузинской власти. Параллельно с укреплением военного потенциала усиливались и заявления грузинских лидеров о скором возврате автономий. Еще летом 2004 г., всего через несколько месяцев после прихода к власти, окрыленный бескровным установлением контроля над Аджарией, Саакашвили попытался с ходу восстановить контроль Грузии над Южной Осетией. Это привело к столкновениям между подразделениями грузинской армии и внутренних войск с осетинскими вооруженными формированиями. Лишь под давлением западных стран и под угрозой вовлечения в конфликт России Саакашвили отказался в августе 2004 г. от дальнейшей эскалации в зоне грузино-югоосетинского конфликта. Однако грузинское правительство не смирилось с этим, и лишь начало более основательно готовиться к возвращению Абхазии и Южной Осетии, как политическими, так и силовыми методами.

Военное строительство в Грузии и реформирование силовых структур, начиная примерно с весны 2004 г., осуществлялось ускоренными темпами. Затраты на военную сферу и закупки вооружений, особенно артиллерии и бронетехники, быстро росли год от года. Как отмечают эксперты Стокгольмского института проблем войны и мира (SIPRI), импорт Грузией вооружений и военной техники (ВВТ) в период с 2004 по 2008 гг. примерно в четыре раза превысил импорт этой страной вооружений в период с 1999 по 2004 гг. При этом трансферты вооружений из Украины

составили примерно 65% грузинского оружейного импорта в период 2004–2008 гг.¹⁰

Прямое военное содействие грузинской армии оказывали также США, ряд ключевых стран НАТО (особенно из числа восточноевропейских государств – Польша, Чехия, Румыния, Болгария), а также Турция и Израиль. Кроме Украины, поставки ВВТ Грузии осуществляли также ряд стран из бывшего СССР, в том числе Узбекистан и член ОДКБ Казахстан. Соединенные Штаты в рамках нескольких программ по обучению и тренировке (GTEP, GSSOP-I, GSSOP-II) за несколько лет подготовили и экипировали личный состав почти четырех пехотных бригад сухопутных сил Грузии, а также ряд спецподразделений и спецслужб. Хотя Вашингтон обосновывал программы военного содействия Грузии необходимостью подготовить личный состав грузинской армии к участию в борьбе с повстанцами и в конфликтах низкой интенсивности в составе многонациональных сил в Ираке и Афганистане, однако очевидно, что полученные навыки и приобретенные западные образцы оружия и экипировки грузинские солдаты могли с успехом применять и в зонах конфликтов в Абхазии и Южной Осетии. При содействии Франции в Сачхере был создан центр подготовки горных стрелков, где обучались военнослужащие горнострелкового батальона грузинской армии.

По росту военных расходов и динамики роста затрат на закупки ВВТ Грузия установила мировой рекорд. Как указывают европейские эксперты, за последние годы военные расходы Грузии очень быстро возросли с 1% до 8,1% ВВП – явный признак того, что грузинское руководство активно готовилось к военным действиям¹¹. Фактические военные расходы Грузии в 2007 г. составили примерно 1495 млн. лари (около 940 млн. долларов). А в 2008 г. (с учетом расходов на ведение боевых действий) они составили примерно 1545 млн. лари (свыше 1 млрд. долларов) вместе планируемых 1100 млн. лари. Только на основе официальной информации, предоставленной Грузией в рамках ДОВСЕ, за период с 1 января 2005 г. по 1 января 2008 г. количество находящихся на вооружении грузинской

¹⁰ Mark Bromley, Paul Haulton, Pieter D. Wezeman, Siemon T. Wezeman, “SIPRI Arms Transfer Data, 2008”, *SIPRI Fact Sheet*, April 2009. P.4.

¹¹ IFFMCG Report, Vol I, P.14.

армии танков возросло почти в 2 раза (с 98 до 183 единиц), боевых бронированных машин (ББМ) — более чем в 1,5 раза (с 83 до 134 единиц), артиллерии калибром свыше 100-мм — в 3 раза (с 96 до 238 единиц), ударных вертолетов — в 3 раза (с 3 до 9 единиц), боевых самолетов — на одну треть (с 7 до 9 самолетов)¹². Вплоть до начала боевых действий 8 августа Грузия продолжала закупать оружие в больших объемах; при этом закупки легкого и стрелкового вооружения, артиллерии калибров до 100-мм и ряд других образцов ВВТ зачастую не декларировались в отчетах Грузии по ДОВСЕ и Регистру ООН по обычным вооружениям.

Вооруженные же силы Абхазии и Южной Осетии хотя и готовились к возможному возобновлению боевых действий с Грузией, но в целом переживали упадок. Обновление ВВТ проводилось медленными темпами, несмотря на практически открытую поддержку со стороны России; техническое состояние осетинских и абхазских подразделений было на недостаточном уровне. Хотя морально-психологическое состояние абхазских и осетинских частей было достаточно высоким, тем не менее, было очевидно, что на фоне возросшего качественного и количественного потенциала грузинской армии вооруженные силы этих непризнанных республик вряд ли были бы в состоянии долговременно противостоять широкомасштабному наступлению со стороны Грузии без поддержки России. Впрочем, в течение последних нескольких месяцев до начала «Пятидневной войны» России практически открыто усилила свое прямое военное присутствие в Южной Осетии и особенно в Абхазии, дислоцировав там на постоянной основе несколько подразделений и начав строительство военных баз и казарм.

Активное обострение в зоне абхазского и югоосетинского конфликтов началось ранней весной 2008 г., когда были зафиксировано несколько инцидентов, в том числе с участием российской стороны. Весной 2008 г. в небе Абхазии (и впервые на постсоветском пространстве) были зафиксированы случаи применения БПЛО в вооруженном конфликте. Грузинские БПЛО израильского производства (в основном типа Hermes-450) осуществляли разведку позиций абхазских и российских войск. Разведывательные полеты гру-

¹² IFFMCG Report, Vol III, P.399.

зинских БПЛО были зафиксированы и в небе над Южной Осетией. Несколько беспилотников были сбиты в воздушном пространстве Абхазии. Грузинская сторона заявила о потере только трех беспилотников, сбитых российскими самолетами и зенитными комплексами. В свою очередь, абхазская сторона утверждала, что БПЛО были сбиты абхазскими средствами ПВО. Как бы то ни было, на фоне активной реакции в западной прессе и информационно-политическом поле западных стран, инциденты с беспилотниками лишь еще обострили ситуации вокруг Абхазии и Южной Осетии.

Последний перед началом августовской войны этап обострения ситуации в зоне конфликтов начался в июле 2008 г. 8 июля 4 самолета ВВС России пролетели на низких высотах над позициями грузинских войск в зоне конфликта. Инцидент произошел в преддверии визита в Грузию госсекретаря США Кондолизы Райс¹³. В июле на военной базе Вазияни начались многонациональные американо-грузинские учения «Немедленный ответ» с участием военнослужащих из Азербайджана и Украины. В свою очередь, российская армия на Северном Кавказе начала масштабные военные учения «Кавказ-2008», в ходе которых отрабатывались, в том числе, мероприятия по быстрой переброске подразделений Северокавказского военного округа (СКВО) на помощь «подвергшимся нападению» частям российских миротворцев.

Примерно с 2-3 августа 2008 г. грузинская и осетинская стороны начали эвакуацию женщин и детей из грузинских анклавов к северу от Цхинвали, а также из осетинской столицы и прилегающих сел. Все это сопровождалось практически ежедневными взаимными обстрелами и инцидентами на линии соприкосновения грузинской и осетинской сторон.

3. Численность и дислокация сил сторон, планы по ведению боевых действий

Еще в сентябре 2007 г. грузинский парламент принял решение об увеличении численности вооруженных сил с 28 тыс. до 32 тыс. человек. Министерство обороны Грузии заявило о наборе военно-

¹³ Грузинский МИД выступил с осуждением, тогда как русские назвали это чрезвычайной мерой по предотвращению вооруженного вторжения грузинских войск в ЮО. IIFFMCG Report, Vol I, P.206.

служащих по контракту в 4-ю и формируемую 5-ю пехотные бригады (базирующуюся в Хони, в Западной Грузии). Однако к началу боевых действий были подготовлены лишь отдельные подразделения 5-й бригады (51-й и 53-й легкий пехотный батальоны) и фактически бригада находилась еще в стадии формирования. 15 июля 2008 г. парламент Грузии принял очередное решение об увеличении численности вооруженных сил уже до 37 тыс. человек. Сообщалось о планах по созданию 6-й пехотной бригады, 2-й артиллерийской бригады, а также увеличению сил ПВО и ВМС. На основе отдельного инженерного батальона в Гори началось развертывание инженерной бригады, однако, к августу 2008 г. все эти мероприятия находились лишь в начальной стадии¹⁴.

Тем самым, по состоянию на 8 августа 2008 г., вооруженные силы Грузии включали Объединенный штаб, командования сухопутных войск, ВВС, ВМС, отдельные формирования центрального подчинения, в частности, батальон военной полиции и Группу специальных операций (ГСО). Дислоцированная в пригороде Тбилиси Вашлиджвари ГСО (сформированная на базе бывшей Коджорской бригады специального назначения) включала офицерский отряд специальных операций, батальон специальных операций, отряд специальных операций ВМС и школу специальных операций.

В состав сухопутных войск входили: штаб, пять пехотных бригад¹⁵ (1-я в Гори, 2-я в Сенаки, 3-я в Кутаиси, 4-я в Вазиани и 5-я в Хони), артиллерийская бригада¹⁶ (Гори, однако часть ее подразде-

¹⁴ Вячеслав Целуйко, «Реформирование грузинской армии при Саакашвили до Пятидневной войны 2008 года», *Танки августа*. Под ред. М.С.Барабанова. Центр анализа стратегий и технологий, М., 2009. С.21.

¹⁵ По штатам 2008 г. пехотная бригада грузинской армии включала: штаб (60 человек) и штабную роту (108 человек, 2 БМП), три легких пехотных батальона (по 591 человек), один смешанный танковый батальон (380 человек, 30 танков Т-72 и 15 БМП), батальон МТО (288 человек), артиллерийский дивизион (371 человек. 18 122-мм гаубиц Д-30, 12 120-мм минометов, 4 ЗСУ-23-4), разведывательную роту (101 человек, 8 БТР), роту связи (88 человек, 2 БТР), инженерную роту (96 человек). Общая численность пехотной бригады – 3265 военнослужащих.

¹⁶ По штатам 2008 г. артиллерийская бригада включала штаб, и штабную роту, дивизион 152-мм гаубиц 2А65 «Мста-Б», дивизион 152-мм самоходных гаубиц 2С3 «Акация», дивизион 152-мм самоходных гаубиц «Дана», батарею 203-мм самоходных орудий 2С7 «Пион», реактивно-артиллерийский дивизион (122-мм и 160-мм РСЗО), противотанковый дивизион (100-мм ПТО МТ-12 «Рапира»), учебный батальон, батальон МТО, роту охраны.

лений дислоцировалась уже в Хони для формирования 2-й артиллерийской бригады), формируемая инженерная бригада (Гори), зенитный дивизион (Кутаиси). Кроме того, сухопутные войска включали также шесть отдельных батальонов: смешанный танковый (Гори, около 50 танков Т-72 и 30 БМП), легкий пехотный (Адлия, на базе бывшего батальона морской пехоты), медицинский (Сагурамо), связи (Вазияни), радиотехнической разведки (Кобулет) и МТО (Тбилиси). Численность сухопутных войск Грузии по состоянию на начало августа 2008 г. составляла примерно 22 тыс. человек.

На вооружении сухопутных войск Грузии находилось: 191 танк Т-72 различных модификаций (из них примерно 120 – модернизированных с помощью израильских и украинских специалистов Т-72-SIM-1), 56 танков Т-55АМ, 80 БМП-1 (из них 15 – закупленных в Украине модернизированных БМП-1У), 74 БМП-2, 11 БРМ-1К, 5 БРДМ-2, 31 БТР-70, 35 БТР-80, 86 МТ-ЛБ, 6 203-мм САУ 2С7 «Пион», 1 152-мм САУ 2С19 «Мста-С», 13 152-мм САУ 2С3 «Акация», 24 152-мм САУ «Дана», 11 152-мм буксируемых гаубиц 2А65 «Мста-Б», 3 152-мм буксируемых орудия 2А36 «Гиацинт-Б», 109 122-мм буксируемые гаубицы Д-30, 15 100-мм противотанковых пушек МТ-12 «Рапира». 40 85-мм противотанковых пушек Д-48, 4 (по другим данным – 6) 122/160-мм РСЗО GradLAR, 6 122-мм РСЗО RM-70, 16 122-мм РСЗО БМ-21 «Град», около 80 120-мм минометов и до 300 минометов калибра 60-мм, 81-мм и 82-мм, 30 23-мм спаренных зенитных установок ЗУ-23-2 и 15 ЗСУ-23-4¹⁷. Кроме этого, по неподтвержденным данным, в 2006 г. из Боснии и Герцеговины в Грузию были поставлены также 262-мм РСЗО М-87 Orkan и 500 ракет к ним, а также большое количество ПТРК и ПЗРК¹⁸.

Военно-воздушные силы Грузии по состоянию на август 2008 г. включали: авиационный оперативный центр, основную авиабазу

¹⁷ Вячеслав Целуйко, *op cit*, С.19-25.

¹⁸ О трансфертах ВВТ в Грузии в 2005-2007 гг. см. подробнее: «Военно-политический баланс на Южном Кавказе в 2005 г.», *Кавказ-2005. Ежегодник Кавказского Института СМИ*. Ереван, 2007; Сергей Минасян, «Проблемы региональной безопасности и военно-политическая ситуация на Южном Кавказе в 2006 г.: гонка вооружений и баланс угроз», *Кавказ-2006. Ежегодник Кавказского Института СМИ*. Ереван, 2008; Сергей Минасян, «Проблемы региональной безопасности на Южном Кавказе в 2007 г.: военный баланс и асимметрия политических стратегий», *Кавказ-2007. Ежегодник Института Кавказа*. Ереван, 2009.

ВВС в Марнеули (эскадрилья штурмовиков Су-25 и эскадрилья учебно-боевых самолетов L-39), авиабазу Алексеевка (эскадрилья многоцелевых вертолетов Ми-8, эскадрилья вертолетов УН-1Н, смешанную вертолетную эскадрилью вертолетов Ми-8, Ми-14 и Ми-24), эскадрилью БПЛА, шесть постов РЛС, подразделения радиотехнической разведки, две базы ПВО (2 дивизиона ЗРК С-125, два дивизиона ЗРК «Бук-М1», три батареи – до 18 ЗРК «Оса-АК/АКМ» и батарею ЗРК Spider-SR), учебные части. На вооружении ВВС Грузии находилось 10 штурмовиков Су-25 (из них до 6 машин было модернизировано с помощью израильских специалистов до модификации Су-25КМ Scorpion), 2 учебно-боевых штурмовика Су-25 УБ, 12 учебно-боевых L-39С, 1 ударный вертолет Ми-35, 4 ударных вертолетов Ми-24В, 3 ударных вертолета Ми-24П, 16 вертолетов Ми-8 различных модификаций, 2 вертолета Ми-14БТ, 2 вертолета Ми-2, 6 вертолетов Bell Uh-1Н и 6 вертолетов Bell 212¹⁹.

ВМС Грузии на начало боевых действий включали: главную военно-морскую базу в Поты, военно-морскую базу в Батуми, а также эскадру надводных кораблей в составе дивизиона ракетных кораблей и катеров, дивизиона сторожевых кораблей и катеров, дивизиона вспомогательных и десантных судов. Численность личного состава ВМС была примерно 1000 человек, корабельный состав включал два ракетных катера («Тбилиси» и «Диоскурия»), 8 сторожевых катеров, 2 малых десантных корабля, 2 десантных катера, и ряд других судов и катеров. Береговая охрана Грузии имела в своем составе 1 патрульный корабль и до 35 сторожевых катеров.

Предполагалось, что в случае начала полномасштабных боевых действий регулярные войска будут усилены частями Национальной гвардии и резервистами. В соответствии с принятой в сентябре 2006 г. концепцией «Тотальной обороны» и Закону о службе в резерве от декабря 2006 г., в Грузии создавалась трехкомпонентная система резерва: активный (на основе призыва граждан Грузии на 18-дневные курсы резервистов), Национальной гвардии (на основе частей НГ и других военизированных структур) и индивидуальный (на основе бывших военнослужащих регулярной армии, вышедших в отставку).

¹⁹ Никита Черемухин, «Осетинский экзамен: авиация и ПВО в «Пятидневной войне»», *Авианарк*, №4, 2008. С.3-7.

Предполагалось создание пяти бригад резерва, со складированным легким вооружением (10-я в Коджори, 20-я в Сенкаки, 30-я в Хони, 40-я в Мухровани и 50-я в Телави), а затем в их составе артиллерийских дивизионов. В 2008 г. был сформирован также 420-й резервный танковый батальон. Однако хотя в ночь на 8 августа 2008 г. президентом Саакашвили была объявлена мобилизация, и, по сведениям грузинской стороны, призвано примерно 5000 резервистов, они почти не приняли участия в боевых действиях. В результате ударов российской авиации по военным базам в Вазияни и Сеннаки погибло несколько резервистов; остальные уже 10-11 августа были распущены по домам. Как отмечают грузинские источники, военнослужащие подразделений регулярных войск, непосредственно принимавшие участие в операции в Южной Осетии, все были контрактниками, и среди них не было ни призывников, ни резервистов²⁰.

В боевых действиях в августе 2008 г. приняли участие также подразделения полицейского спецназа и Департамента Конституционной безопасности МВД, ряд других частей. В основном это были подразделения Главного управления специальных операций и Центра специальных операций МВД Грузии. По данным грузинской стороны, указанные подразделения включали также примерно 300 офицеров ШИДА Картлинского отдела Главного управления специальных операций, которые осуществляли патрулирование и охрану блокпостов в основном к югу от Цхинвали еще до начала боевых действий. Днем 7 августа 2008 г. приказом министра внутренних дел Грузии было создано специальное подразделение, в состав которого вошло 60 офицеров ШИДА Картлинского отдела и 475 офицеров Тбилисского отдела Главного управления специальных операций, 175 офицеров Центра специальных операций и 100 офицеров спецназа Департамента Конституционной безопасности. Общая численность данного подразделения составила 810 офицеров, которые должны были действовать в основном в центре наступающих грузинских войск (между 3-й и 4-й пехотными бригадами) в направлении южных и центральных районов Цхинвали. Отдельный отряд специального назначения (т.н. Антитеррористический центр), в со-

²⁰ IFFMCG Report, Vol III, P.80.

ставе 185 человек осуществлял охрану прогрузинской Временной администрации Южной Осетии «альтернативного президента» Дмитрия Санакоева и был расквартирован преимущественно в грузинских анклавах ущелья Большой и Малой Лиахви. В ходе боевых действий до конца 10 августа данное подразделение осуществляло оборону грузинских анклавов к северу от Цхинвали²¹.

Кроме отрядов специального назначения, в операции участвовали также другие части центрального подчинения и региональных управлений МВД Грузии, общей численностью до 3-4 тыс. человек. Подразделения МВД Грузии в основном были вооружены легким и стрелковым вооружением, а также имели на вооружении легкие бронетранспортеры турецкого производства Otokar Cobra (в 2007-2008 гг. было закуплено 100 единиц) и Ejder (закуплено 70 единиц, но поставки начались летом 2008 г. и участия в боевых действиях они принять не успели), пикапы Toyota Hilux и джипы Land Rover.

Согласно различным источникам, в том числе предоставленным самой грузинской стороной Комиссии Тальявити, группировка сухопутных сил Грузии, сосредоточенная в операции против Южной Осетии, включала следующие части и соединения: 3-ю и 4-ю пехотные бригады практически в полном составе, большую часть артиллерийской бригады, 53-й легкий пехотный батальон 5-й бригады, артиллерийский дивизион и смешанный танковый батальон 1-й пехотной дивизии, отдельный танковый батальон, отдельный легкий пехотный батальон, зенитный дивизион, а также ряд других подразделений МО Грузии центрального подчинения. После получения известия о вступлении России в войну, грузинским командованием в Южную Осетию из Сенаки была переброшена также 2-я пехотная бригада, оставленная для прикрытия абхазского направления. В оперативное подчинение объединенного штаба ВС Грузии поступили также части спецназа и другие подразделения МВД Грузии.

Общая численность группировки грузинских войск, предназначенных для наступления на Южную Осетию, к утру 8 августа составляла примерно 10-11 тыс. военнослужащих регулярных войск и 3-4 тыс. сотрудников МВД. Группировка имела на вооружении до 100 танков Т-72, около 100 БМП и БТР, свыше 150 артиллерийских

²¹ IFFMCG Report, Vol III, P.119-122.

систем и РСЗО калибром 100-мм и выше. Части МВД имели на вооружении до 70 легких бронетранспортеров (броневедомостей) Собга. Небольшие отряды грузинской армии (должны были взять под контроль осетинские населенные пункты Ахалгорского района на востоке Южной Осетии, а также нанести удар в направлении поселка Квайса на северо-западе республики).

С воздуха огневую поддержку грузинским войскам должны были оказывать штурмовики Су-25 и ударные вертолеты Ми-24, а вертолеты Ми-8/17 и УН-1Н – обеспечивать снабжение, разведку и высадку в случае необходимости вертолетных десантов. Планировалось также использование БПЛО для разведки и координации огня грузинской артиллерии.

Около 2 тыс. наиболее обученных военнослужащих элитной 1-й пехотной бригады ВС Грузии находились в это время в Ираке; хотя 10-11 августа транспортные самолеты ВВС США перебросили их из Ирака в Грузию, они не успели принять участия в боевых действиях. В войне участвовал лишь ряд подразделений 1-й бригады, в том числе один из легких пехотных батальонов, составлявший грузинский батальон миротворческих сил в зоне конфликта²².

Грузинский план наступления в Южной Осетии в первую очередь предполагал максимальную быстроту. С учетом подавляющего численного и количественного превосходства на основном, Цхинвальском направлении, планировалось максимально быстро разгромить основные осетинские силы и занять Цхинвали, после чего блокировать Транскам для предотвращения переброски помощи и добровольцев из Северной Осетии. Завершение операции и занятие остальных населенных пунктов Южной Осетии, лежащих к северу от Цхинвали, и выход к южному входу в Рокский туннель планировалось завершить к исходу третьих-четвертых суток после начала боевых действий. В самом Цхинвали планировалось сразу же установить грузинскую администрацию во главе с главой «Временной администрации» Д.Санакоевым и объявить о восстановлении конституционного порядка и контроля Тбилиси над бывшей советской автономией. Одновременно планировалось завершить зачистку территории Южной Осетии, уничтожить оставшиеся осетинские отряды и очаги сопротивления.

²² IFFMCG Report, Vol II, P.214.

План грузинского наступления предполагал, что к западу от Цхинвали 4-я пехотная бригада грузинской армии с приданными подразделениями займет село Хетагурово, с целью перерезать объездную Зарскую дорогу, а также занять ряд населенных пунктов и райцентр Знаур. Следующей задачей 4-й бригады был выход к селу Гуфта и стратегически важному Гуфтинскому мосту. Там планировалось соединение 4-й бригады с подразделениями 3-й пехотной бригады, которая должна была наступать на правом фланге грузинских войск, к западу от Цхинвали. Задачей 3-й бригады был штурм Присских высот, занятие сел Дменис и Сарабук, обход Цхинвали с востока и северо-востока, выход к грузинским анклавам Малой и Большой Лиахвы, а затем дальнейшее продвижение к Гуфтинскому мосту, где она должна была соединиться с 4-й пехотной бригадой. Тем самым планировалось полностью окружить Цхинвали, и, сосредоточившись в районе села Гуфта, продолжить дальнейшее наступление в направлении Рокского туннеля и райцентра Джава²³.

В центре, для действий в городских условиях и зачистки Цхинвали, была создана группировка элитных частей и подразделений МО и МВД Грузии. Группировка сосредотачивалась южнее Цхинвали, в районе грузинских сел Земо Никози, Квемо Никози и Эргнети. Она включала отряды полицейского спецназа, подразделения Главного управления специальных операций и Центра специальных операций МВД Грузии, Группу специальных операций и отдельный легкий пехотный батальон (бывший батальон морской пехоты) МО Грузии. Группировка поддерживалась танками отдельного танкового батальона. В резерве у грузинского командования находился 53-й легкий пехотный батальон 5-й пехотной бригады. В зоне конфликта (в основном в грузинских анклавах к северу от Цхинвали) находился также грузинский миротворческий батальон, в составе 11-й легкого пехотного батальона и механизированной роты отдельного танкового батальона. Артиллерийский дивизион 1-й бригады, артиллерийские дивизионы 3-й и 4-й пехотных бригад и 1-я артиллерийская бригада должны были начать артподготовку осетинских позиций и обеспечивать пехотные подразделения артиллерийской

²³ Антон Лавров, «Хронология боевых действий между Россией и Грузией в августа 2008 года», *Танки августа*. С.49-51.

поддержкой. Отдельные группировки грузинской армии и сил МВД, численностью до батальона каждая, должны были нанести удары на крайней восточной (Ахалгорский район) и северо-западной (Квайса, Синагури) границах Южной Осетии. На начало боевых действий в ночь с 7 по 8 августа 2-я пехотная бригада оставалась в Сенаки для прикрытия абхазского направления, а части 5-й пехотной бригады и подразделениями МВД Грузии должны были оборонять Кодорское ущелье на севере Абхазии²⁴.

По данным грузинской военной разведки, по состоянию на начало боевых действий Южная Осетия имела три основные силовые структуры: Министерство обороны и чрезвычайных ситуаций, МВД и КГБ Южной Осетии. Структурно Министерство обороны и чрезвычайных ситуаций ЮО включало в себя 10 мотострелковых батальонов²⁵, отдельный разведывательный батальон (200 чел, 4 БМП-2, 2 БТР, 2 БРДМ), отдельный танковый батальон (12 танков Т-62 и 2 танка Т-55), зенитную батарею (86 человек, 3 ЗУ-23, около 20 ПЗРК «Стрела-2/3» и «Игла», 6 ПТРК), инженерную роту (60 человек), минометную батарею (40 человек, 5 120-мм минометов), отряд специального назначения («Осетинское ГРУ», около 60 человек).

Всего в составе Министерства обороны и чрезвычайных ситуаций Южной Осетии насчитывалось около 3 тыс. человек, из которых в районе Цхинвали и окрестных сел и райцентров (Хетагурово, Знаур, Приси, Дменис) было дислоцировано примерно 2 тыс. человек. На вооружении имелось примерно 12 танков Т-62 и 4 танка Т-55, около 40 БМП и БТР, 4 РСЗО БМ-21 «Град», 3-5 152-мм САУ 2С3 «Акация», 22 122-мм САУ 1С3 «Гвоздика», 25 буксируемых гаубиц и противотанковых орудий калибра 85-мм, 100-мм и 122-мм,

²⁴ Антон Лавров, «Хронология боевых действий между Россией и Грузией в августе 2008 года», *Танки августа*. С.55-56.

²⁵ Каждый югоосетинский мотострелковый батальон насчитывал от 180 до 300 человек. На вооружении находилось по 2-3 БМП или БТР, 2-3 ЗУ-23, минометы и гранатометы. Некоторые батальоны имели на вооружение большее количество личного состава и ВВТ, как например, 8-й Джавский МСБ, в составе примерно 300 человек, 2 БМП, 4 БТР-70, 22 122-мм САУ 2С1 «Гвоздика», 3 РСЗО БМ-21 «Град», свыше 35 единиц минометов и орудий калибра от 82-мм до 122-мм. Однако 8-й Джавский МСБ, расположенный в глубине Южной Осетии в райцентре Джава, выступал скорее как главный резерв осетинских сил, а остальные осетинские батальоны имели меньшую численность и вооружение.

до 40 минометов калибра 82-мм и 120-мм, свыше 20 23-мм ЗУ-23-2. МВД Южной Осетии включало до 900 сотрудников. Основными структурными подразделениями МВД, способными к активным боевым действиям, являлись ОМОН (до 350 человек, вооруженных легким и стрелковым вооружением, а также 3 БТР и 1 БМП) и СОБР (45 человек, вооруженных легким и стрелковым вооружением). В августе 2008 г. КГБ Южной Осетии насчитывало примерно 70 сотрудников, и еще 40 в составе отряда специального назначения КГБ (ОСОМ). Кроме этого, в состав КГБ ЮО входила также Пограничная служба (около 380 человек, вооруженных легким и стрелковым оружием, а также 9 БТР-80)²⁶.

Основная задача осетинских сил заключалась в обороне Цхинвали и окрестностей до подхода подкреплений из России и добровольцев из Северной Осетии. Небольшая численность осетинских подразделений, отсутствие сплошной линии обороны и укрепленных фортификационных сооружений, фактическая полублокада Цхинвали, а также слабая техническая оснащенность осетинских войск затрудняла ведение ими долговременных оборонительных действий. Ситуация затруднялась тяжелой морально-психологической обстановкой в Южной Осетии, в течение последних нескольких лет постоянно подвергавшейся обстрелам с грузинской стороны.

На линии соприкосновения грузинской и югоосетинской стороны, в соответствии с Сочинскими соглашениями 1992 г. было также дислоцировано три миротворческих батальона (по одному российскому, северо-осетинскому и грузинскому). Грузинская сторона старалась максимально чаще проводить ротацию своего миротворческого контингента, для того, чтобы ознакомить своих солдат с местностью. В свою очередь, в составе так называемого северо-осетинского батальона в основном служили граждане России осетинской национальности, преимущественно выходцы из Южной Осетии. По данным российской стороны, по состоянию на 7 августа 2008 г. численность осетинского миротворческого батальона составляла 488 военнослужащих, на вооружении имелось около 30 БМП и БТР, несколько 82-мм минометов, а также ЛСО. Примерно аналогичную численность имел и российский миротворческий баталь-

²⁶ IFFMCG Report, Vol III, P.123-130.

он из состава 135-го мотострелкового полка 19-й мотострелковой дивизии, дислоцированный в зоне конфликта.

В связи с обострением ситуации вокруг Южной Осетии летом 2008 г. Россия в более крупных масштабах начала в июле ежегодные учения «Кавказ-2008» с участием частей и соединений Северокавказского военного округа, 4-й воздушной армии, Черноморского флота, а также подразделений воздушно-десантных войск (76-й Псковской воздушно-десантной дивизии и 7-й Новороссийской десантно-штурмовой дивизии). Общая численность российских военнослужащих, принявших участие в учениях, составила до 10 тыс. человек; были задействованы сотни единиц бронетехники и десятки боевых самолетов и вертолетов. Однако 2 августа учения «Кавказ-2008» были завершены, и войска стали перебрасываться в места постоянной дислокации. У границ Южной Осетии, у северного входа в Рокский туннель были оставлены две батальонные тактические группы из состава 135-го и 693-го мотострелковых полков 19-й дивизии 58-й армии СКВО.

По планам российского военного командования предполагалось, что батальонные тактические группы 135-го и 693-го МСП в течение нескольких часов после начала грузинского наступления должны были войти на территорию Южной Осетии и во взаимодействии с российской авиацией и оперативно перебрасываемым в регион частями ВДВ сдерживать наступление грузинских войск вглубь республики до подхода основных сил из состава СКВО. Частям постоянной боевой готовности СКВО, в основном дислоцированным в Северной Осетии (19-я мотострелковая дивизия), Чечне (42-я мотострелковая дивизия), Дагестане (33-я горная мотострелковая бригада) и Карачаево-Черкесии (34-я горная мотострелковая бригада) требовалось от одних до трех суток для переброски в зону конфликтов в Южной Осетии или Абхазии. Хотя большая часть ВВТ российской армии на Северном Кавказе морально и физически была устаревшей, а ее части разбросаны по всему региону на сотни километров вокруг, тем не менее, по своей численности и боевой мощи они значительно превосходили вооруженные силы Грузии. Кроме того, в кратчайший период они могли быть усилены переброской на Северный Кавказ частей ВДВ и спецназа ГРУ из внутренних районов России, а с воздуха поддерживаться крупными авиационными соединениями 4-й ВА. Аналогично предполагался ввод рос-

сийских подразделений на территорию Абхазии в дополнение к уже дислоцированным там российским миротворцам, а также подразделениям 131-й мотострелковой бригады СКВО и частям ВДВ и ПВО российской армии²⁷. В случае открытия «второго фронта» в Абхазии после наступления грузинской армии в Южной Осетии предполагалось, что абхазские силы также окажут поддержку российским войскам, а также начнут самостоятельные боевые действия в направлении грузинских позиций в Кодорском ущелье.

Основным недостатком грузинского плана ведения боевых действий было почти полное игнорирование возможности открытого вступления России в боевые действия на стороне Южной Осетии. Видимо, грузинское политическое и военное руководство полагало, что Москва в первые несколько дней после начала грузинского наступления ограничится только жесткими дипломатическими заявлениями и незначительной демонстрацией силы (в виде полетов российской авиации над зоной боевых действий). Возможно, грузинское командование считало, что грузинской армии будет достаточно двух-трех дней для установления контроля над большей частью Южной Осетии и выхода к Рокскому туннелю, и тогда, после быстрого захвата Цхинвали и публичного сообщения (в том числе и в мировых СМИ) о восстановлении «конституционного порядка» и контроля Тбилиси над Южной Осетией и объявления правительства Д.Санакоева единственной легитимной властью в республике, Россия не решится на открытое вторжение и вовлечение в конфликт с Грузией. Общественные настроения внутри Грузии также отражали уверенность в том, что Россия не вмешается в конфликт.

Именно игнорирование геополитических реалий в регионе и возможности российского вовлечения в конфликт с самого начала привело к сбою детально разработанного плана грузинского наступления, коллапсу системы военного управления, неорганизованному отступлению и деморализации грузинской армии. В ходе послевоенных парламентских слушаний министр обороны Грузии Д.Кезерашвили отметил, что, хотя военные планы отступления грузинской

²⁷ Антон Лавров, «Хронология боевых действий между Россией и Грузией в августе 2008 года», *Танки августа*. С.46-51.

армии в случае вовлечения России в боевые действия существовали, никаких условий для обороны и оборонительных сооружений подготовлено не было. По его словам, «в принципе, с военной точки зрения обсуждался вопрос, что Россия может нанести атаку на Грузию и эти планы готовились, но насколько Россия была бы готовой принять политическое решение, в этом лично я до 7 августа не был уверен, и могу сказать, что не только я, в этом не было уверено ни одно из дружественных нам государств...»²⁸.

4. Ход боевых действий

7-8 августа

В 23:30 7 августа грузинская армия получила приказ на открытие огня и уже примерно в 23:35 грузинская артиллерия начала обстрел Цхинвали, оборонительных позиций осетинских сил вокруг города и близлежащих целей. Огонь велся минометами, ствольной и реактивной артиллерией калибров от 120-мм до 160-мм. Хотя грузинская армия стремилась вести прицельный огонь по военным целям и объектам управления, недостаточная точность стрельбы приводила и к ударам по жилым районам и гражданским объектам. По заявлениям российской стороны, вскоре артиллерийско-минометным ударам и стрелковому обстрелу стали подвергаться позиции российских и осетинских миротворцев и штаб совместных сил по поддержанию мира.

Примерно в час ночи 8 августа 41-й и 42-й легкие пехотные батальоны 4-й бригады заняли села Мугути и Хетагурово, а 43-й батальон – несколько приграничных сел Знаурского района и стал продвигаться в направлении райцентра Знаур. В тоже время части спецназа МВД Грузии начали операцию в Ахалгорском (Ленингорском) районе и практически без потерь к утру установили контроль над осетинскими селами в этом направлении. На центральном направлении, после продолжительной артподготовки, штурмовая группировка грузинских сил при поддержке танков начала наступление на южные окраины Цхинвали, вступив в бой с мелкими группами осетинских сил, ОМОНа и резервистов. Спецназ МВД Грузии наступал с юго-востока, со стороны села Земо-Никози, и уже око-

²⁸ Парламентская комиссия выслушала министра обороны, Civil.Ge, 27.11.2008.

ло 6:30 утра вступил в бой с бронетехникой российских миротворцев в так называемом Верхнем лагере миротворческих сил, ведя обстрел из танков и бронетехники. К 6:00 утра из района Эредви к востоку от Цхинвали начала наступление и 3-я пехотная бригада грузинской армии, продвигаясь к селам Дменис и Сарабук, а также стремясь занять стратегически важные Присские высоты²⁹.

На рассвете 8 августа спецназ Департамента конституционной безопасности МВД Грузии попытался продвинуться в направлении поселка Квайса, однако встретив на границе ожесточенное сопротивление осетинских сил и понеся потери, отступил обратно, и вплоть до конца боевых действий на этом участке отмечены были лишь периодические обстрелы позиций и поселка Квайса. Из села Переви в направлении осетинского села Синагури в 8:00 утра начали наступление подразделений военной полиции грузинской армии, которые несколько продвинулись вперед, но были остановлены осетинскими отрядами у взорванного моста и также до конца боевых действий не продвигались³⁰.

Примерно к 10 часам утра 8 августа, подавив ряд очагов сопротивления осетинских сил на южных окраинах Цхинвали, центральная группировка грузинских войск, тем не менее, не смогла продолжить наступление вглубь города. Место частей МВД, наступающих с юга в направлении центра города, должны были занять 41-й и 42-й легкие пехотные батальоны, которые после занятия Хетагурово должны были с юго-запада войти в Цхинвали. К 11 часам утра части 4-й бригады со стороны села Тбет вошли на юго-западные окраины Цхинвали, тогда как части МВД, усиленные танками отдельного танкового батальона и во взаимодействии с бойцами отдельного батальона легкой пехоты возобновили наступление в город с юга, со стороны села Земо-Никози. К востоку от Цхинвали части 3-й бригады, занял ряд высот, вышли к окраинам села Дменис.

К этому времени первые российские подразделения (батальонные тактические группы 693-го и 135-го МСП) уже пересекли границы Южной Осетии и продвигались вперед по Транскаму. По све-

²⁹ Антон Лавров, «Хронология боевых действий между Россией и Грузией в августе 2008 года», *Танки августа*. С.56-63.

³⁰ Там же, С.58-61.

дениям российских источников, еще примерно в час ночи 8 августа, после телефонного разговора президента России Медведева с министром обороны Сердюковым (в ходе этого разговора, видимо, и был санкционирован ввод российской армии в Южную Осетию), данные подразделения получили приказ на выдвижение к Рокскому туннелю и вступлению на территорию Южной Осетии. Согласно первоначально разработанному плану прикрытия, эти две батальонные тактические группы должны были установить контроль над Транскамом от Рокского туннеля и до Цхинвала (или же до линии соприкосновения с грузинскими войсками) и удерживать дорогу до тех пор, пока не подойдут подкрепления. Впрочем, грузинские источники настаивают, что российские подразделения стали входить в Южную Осетию намного раньше³¹.

Около 2 часов ночи первые подразделения 693-го МСП пересекли Рокский туннель. В 3 часа ночи были подняты по тревоги части СКВО, в частности, 503-й МСП 19-й МСД, расквартированная в Чечне 42-я МСД, другие части и подразделения округа. По тревоге была поднята также батальонная тактическая группа из состава 76-й Псковской воздушно-десантной дивизии, всего за день до этого вернувшаяся с учений «Кавказ-2008» в Северной Осетии. Одновременно, грузинское командование дало приказ на переброску в зону конфликта в Южную Осетию 2-й пехотной бригады из Сенаци³².

Колонна российской бронетехники, не останавливаясь, пройдя Рокский туннель, достигла в 6:30 райцентра Джава и, не задерживаясь в нем, продолжила продвигаться на юг в направлении Цхинвали. Задачей передовых российских подразделений было занять Гуфтинский мост Транскама, блокировать грузинские анклавы с севера и не допустить прорыва грузинской армии к Джаве и далее к Рокскому мосту, обеспечив развертывание в Южной Осетии прибывающих российских подкреплений. Примерно в 7 часов утра 8 августа батальонная колонна 693-го МСП попала под удар 4 штурмовиков Су-25 (в том числе одного модернизированного «Мимино» и одного учебно-боевого Су-25УБ) грузинских ВВС. Несмотря на близкие разры-

³¹ “Report by the Government of Georgia on The Aggression by the Russian Federation against Georgia”. August 2009. P.29-30.

³² Антон Лавров, «Хронология боевых действий между Россией и Грузией в августе 2008 года», *Танки августа*. С.57-58.

вы авиабомб, мост не получил повреждений. Штурмовики грузинских ВВС нанесли удар также по базе осетинских сил в районе Джавы и позициям северо-осетинского миротворческого батальона «Алания». Грузинские штурмовики вернулись на авиабазу Марнеули без потерь (хотя еще до выполнения боевого задания, из-за технических проблем из ранее планируемых к вылету 6 Су-25 один самолет не взлетел из-за проблем с двигателем, а один был вынужден вернуться обратно из-за проблем с управлением вооружением) и начали подготавливаться к следующему вылету. Однако он был отменен ввиду появления в небе над Южной Осетией российских истребителей. Грузинские самолеты в ходе войны больше не поднимались в воздух, были рассредоточены по аэродрому и замаскированы³³.

Примерно в 11 часов утра 8 августа российские ВВС начали наносить удары как по позициям наступающих в Южной Осетии грузинских войск, так и по военным объектам и аэродромам в глубоком тылу. Примерно на 14:00-15:00 пришлось наибольшее продвижение грузинских войск в центре Цхинвали. К 14:00 несколько танков отдельного танкового батальона вышли к зданию штаба миротворческих сил на перекрестке улиц Московской и Привокзальной. Три грузинских танка были подбиты, и грузинское наступление затормозилось. Примерно в то же время два российских штурмовика нанесли удар по расположившимся на западной окраине города бойцам 42-го легкого пехотного батальона. В результате авиаудара погибло свыше 20 грузинских солдат, несколько десятков было ранено. Батальон стал беспорядочно отступать. Известие о потерях в 42-м батальоне, начавшийся примерно в 15:00 ракетно-артиллерийский удар приближившихся с севера российских войск, продолжающиеся удары российской авиации и усилившееся сопротивление осетинских войск в центре города привели к началу отступления грузинских войск из Цхинвали. К тому времени им удалось взять под контроль примерно треть территории города. Одновременно стала отступать в направлении Эредви находившаяся к востоку от Цхинвали 3-я пехотная бригада и подоспевшие к ней на подкрепление прибывшие утром из Западной Грузии первые подразделения 2-й пехотной бригады.

³³ Ираклий Алашвили, «Потери ВВС Грузии были минимальными», *Авиация и время*, №6, 2008. С.18-19.

Активное вовлечение российской армии в боевые действия, неудача первого штурма Цхинвали и падение морально-психологического духа наступающих войск, не ожидавших столь быстрого появления российских частей и боевой авиации, заставили грузинское командование срочно менять план действий и фактически импровизировать. По утверждению начальника Объединенного штаба грузинских вооруженных сил генерал-майора Деви Чанкотадзе, примерно в 18:00 вечера 8 августа перегруппировавшиеся грузинские войска, усиленные прибывшей из Сенаки 2-й пехотной бригадой (заменившей на левом фланге понесшую серьезные потери и деморализованную 4-ю бригаду) попытались вновь штурмовать город, однако на южных окраинах Цхинвали они подверглись ракетно-артиллерийскому огню российских и осетинских войск и были вынуждены отступить обратно, на исходные позиции в районе Земо-Никози³⁴. Грузинские войска отступили также из населенных пунктов Тбет и Хетагурово, разблокировав объездную Зарскую дорогу. Поздно вечером по ней в Цхинвал пробились первые части российской армии – разведывательная рота 135-го МСП и несколько танков 141-го отдельного танкового батальона 19-й мотострелковой дивизии.

К исходу дня 8 августа Цхинвали был практически полностью оставлен грузинскими войсками. За исключением осетинских сел Ахалгорского района, на большинстве других позиций грузинские войска в основном вернулись на исходные позиции. Российские войска продолжали прибывать через Рокский туннель, однако численное превосходство грузинской армии в зоне конфликта продолжало сохраняться. Российская авиация совершила 63 боевых вылета, нанося удары как непосредственно по наступающим грузинским войскам, так и по главной авиабазе грузинских ВВС Марнеули и военным базам в тыловой зоне. Российские ВВС вечером 8 августа потеряли свой первый боевой самолет – штурмовик Су-25, по ошибке сбитый осетинскими ополченцами над Зарской дорогой³⁵. В Грузии продолжалась мобилизация резервистов, однако основные базы их сосредоточения подверглись ударам российской авиации, что затрудняло процесс набора резервных частей.

³⁴ PFFMCG Report, Vol II, P.210.

³⁵ Антон Лавров, «Потери российской авиации в Пятидневной войне с Грузией в августе 2008 года», *Танки августа*. С.110-11.

По получении известий о начале наступления на Южную Осетию рано утром 8 августа вооруженные силы Абхазии стали выдвигаться в направлении Очамчирского и Гальского районов. Кроме того, российское руководство приняло решение о вводе в Абхазию дополнительных войск. В частности, были сформированы три батальонные тактические группы 7-й десантно-штурмовой дивизии для переброски на территорию Абхазии, причем одна из них начала перебрасываться морем десантными кораблями Черноморского флота. В Севастополе для выхода к берегам Абхазии стали готовиться корабли Черноморского флота во главе с флагманом — ракетным крейсером «Москва».

9 августа

Рано утром 9 августа грузинские войска, после интенсивной ночной артподготовки, силами 2-й бригады начали новое наступление в направлении села Хетагурово, а 43-й легкий пехотный батальон с отрядом резервистов — в направлении райцентра Знаур. На восточном фланге в направлении Дменис и Тлиакана начала повторное наступление 3-я бригада. Днем, примерно в 14:00 начала третье наступление в центре и на юго-востоке сводная группировка грузинских войск в составе 21-го и 42-го легких батальонов и ряда других подразделений. К этому времени в Цхинвали уже находилось некоторое количество российских подразделений, пробившихся в город в предыдущий день. Одновременно с начавшимся наступлением грузинских войск командующий 58-й армии СКВО генерал-лейтенант Хрулев принял решение пробиться через Зарскую дорогу в составе усиленной батальонной тактической группы и, заняв оборону на южных подступах города, дожидаться подхода основных подкреплений. Пытаясь войти в город с юго-западной стороны, российская колонна столкнулась с подразделениями грузинской 2-й пехотной бригады, начинавшими повторное наступление с южного направления. В результате неожиданного для сторон встречного боя российская колонна понесла потери, в том числе был ранен генерал Хрулев и несколько сопровождающих его российских журналистов³⁶.

Тем не менее, грузинское наступление на Цхинвал остановилось, и подвергаясь ударам российской артиллерии и авиации, к вечеру 9

³⁶ IFFMCG Report, Vol II, P.210.

августа мая грузинская армия стала постепенно отступать со своих позиций. Одновременно с ними стали отступать также грузинские силы и ополчение из грузинских анклавов ущелья Большой Лиахвы (сел Тамарашени, Курта, Кехви). На северо-западном направлении, примерно в 19:00 вечера российские войска нанесли удар тактической ракетой «Точка-У» с кассетной боеголовкой по подразделениям грузинских войск в районе сел Переви и Синагури, которые отступили на исходные позиции³⁷. В результате ошибок в управлении, гибели и ранении многих командиров, в том числе командира 41-го легкого пехотного батальона майора Долидзе, отступление приняло беспорядочный характер. По словам бывшего министра обороны Грузии Георгия Каркарашвили, боевые потери и утрата управления привели к вечеру 9 августа к полной деморализации бойцов 4-й пехотной бригады, 21-го батальона и бывшего батальона морской пехоты. Паника среди отступающих грузинских солдат усиливалась поступающими сведениями (в том числе полученным по мобильным телефонам, так как многие армейские средства связи не работали или же глушились российскими средствами) о якобы «гибели целых батальонов» в окружении и под ударами российской авиации³⁸.

В течение дня российская авиация выполнила всего 28 боевых вылетов. Это во многом объяснялось довольно значительными потерями российской авиации в течение 9 августа. Утром над Сачхерским районом Грузии был сбит стратегический бомбардировщик Ту-22М3. Несколько позднее огнем грузинского ПЗРК был сбит фронтовой бомбардировщик Су-24М. Практически одновременно был сбит (по-видимому, «дружественным огнем» российских войск) уже поврежденный огнем грузинской ПВО штурмовик Су-25СМ командира 368-го штурмового авиационного полка полковника Кобалыша. После потери стратегического бомбардировщика Ту-22М3 российское командование отменило участие дальней авиации в боевых действиях³⁹.

³⁷ Антон Лавров, «Хронология боевых действий между Россией и Грузией в августе 2008 года», *Танки августа*. С.67-73.

³⁸ «Скандалное заключение экс-министра обороны Грузии». *Газета «Квириц палитра» (перевод с грузинского)*, 09.02.2009, (<http://www.apsny.ge/analytics/1234198752.php>).

³⁹ Антон Лавров, «Хронология боевых действий между Россией и Грузией в августе 2008 года», *Танки августа*. С.67-73.

В ночь на 9 августа российские войска в Абхазии нанесли удар двумя тактическими ракетами «Точка-У» по главной грузинской военно-морской базе в Поты, в результате чего погибло 5 и было ранено до 30 грузинских военных моряков. Основные силы грузинских ВМС стали готовиться к переходу на другую ВМБ – Батуми. Российская авиация нанесла удар и по базе 2-й пехотной бригады в Сенаки, где в этот момент происходил сбор резервистов. На момент удара там находилось около 1 тыс. резервистов. В результате бомбардировки погибло 7 и было ранено несколько десятков резервистов, после чего резервисты были распущены грузинским командованием по домам. К Очамчире подошли и подготовились к десантированию десантные корабли с батальонной тактической группой 7-й десантно-штурмовой дивизии и корабли охранения. Черноморский флот начал патрулирование берегов Абхазии. Вечером 9 августа, по сообщениям российских источников, произошел морской бой между кораблями охранения и несколькими грузинскими катерами. По сведениям российского командования, один из грузинских катеров был потоплен малым ракетным кораблем «Мираж», однако данный факт не был подтвержден ни грузинскими, ни иными источниками. К утру 9 августа абхазские силы начали артиллерийский и авиационный обстрел Кодорского ущелья, при содействии российских боевых самолетов и вертолетов. Абхазские войска стали разворачиваться на южных подступах к ущелью⁴⁰.

10 августа

В ночь на 10 августа продолжались взаимные обстрелы грузинских и российских войск и ночные бомбардировки российской авиацией военных объектов Грузии. Авиационному удару подверглась ВПП Тбилисского авиационного завода. В Южную Осетию продолжали входить новые части СКВО, в частности, 42-я МСД из Чечни. К утру 10 августа подразделения российского спецназа ГРУ, батальонная тактическая группа 104-го десантно-штурмового полка Псковской дивизии и чеченский батальон «Восток» 42-й МСД завершили «зачистку» грузинских сел к северу от Цхинвали. К 11:00

⁴⁰ Антон Лавров, «Хронология боевых действий между Россией и Грузией в августе 2008 года», *Танки августа*. С.73-74.

прямая дорога по Транскаму до Цхинвали через грузинские села была открыта и по ней стали прибывать в город все новые российские подразделения. Грузинское население покинуло села вместе с отступающими войсками и полицией, а отряды осетинского ополчения стали грабить и поджигать их дома. Российская группировка в районе Цхинвали примерно сравнялась по численности с грузинскими войсками, действующими на этом направлении, и продолжала с каждым часом все увеличиваться. Наоборот, грузинские войска все более деморализовались и начали поспешный отход в сторону Грузии, местами оставляя оружие и военную технику. К полудню грузинская армия оставила территорию Южной Осетии и стала поспешно отступать к Гори⁴¹. В 17:30 грузинское руководство сделало заявление об одностороннем прекращении огня и выводе своих войск из зоны конфликта. Однако артиллерийские обстрелы и боевые действия продолжались.

В Абхазии в течение 10 августа продолжалось прибытие новых контингентов российских войск (в основном из состава 7-й Новороссийской десантно-штурмовой дивизии, 310 Ульяновской воздушно-десантной бригады и др.), а также высадка десанта в районе Очамчира. К исходу дня российское военное командование заявило о формировании в Абхазии примерно девятитысячной группировки российских войск с 350 единицами легкой бронетехники⁴². Основу группировки составляли части ВДВ. Группировка практически не имела на своем вооружении тяжелой бронетехники – танков и тяжелых САУ, кроме небольшого количества легких 120-мм самоходных орудий 2С9 «Нона-С» в составе частей ВДВ. К концу дня российская группировка выдвинулась к реке Ингури и вторглась на территорию Зугдидского района Грузии. Абхазские войска, продолжая при содействии российской армии наносить артиллерийские и авиационные удары по позициям грузинских войск в Кодорском ущелье, начали выдвижение своих частей к ущелью⁴³.

⁴¹ PFFMCG Report, Vol II, P.211.

⁴² Svante E. Cornell, Johanna Popjanevski, Niklas Nilsson, Russia's War in Georgia: Causes and Implications for Georgia and the World. *Central Asia-Caucasus Institute – Silk Road Studies Program Policy Paper*, August, 2008. P.17.

⁴³ Антон Лавров, «Хронология боевых действий между Россией и Грузией в августе 2008 года», *Танки августа*. С.77-78.

11 августа

Ночью и утром 11 августа российская авиация продолжила нанесение ударов по позициям грузинских войск и военным объектам. Основной удар пришелся на объекты ПВО, РЛС и систему управления огнем. Были уничтожены основные стационарные и мобильные военные РЛС, а также интегрированная в единую систему контроля над воздушным пространством гражданская РЛС под Тбилиси. Удару подвергся также центр управления ВВС и ПВО Грузии. В результате была нарушена система управления ПВО Грузии, многие мобильные ЗРК прекратили огонь. Утром две российские полковые тактические группировки начали наступление в направлении Гори. Прорвав сравнительно слабое сопротивление грузинских войск, которые из-за недостатка времени и охватившей их паники не смогли организовано отступить и закрепиться на оборонительных рубежах южнее Цхинвали, российские войска стали продвигаться в направлении Гори и дороги, связывающей западную и восточную части Грузии. В районе Шиндиси, на трассе Цхинвали-Гори, отступающая инженерная рота 2-й бригады, оказавшаяся в тылу наступающих российских войск, натолкнулась на десантников 104-го десантно-штурмового полка и понесла серьезные потери – погибло 17 грузинских военнослужащих, несколько человек было взято в плен, уничтожено свыше десятка автомашин.

Примерно в 17:00 был зафиксирован самый успешный за всю войну случай использования грузинскими войсками ударных вертолетов Ми-24. 6 грузинских вертолетов в районе сел Пхвениси и Дзереви нанесли удар по наступающей колонне российских войск, уничтожив несколько грузовиков, и без потерь смогли вернуться на временную площадку у селения Каспи (хотя российские источники сообщили, что один из вертолетов был поврежден огнем 23-мм зенитной установки российских десантников, а грузинские – что в ходе военных действий потерпел крушение один Ми-24 грузинских ВВС)⁴⁴. Тем не менее, вскоре вертолеты были перебазированы на основную базу в районе пригорода Тбилиси Алексеевки и более участия в боевых действиях не принимали. Примерно в 17:00 гру-

⁴⁴ Ираклий Аладашвили, «Потери ВВС Грузии были минимальными», *Авиация и время*, №6, 2008. С.19.

зинские войска стали спешно покидать Гори, в основном отступая в сторону Тбилиси. Вместе с частями 1-й пехотной бригады, переброшенными в ночь с 10 на 11 августа из Ирака американской военно-транспортной авиацией, отступающие грузинские войска стали укрепляться на подступах к грузинской столице⁴⁵.

На западном направлении утром 11 августа в 7:15 российский ударный вертолет Ми-24 огнем ПТУР уничтожил на базе в Сенаки 2 грузинских вертолета – ударный Ми-24В и многоцелевой морской вертолет-тральщик берегового базирования Ми-14БТ. После полудня колонна 108-го десантно-штурмового полка под прикрытием боевых вертолетов заняла базу 2-й пехотной бригады. На аэродроме базы был обнаружен в укрытии и уничтожен еще один грузинский ударный вертолет Ми-24В. Там же на базе были обнаружены 4 танка Т-72 из состава 2-й бригады (2 танка были уничтожены, 2 – отбуксированы в Абхазию). Также российские десантники обнаружили и захватили на базе в Сенаки 2 огневые и 2 пуско-заряжающие установки зенитно-ракетного комплекса «Бук-М1», и ракеты к ним. К этому времени абхазские войска предъявили ультиматум о разоружении и выходе из Кодорского ущелья частям грузинской армии и МВД, и начали продвигаться с южного направления. В свою очередь, колонна российских войск из состава 247-го десантно-штурмового полка к вечеру 11 августа выдвинувшись из Зугдиди в направлении села Сакен, блокировав выход из Кодорского ущелья с севера. Грузинские войска и полицейские, вместе с местным населением, стали мелкими группами выходить из ущелья, бросив тяжелое вооружение и снаряжение. К вечеру разведывательные части российских ВДВ также достигли пригородов Поти.

12 августа

Утром 12 августа российские войска, батальонные тактические группы 693-го МСП и 104-го ДШП практически без сопротивления стали продвигаться в сторону Гори. Примерно в 11:00 российские войска заняли господствующую высоту в районе телевышки в окрестностях Гори, захватив брошенные там при отступлении противотанковые орудия МТ-12 «Рапира». С выходом к северным окраинам

⁴⁵ IFFMCG Report, Vol II, P.211.

Тбилиси российские войска взяли под контроль основную шоссейную и единственную железнодорожную дороги, связывающие столицу Грузии с западной частью страны. Около полудня 12 августа российские войска нанесли по Марнеули и Гори удары двумя тактическими ракетами «Точка-У» с кассетными боеголовками (некоторые российские источники утверждают, что удары были нанесены ракетами оперативно-тактического комплекса «Искандер»). Одна из них поразила авиабазу Марнеули (впоследствии грузинская сторона заявила, что это удар был направлен против проходящего поблизости нефтепровода Баку-Тбилиси-Джейхан). Вторая поразила центральную площадь Гори, вызвав гибель 8 мирных жителей и оператора голландского телевидения.

В 13:00 президент Медведев объявил о прекращении российской стороной «операции по принуждению Грузии к миру». К этому времени в Москву направлялся президент председательствующей в этот момент в ЕС Франции Николя Саркози. Как считается, именно желанием российского президента поставить Саркози перед фактом (а также усиливающимся международным резонансом по поводу вторжения России на территорию Грузии) и было вызвано решение Медведева прекратить операцию российских войск, хотя военные настаивали на продолжении операции до полного разгрома грузинской армии и свержения правительства Саакашвили.

Примерно в 15:00 российские войска, действовавшие в районе Гори и Южной Осетии, прекратили боевые действия. К этому времени они уже взяли под свой контроль трассу Гори-Тбилиси, а также вошли в черту города Гори. Подразделения российских войск также заняли три базы грузинской армии (места постоянной дислокации 1-й пехотной бригады, артиллерийской бригады и отдельного танкового батальона), а также находящиеся там крупные склады вооружения, боеприпасов и снаряжения.

На абхазском направлении рано утром начался штурм Кодорского ущелья абхазскими подразделениями, с применением вертолетных десантов и при поддержке российской авиации и боевых вертолетов. Так как большая часть грузинских подразделений и частей МВД в ущелье уже покинула ущелье, абхазские части практически не встретили сопротивления. К вечеру 12 августа абхазские подразделения вышли к границам с Грузией в верхней части Кодорского ущелья, тем самым установив контроль над всей территорией быв-

шей советской автономной республики. К вечеру 12 августа в порт Поти вошел разведывательный отряд российских ВДВ. Десантники подорвали находившиеся у причалов шесть грузинских катеров и кораблей, в том числе оба ракетные катера – «Тбилиси» и «Диоскурия», тем самым уничтожив основные корабельные силы грузинского военно-морского флота⁴⁶.

13 августа – конец августа

Днем 13 августа колонна российских войск, выйдя по трассе Гори-Тбилиси, вместе с подразделениями осетинских ополченцев заняла Ахалгорский (Ленингорский) район, входивший в состав юго-осетинской автономии советского периода, но с 1991 г. находившийся под почти полным контролем Тбилиси. После занятия этого района (а также села Переви на границе с Сачхерским районом Грузии, а затем территории вокруг южных склонов Мамисонского перевала), осетинские власти установили практически полный контроль над территорией бывшей Югоосетинской автономной области советского времени. В тот же день российские войска взяли под свой контроль город Гори.

К 16 августа при посредничестве президента Франции было подписано соглашение о прекращении огня. Принятием так называемых «Шести пунктов Медведева-Саркози» стороны договорились завершить боевые действия и начать вывод российских войск из пределов собственно Грузии. С 18 августа российские войска стали постепенно выводиться с грузинской территории, однако данный процесс сознательно замедлялся российской стороной. Это потребовало подписания президентами России и Франции новой редакции «Шестипунктного соглашения», которые предполагали более конкретные условия по завершению вывода российских войск. Параллельно с выводом с территории Грузии российские войска осуществляли сбор и вывоз значительного количества военной техники, вооружения, боеприпасов и снаряжения, попавшего в их руки во время боевых действий и особенно, уже после их завершения, обнаруженного на основных военных базах грузинской армии в Го-

⁴⁶ Антон Лавров, «Хронология боевых действий между Россией и Грузией в августе 2008 года», *Танки августа*. С.83.

ри, Поти и Сенаки. Российские войска демонтировали и привели в негодность значительную часть сооружений и инфраструктуры грузинской армии на этих базах.

К моменту завершения боевых действий, по данным западных экспертов, российские войска на территории Грузии, Южной Осетии и Абхазии насчитывали примерно 25-30 тыс. военнослужащих, примерно 1200 единиц танков, БМ и самоходных артиллерийских установок. В боевых действиях участвовали около 200 боевых самолетов и 40 ударных вертолетов российских ВВС, несколько тысяч осетинских военных и ополченцев, а на западном направлении – примерно десятитысячная группировка абхазских войск и ополчения⁴⁷.

26 августа 2008 г. Россия официально признала независимость Абхазии и Южной Осетии. Вскоре после признания независимости Москва заключила с Цхинвали и Сухуми договора о взаимной обороне и безопасности, которыми рассчитывала легализовать постоянную дислокацию своих военных баз и пограничных войск на территориях Абхазии и Южной Осетии.

5. Военные потери сторон, беженцы и депортированные

Согласно официальным данным, во время августовского конфликта со всех сторон погибло около 850 человек, и примерно 2500-3000 человек было ранено. По официальным сведениям правительства Грузии, в результате августовской войны с грузинской стороны погибло 412 человек, из них 228 гражданских лиц, 170 военнослужащих и 14 полицейских. Пропавшими без вести числятся 10 военнослужащих и 14 полицейских. Во время исполнения своих служебных обязанностей погиб один иностранный и два грузинских журналиста. Ранения различной степени тяжести получили 1747 граждан, из них 973 военнослужащих, 547 гражданских лиц и 227 полицейских⁴⁸.

Некоторые российские источники, ссылаясь на данные российской военной разведки, утверждают, что потери среди сотрудников силовых структур Грузии в ходе военных действий состави-

⁴⁷ PFFMCG Report, Vol II, P.216.

⁴⁸ "Report by the Government of Georgia on The Aggression by the Russian Federation against Georgia". August 2009. P.40.

ли около 3 тыс. человек убитыми. В свою очередь, официально заявленные потери среди российских военнослужащих составили 67 человек убитыми, 3 пропавшими без вести и 283 ранеными. Грузинская сторона утверждает, что потери российской армии составили до 400 человек убитыми. Согласно российским официальным данным, во время артиллерийских обстрелов и боевых действий в течение 7-12 августа погибло 162 осетинских мирных жителей. По данным российской прессы, потери среди осетинских военных, ополчения и добровольцев с Северного Кавказа во время боевых действий составили около 150 человек. Осетинская сторона представила Комиссии Тальявити список из 365 погибших во время боевых действий, однако не ясно, сколько из них гражданских и сколько – военных лиц. По итогам боевых действий 42 грузинских военнопленных были обменены на 12 российских военнослужащих⁴⁹.

В своем докладе от 15 мая 2009 г. Верховный комиссар по правам человека Совета Европы отметил, что примерно 138 тыс. человек были вынуждены покинуть свои дома в результате августовской войны. Из них большинство вернулось в свои дома после завершения конфликта. Тем не менее, по сведениям правительства Грузии, по состоянию на осень 2009 г. примерно 38 тыс. человек не могли вернуться в свои дома в обозримом будущем. Среди них примерно 19 тыс. человек составили беженцы и депортированные из грузино-населенных анклавов и 5 тыс. человек – из Ахалгорского района Южной Осетии и примерно 2 тыс. – из Кодорского ущелья Абхазии. В эту цифру включены также 11 тыс. жителей приграничных с Южной Осетией грузинских сел, не решающихся вернуться в свои дома из соображений безопасности. Согласно сведениям российской стороны, из примерно 30-35 тыс. осетинских беженцев, покинувших Южную Осетию в августе 2008 г., примерно 2 тыс. человек продолжали оставаться в Северной Осетии по состоянию на сентябрь 2009 г.⁵⁰

С военной точки зрения потери грузинской сил в ходе «Пятидневной войны» в личном составе и военной техники были доста-

⁴⁹ PFFMCG Report, Vol II, P.222-223.

⁵⁰ PFFMCG Report, Vol II, P.224.

точно существенными. Группировка регулярных войск Грузии, действующая в Грузии, потеряла убитыми и ранеными (без учета сил МВД и резервистов) примерно 15% личного состава — довольно высокие потери для фактически 4 дней активных боевых действий. Потери в личном составе распределялись довольно неравномерно. Некоторые части и подразделения, активно участвовавшие в ближних боях, особенно в городских условиях Цхинвали, понесли достаточно существенные потери и на момент завершения боевых действий были в значительной степени дезорганизованы и потеряли боеспособность (2-я и особенно 4-я пехотные бригады, отдельный танковый батальон, ряд частей МВД), тогда как 3-я пехотная бригада, элитные спецподразделения МО и МВД Грузии, артиллерийская бригада, а также спешно переброшенная из Ирака 1-я пехотная бригада практически не понесли потерь в личном составе, хотя и потеряли во время отступления и на военных базах в Гори и в его окрестностях значительное количество штатного ВВТ. Из многих частей к исходу боевых действий значительное количество военнослужащих дезертировали мелкими группами; после войны грузинской военной прокуратурой было заведено около 1700 уголовных дел по факту дезертирства.

Впрочем, к завершению активных боевых действий потери грузинской армии в технике и вооружении были сравнительно небольшими. Основные потери в ВВТ, снаряжении и боеприпасах грузинская армия понесла уже после завершения боевых действий 12 августа, когда российская армия заняла главные военные базы и склады грузинских войск в Гори, Сенаки и Поти. В общей сложности российские войска и осетинские отряды захватили около 65 танков, из которых около 20 уничтожили. В ходе боевых действий российскими и осетинскими силами было уничтожено или захвачено около 10 единиц легкой бронетехники — в основном БМП-2 и бронемашин Cobra МВД Грузии. После боевых действий в руки российский военных попало 15 модернизированных БМП-1У «Шквал», перед самым началом войны поставленных Грузии из Украины и захваченных на базе в Гори. Непосредственно в ходе боевых действий была уничтожена одна 152-мм самоходная гаубица «Дана» грузинской артиллерийской бригады, еще две «Даны» были захвачены российскими войсками. Российские войска захватили также одну 203-мм самоходную пушку 2С7 «Пион». В Южной Осетии, в Гори

и в Кодорском ущелье было захвачено около 20 единиц 122-мм гаубиц и 120-мм минометов, а также большое количество минометов меньшего калибра, ПТУР, тысячи единиц стрелкового оружия и десятки автомобилей⁵¹.

Российские войска захватили или уничтожили практически все военные РЛС системы ПВО Грузии, батарею стационарных ЗРК С-125 в районе Поты, две пусковые и две транспортно-заряжающие машины комплекса «Бук-М1», 5 мобильных ЗРК «Оса-АК/АКМ» и один ЗРК Spyder-SR, а также несколько ПЗРК. В ходе боевых действий ВВС Грузии достоверно потеряли (в основном от ударов российской авиации по основной авиационной базе Марнеули и вторжения российских войск на аэродром военной базы в Сенаки) три легких самолета Ан-2, два ударных вертолета Ми-24В и один вертолет берегового базирования Ми-14БТ. Еще один Ми-24, поврежденный во время боевого вылета, разбился при аварийной посадке⁵². Кроме того, на авиабазе Марнеули, возможно, был уничтожен также один учебно-боевой штурмовик Су-25УБ и несколько учебно-тренировочных самолетов L-29 и L-39.

У причалов ВМБ Поты российские десантники уничтожили несколько грузинских кораблей и катеров. Оставшиеся суда и катера ВМС Грузии, поспешно увезенные в порт Батуми, находились в достаточно плохом техническом состоянии. В связи с потерей значительной части корабельного состава и инфраструктуры, осенью 2008 г. ВМС были ликвидированы как род войск в составе вооруженных сил Грузии и включены в состав Береговой охраны. После вывода с территории Грузии российские войска нанесли значительный урон военной инфраструктуре грузинской армии, уничтожив или повредив многие сооружения на военных базах в Гори, Сенаки, Поты, Вариани и т.д.⁵³

Российские войска и осетинские силы также понесли потери в вооружении и военной технике. Было уничтожено около 10 рос-

⁵¹ Антон Лавров, «Состояние грузинской армии к завершению боевых действий и ее потери», *Танки августа*. С.120-124.

⁵² Ираклий Аладшвили, «Потери ВВС Грузии были минимальными», *Авиация и время*. С.19-20.

⁵³ Антон Лавров, «Состояние грузинской армии к завершению боевых действий и ее потери», *Танки августа*. С.120-124.

сийских танков и 20 БМП и БТР, а также около 10 минометов. От огня грузинских ПВО и ошибочного огня российских и осетинских войск ВВС России потеряли не менее 7 боевых самолетов (грузинская сторона заявляла об уничтожении до 21 боевого самолета российских ВВС, однако это не подтверждается независимыми источниками). Уже после завершения боевых действий при посадке на временную вертолетную площадку у села Угарданта Джавского района Южной Осетии потерпел аварию российский ударный вертолет Ми-24⁵⁴.

6. Анализ характерных особенностей «Пятидневной войны»

Оценивая первоначальные уроки «Пятидневной войны» в военнотехнической сфере, в первую очередь надо отметить, что по сравнению со многими недавними локальными войнами и конфликтами, августовские боевые действия в Южной Осетии отличались очень активным использованием тяжелой артиллерии и боевой авиации грузинской и российской сторонами. В частности, операция грузинских сил в Южной Осетии в начальный период характеризовалась довольно массовым и сосредоточенным на одном участке применением крупнокалиберной артиллерии и РСЗО (свыше 100 единиц артиллерии калибром 122-мм и выше), а в первый день — утром 8 августа, вплоть до активного вовлечения российских боевой авиации — штурмовиков Су-25 ВВС Грузии.

Хотя самолеты грузинских ВВС сыграла весьма ограниченную роль в боевых действиях (штурмовики Су-25 совершили всего один боевой вылет утром 8 августа для нанесения удара по мосту у села Гуфта) тем не менее, их боевое применение имело весьма важное косвенное значение для дальнейшей войны в воздухе в августе 2008 г. В силу проблем с опознаванием и отсутствием системы «свой-чужой» (на вооружении и российских и грузинских ВВС находились одинаковые типы штурмовиков Су-25, практически не различимые в воздухе) все последующие дни боевых действий российские и осетинские подразделения зачастую обстреливали российские штурмовики над полем боя. Это привело к потерям от «дружественного ог-

⁵⁴ Антон Лавров, «Потери российской авиации в Пятидневной войне с Грузией в августе 2008 года», *Танки августа*. С.113-116.

ня» среди российских ВВС, сопоставимым или даже большим, чем от действий грузинской ПВО. На счету грузинских вертолетчиков большее количество боевых вылетов, в результате которых были уничтожены несколько автомобилей наступающих российских войск, однако и потерь больше – не менее двух или трех потерянных ударных вертолетов Ми-24.

Ставка грузинского командования на успех в скоротечной дистанционной бесконтактной войне не оправдалась⁵⁵. Массовое применение грузинскими войсками РСЗО в ходе первого огневого налета на Цхинвали и его окрестности в ночь с 7 на 8 августа, конечно же, выглядело весьма эффектно и устрашающе, но с чисто военной точки зрения не решило поставленных задач и не смогло полностью подавить позиции осетинских войск и российских миротворцев в Цхинвали. Хотя в результате обстрелов грузинскими РСЗО «Град» и их чешскими аналогами – системами RM-70 – Цхинвали был причинен значительный материальный ущерб, тем не менее, жертвы среди мирного населения и осетинских ополченцев, согласно докладам ряда международных организаций (например, центра «Мемориал» и Human Rights Watch) в реальности оказались на порядок меньшими, чем было объявлено ранее осетинскими властями и российскими СМИ⁵⁶.

Впрочем, не вполне эффективное использование 122-мм РСЗО «Град» грузинскими войсками при штурме Цхинвали, возможно, компенсировалось более удачным использованием нескольких систем более мощного калибра (122/160-мм израильских РСЗО Grad-LAR, а также возможно – югославских 262-мм «Орканов»). В частности, данные системы, как свидетельствуют очевидцы, использовались при обстреле более удаленных населенных пунктов к северу от Цхинвали, а также при дистанционном минировании и обстреле коммуникаций в направлении Рокского туннеля и Транскама, с целью затруднения прибытия подкреплений из России.

Намного более эффективно непосредственно в ходе боев проявила себя ствольная и самоходная артиллерия грузинской армии

⁵⁵ См. подробнее: Сергей Минасян, «Военно-политические итоги «Пятидневной войны»», *21-й Век*, №1 (9), 2009.

⁵⁶ «Правозащитники не смогли установить точное число погибших мирных жителей в Южной Осетии», www.rian.ru, 11.09.2008.

– 152-мм орудия «Гиацинт-Б», 152-мм САУ «Дана» и 2С3 «Акация», а также дивизион из 6 тяжелых 203-мм САУ «Пион». Они действовали с активным использованием данных от беспилотных летательных объектов (БПЛО) и современных западных систем управления, целеуказания и корректировки огня. В частности, это особенно проявилось в боях со второй половины дня 8-го августа и вплоть до 10 августа, когда грузинская тяжелая самоходная артиллерия (совместно с артиллерией и батальонными минометами 2-й, 3-й и 4-й пехотных бригад) довольно эффективно вела огонь по колоннам пробивающихся к Цхинвали по объездной Зарской дороге частей 58-й российской армии. Именно эти колонны наступающих по Зарской дороге частей российской армии понесли самые существенные потери за весь период «Пятидневной войны», в первую очередь именно от действий грузинской артиллерии. Артиллерийские подразделения грузинской армии, по-видимому, следует считать одним из наиболее подготовленных контингентов сухопутных сил, которые лучше всех проявили в ходе боевых действий и понесли минимальные потери (всего несколько человек ранеными).

Российская авиация понесла в ходе боевых действий ощутимые потери (было сбито не менее 7 боевых самолетов и повреждено около 20 самолетов и вертолетов), однако заметно повлияла как на ход боевых действий, так и на морально-психологическое состояние грузинской армии. Хотя самолеты российских ВВС использовали мало управляемого вооружения (в основном удары наносились обыкновенными авиабомбами, которые зачастую просто не взрывались), тем не менее они достаточно точно наносили удары практически исключительно по военным целям или же гражданским объектам, предназначенным для использования в военных целях (РЛС в Тбилиси). Впрочем, достаточно чувствительным для репутации ВВС России стала потеря стратегического бомбардировщика дальней авиации Ту-22М3, предназначенного для пуска крылатых ракет с ядерными боеголовками на больших расстояниях и непонятно почему оказавшегося над позициями грузинских войск в условиях неподавленной ПВО. Возможно, российское командование собиралось использовать стратегический бомбардировщик для «ковровой» бомбардировки грузинских позиций с помощью обыкновенных свободнопадающих авиационных бомб.

«Пятидневная война» вновь высветила неблагоприятную ситуацию в современной российской армии. Особо серьезные проблемы возникли у сухопутных войск России. Техника выходила из строя на марше, система управления и подготовка военнослужащих не соответствовала условиям ведения современного боя⁵⁷. Многие высокоточные системы вооружения, разработанные российским ВПК, не были применены в боях просто в силу их отсутствия или недостаточного количества. Системы связи и отсутствие систем опознавания «свой-чужой» приводили к неоднократным ударам российских войск по своим позициям, бронетехнике и самолетам. Как отмечают западные эксперты, плохое оснащение и экипировка привели к непропорционально большому, по сравнению с продолжительностью и исходу самой войны, боевым потерям у российских войск⁵⁸. Технологически устаревшие оснащение и вооружение российских войск в ходе «Пятидневной войны» вновь продемонстрировало, что российская армия «выглядит скорее как армия 20-го века, а не 21-го»⁵⁹.

Российские военные эксперты утверждают, что первоначальные оценки эффективности ПВО грузинской армии оказались несколько преувеличенными. Несмотря на оснащенность поставленными из Украины современными ЗРК «Бук-М1» среднего радиуса действия, а также ЗРК «Оса» и «Оса-АКМ» ближнего радиуса и несколькими новыми ЗРК ближнего радиуса действия “Spyder”, поставленных Израилем, ПВО Грузии сбили всего лишь 3 из 7 самолетов, потерянных российской авиацией. Остальные были сбиты «дружественным огнем» российской ПВО и осетинских ополченцев. Впрочем, достаточно серьезным и главное — очень эффективным успехом грузинской ПВО стал первый сбитый ее средний стратегический бомбардировщик Ту-22М3 — возможно, самая крупная и чувствительная единовременная боевая потеря российской (советской) авиации после Второй мировой войны. Однако в течение первых суток боев, вплоть до утра 9 августа, гру-

⁵⁷ Анатолий Цыганок, «Уроки пятидневной войны в Закавказье», *Независимое военное обозрение*, 29.08.2008.

⁵⁸ Роджер МакДермотт, «Военная мощь России: иллюзии и реальность», *Russie.Nei.Visions No37*, IFRI, Март, 2009. С.18-20.

⁵⁹ Margarete Klein, “Military Implications of the Georgia War: Russian Armed Forces in Need of Reform”, Hans-Henning Schroder (ed.), *The Caucasus Crisis: International Perceptions and Policy Implications for Germany and Europe*, SWP Research Paper #9, German Institute for International and Security Affairs, Berlin, November, 2008. P.15.

зинским войскам не удалось сбить ни одного российского самолета, хотя она в это день действовала в условиях недостаточного радиоэлектронного противодействий со стороны российских войск и полноценного функционирования системы ПВО Грузии над всей территорией страны. Все сбитые грузинской ПВО российские самолеты пришлось на первую половину 9 августа – после этого, по утверждениям российских источников, все потерянные ВВС России самолеты были сбиты собственными войсками⁶⁰.

Возможно, что эффективность грузинской ПВО могла бы быть значительно выше, а потери российской авиации – значительно большими, если бы она попыталась бы действовать до последнего дня боев. Однако паника, охватившая грузинскую армию, видимо, не обошла стороной и зенитчиков, иначе российские войска не захватили бы в районе Сенаки в Западной Грузии несколько брошенных грузинской армией пусковых установок ЗРК «Бук-М1» в рабочем состоянии, а группировка российских войск в Южной Осетии – еще несколько грузинских ЗРК «Оса» и даже, по неподтвержденным данным – одну пусковую установку ЗРК ближнего радиуса действия “Spyder” израильского производства⁶¹. Российская армия на складах грузинской армии захватила также значительное количество ПЗРК, в том числе «Гром» польского производства.

По имеющимся данным, российская армия на заключительной фазе боевых действий в Южной Осетии весьма эффективно использовала для ударов по позициям грузинской армии в Южной Осетии тактические ракетные комплексы «Точка-У». Именно в результате использования этих систем в сочетании с массовыми бомбо-штурмовыми ударами авиации российская армия нанесла грузинским войскам значительные потери, повлекшие их деморализацию и последующее отступление. Тактические ракетные комплексы «Точка-У» были использованы также для ударов по порту и зданию полиции в Поти и аэродрому Марнеули. По сведениям российских военных экспертов, в ходе августовской войны российские войска произвели пуск около 15 тактических ракет «Точка-У», и даже не-

⁶⁰ Антон Лавров, Потери российской авиации в Пятидневной войне с Грузией в августе 2008 года, С.110-116.

⁶¹ Said Amirov, “Georgia’s Air Defense in the War with South Ossetia”, *Moscow Defense Brief*, №3 (13), 2008. P.20-22.

сколько ударов новейшим оперативно-тактическим комплексом «Искандер»⁶².

Однако в целом, стремительное поражение грузинской армии было скорее следствием военной слабости Грузии и ограниченной боеспособности ее вооруженных сил, чем эффективности российской армии⁶³.

7. Региональное военно-политическое значение «Пятидневной войны»

«Пятидневная война» привлекает особое внимание экспертов по проблемам безопасности, занимающихся региональными конфликтами на Южном Кавказе. По многим аспектам уроки августовских боев создают почти зеркальные аналогии с военно-политической ситуацией вокруг Нагорного Карабаха, хотя имеются и кардинальные отличия.

Например, сразу же бросается в глаза схожая ситуация в вопросе форсирования милитаризации и ускоренного оснащения своих вооруженных сил бывшими метрополиями, готовящимися к военному пути разрешения конфликтов со своими бывшими автономиями. Это заметно, в первую очередь, в массовых закупках наступательных вооружений, особенно бронетехники, а также тяжелой и реактивной артиллерии и ракетных систем. В частности, Азербайджан в последнее время особое внимание уделял закупкам именно различных систем тяжелой артиллерии, РСЗО, и даже тактических ракет. Кроме этого, Азербайджан (как и Грузия) в последние годы закупил в Украине 203-миллиметровые тяжелые самоходные гаубицы «Пион» и израильские РСЗО GradLAR. В отличие от Тбилиси, Баку приобрел также модернизированный и более мощный вариант израильской РСЗО Lynx с 300-миллиметровыми ракетами EXTRA⁶⁴. Предполагается наличие на вооружении Азербайджана также 220-мм РСЗО «Ураган», являющихся дальнейшим и несколько более мощным развитием 122-мм систем БМ-21 «Град». Азербайджан также закупил в Украине 300-миллиметровые РСЗО «Смерч» и тактические ракетные комплексы «Точка-У».

⁶² Mikhail Barabanov, "The August War between Russia and Georgia", *Moscow Defense Brief*, №3 (13), 2008. P.10.

⁶³ Richard Giragosian, "Georgian Planning Flaws Led to Campaign Failure", *Jane's Defence Weekly*, 15.08.2008

⁶⁴ «Крупные поставки израильского оружия в страны СНГ», *Военный вестник Израиля*, №13, 24.08.2008.

Кроме того, азербайджанские войска, как и грузинская армия, в последнее время приобрели большое количество израильских БПЛО различных типов, что позволяет им более эффективно использовать артиллерийские и ракетные системы в случае ударов по позициям карабахских войск и армянской армии. Особенно ощутимые последствия это будет иметь в случае первого удара азербайджанской артиллерии и ракетных систем по позициям ПВО карабахской армии. Как и Грузия, Азербайджан все последние годы активно увеличивает танковый парк своих вооруженных сил, и опять-таки основным его поставщиком является Украина, где с 2003 г. Баку закупил десятки танков Т-72⁶⁵.

Несмотря на активное использование сторонами дальнобойной артиллерии⁶⁶, РСЗО и боевой авиации, «Пятидневная война» в Южной Осетии, как и многие иные локальные конфликты современности, подтвердила, что основной исход боевых действий решается в ближнем контактном бою. Именно от слаженности, технической оснащенности, наличия боевого духа и морально-психологической мотивировки небольших подразделений противостоящих сторон зависит исход войны в подобного рода локальных вооруженных конфликтах, особенно если эти конфликты еще и являются этнополитическими⁶⁷.

⁶⁵ По примеру Тбилиси Баку также принял решение закупить в Украине зенитно-ракетные комплексы «Бук-М1», видимо учитывая то, что они довольно хорошо зарекомендовали себя в ходе «Пятидневной войны». Согласно подписанному осенью 2008 г. контракту на сумму около 36 млн. долларов, компания «Укрспецэкспорт» планировал поставить Азербайджану 46 танков Т-72 и 3 зенитно-ракетных комплекса «Бук-М1». См. подробнее: «Украина поставит Азербайджану очередную партию оружия», <http://azertopnews.3dn.ru/news/2008-10-09-476>.

⁶⁶ По сведениям грузинских источников, в ходе «Пятидневной войны» одни только 203-мм САУ «Пион» в течение первых 3 дней боев выпустили более 600 снарядов по Цхинвалу и окрестным населенным пунктам, а РСЗО GradLAR израильского производства – свыше 300 ракет. См. подробнее: *Аладашвили И.* «300 артиллерийских снарядов были выпущены одновременно, утверждает начальник штаба грузинской артиллерийской бригады», «*Квилис палитра*», 25.08.2008 (на груз. яз.).

⁶⁷ Во многом аналогичная ситуация складывается и в зоне карабахского противостояния. В частности, это подтверждают итоги боя 3-4 марта 2008 г. у села Леонарх Мартакертского района НКР, который явился самым масштабным боевым столкновением на линии противостояния в Карабахе после заключения перемирия в мае 1994 г. В ходе этого боя разведывательная рота 703-й бригады азербайджанской армии, воспользовавшись поствыборными событиями в Ереване 1-2 марта 2008 г., попыталась провести «разведку боем» карабахских позиций на северо-восточном участке линии фронта, но потерпела неудачу, понеся ощутимые потери.

Это в полной мере вновь подтвердили боевые действия в Цхинвале 8-9 августа 2008 г., когда несмотря на многократное численное превосходство, грузинские войска так и не смогли окончательно взять под свой контроль столицу Южной Осетии и пробиться к грузинонаселенным анклавам к северу от города. По утверждениям главнокомандующего сухопутными войсками России генерала армии В.Болдырева, вплоть до 9 августа 2008 г. численное превосходство грузинских войск над российскими частями в зоне конфликта и осетинскими подразделениями было почти десятикратным, да и в дальнейшем группировка российских войск в Южной Осетии была сравнима по численности с грузинскими войсками⁶⁸.

Скоротечная «Пятидневная война» в Южной Осетии и операция абхазских сил в Кодорском ущелье показали и то, как важно в современных локальных конфликтах правильное соотношение и верное использование сторонами регулярных частей постоянной готовности и массовых контингентов резервистов. В условиях скоротечности боевых действий обернулась полным провалом массовая мобилизация грузинских резервистов, прошедших минимальную подготовку, мало знакомых с военным делом и театром военных действий. Они не только не повысили боеспособность грузинской армии, а, скорее, наоборот: с одной стороны, массы неподготовленных резервистов перегружали коммуникации грузинских войск, с другой – вскоре начавшаяся среди резервистов паника перекинулась на регулярные войска и мирное население.

И наоборот, очень эффективной оказалась мобилизация резервистов в самих непризнанных республиках, обеспечиваемая практически со стопроцентным результатом (с учетом того, что в Абхазии и Южной Осетии, как и в Нагорном Карабахе, резерв формируется на так называемой милиционной основе из числа практически всего мужского населения). Это связано с тем, что у населения непризнанных республик значительно более высокая мотивация к участию в боевых действиях. Причем в рядах абхазских или осетинских резервистов удельный вес ветеранов и участников боевых действий был несравнимо выше, чем среди необстрелянных молодых грузинских резервистов.

⁶⁸ «Броня. Огонь. Маневр. На вопросы «Красной звезды» отвечает главнокомандующий сухопутными войсками генерал армии Владимир Болдырев», *Красная звезда*, 30.09.2008.

Другим серьезным уроком как «Пятидневной войны», так и многих последних локальных войн, должна стать переоценка эффективности применения полевых и долговременных фортификационных сооружений, созданных с учетом рельефа местности. Одним из важнейших уроков войны в Ливане 2006 г. явилось удачное использование «Хезболлах» развитой системы фортификационных сооружений, максимально приспособленных для мобильной обороны, вдоль всей южной границы Ливана с Израилем. В результате, летом 2006 г. бойцы «Хезболлах» смогли не только нанести значительный урон противнику, но и существенно задержать его продвижение вглубь Ливана в условиях полного господства израильской авиации и значительного преимущества ЦАХАЛ в артиллерии и бронетехнике, не понеся при этом серьезных потерь. В случае же с августовскими боями в Южной Осетии, у осетинских частей не было возможности подготовить такого рода фортификационные линии (в силу «шахматного» расположения населенных пунктов со смешанным грузинским и осетинским населением и недостаточной глубины позиций).

В силу этого был вполне закономерным быстрый прорыв грузинскими войсками позиций осетинских войск и постов миротворцев к югу от Цхинвала и продвижение в центр города. Если же рассматривать данную ситуацию применительно к Нагорному Карабаху, то ясно, что нынешняя линия фронта и существующие фортификационные позиции карабахской армии вдоль всей линии соприкосновения сторон значительно облегчают ведение оборонительных действий, снижают силу первого удара азербайджанских войск и исключают саму возможность осуществления ими «блицкрига». Не являясь панацеей в современных локальных конфликтах, при умелом использовании фортификационные линии значительно усложняют задачи наступающей стороны и дают существенные преимущества обороняющейся.

Российские военные эксперты также объясняют неожиданно быструю деморализацию и коллапс грузинской армии в ходе августовских боев 2008 г. имевшейся у грузинского военно-политического руководства излишней веры в *априори* бесспорное превосходство «западных» военных стандартов над «незападными». Ведь в военной сфере, как и во многих других сферах общественно-политической жизни, «имитационное» и показное внедрение «западных стандартов» не дает никаких гарантий их эффективного функционирования.

Проводя аналогию с неожиданно быстрым развалом армии Южного Вьетнама в 1975 г., эксперты отмечают, что как и грузинские войска, южновьетнамская армия была хорошо оснащена и вооружена американским оружием, построена и обучена в соответствии с американскими военными стандартами и уставами и под руководством американских военных инструкторов, но в очень короткое время была разгромлена армией Северного Вьетнама, представлявшей собой некий гибрид полупартизанских формирований с использованием советской и китайской военной организации, тактики и вооружения⁶⁹. Анализ осуществляемых в азербайджанской армии военных реформ позволяет предположить, что военное руководство Азербайджана также, по всей видимости, пошло по аналогичному пути декларативного копирования «западных стандартов» вместе с численным наращиваем ВВТ и личного состава вместо реального повышения боеспособности своих вооруженных сил путем глубоких структурных реформ в системе управления, комплектования и кадров. В результате, как подчеркивают эксперты Международной кризисной группы (ICG), стереотипно мыслящее военное руководство Азербайджана лишь использует «про-натовскую» пропаганду и формально имплементирует западные военные стандарты, что не может серьезно сказаться на реальном повышении боеспособности азербайджанской армии⁷⁰.

И, наконец, важнейшим именно военным итогом боевых действий стало очередное подтверждение вечного тезиса Клаузевица о том, что любой первоначальный успех в войне бесполезен, если нет ее политической составляющей. Несмотря на значительные недостатки в чисто военной сфере, основные причины поражения грузинской армии в «Пятидневной войне» лежат в политической плоскости. Исход «Пятидневной войны» предопределило то, что возможность быстрого и открытого вовлечения российской армии в боевые действия в Южной Осетии не рассматривалась всерьез властями Грузии. Заместитель министра обороны Грузии Бато Кутелия в одном из интервью даже признал, что вероятность открытого во-

⁶⁹ Mikhail Barabanov, "The August War between Russia and Georgia", *Moscow Defense Brief*, №3 (13), 2008. P. 11.

⁷⁰ "Azerbaijan: Defence Sector Management and Reform", *Europe Policy Briefing* №50, International Crisis Group, 29.10.2008. P.10.

енного столкновения с Россией не предусматривалась и была абсолютно неожиданной для ее военного и политического руководства⁷¹. Более того, как подчеркивают западные военные эксперты, грузинское военно-политическое руководство не только всерьез не рассматривало возможность быстрого и прямого вовлечения России в боевые действия, но даже в текстах действующих фундаментальных документов страны в сфере национальной безопасности и обороны, таких как Стратегия национальной безопасности, Военная стратегия и Обзор национальных угроз (National Threat Assessment), прямо отмечалась очень низкая вероятность «открытой военной агрессии против Грузии»⁷².

С вовлечением российской армии в боевые действия против Грузии их исход уже не зависел ни от факторов внезапности, первоначального технического и психологического превосходства или же уровня боеспособности отдельных подразделений грузинской армии — теперь дело решала обыкновенная арифметика. Как представляется, именно первичность политических обстоятельств (или политических ограничителей) по отношению к любым военным возможностям, даже изначально очень выгодным для одной из сторон, и должна рассматриваться как важнейший военный урок августовской войны 2008 г.

⁷¹ Cienski J., “Tbilisi Admits Misjudging Russia”, *Financial Times*, 21.08.2008.

⁷² Richard Giragosian, “Georgian Planning Flaws Led to Campaign Failure”.

ПОЗИЦИЯ ЭКСПЕРТОВ И СТУДЕНТОВ ОТНОСИТЕЛЬНО КОНФЛИКТОВ В ПОСТСОВЕТСКОЙ ГРУЗИИ

Георгий Гогсадзе, Георгий Санадзе

Цель статьи заключается в исследовании главных причин и последствий конфликтов в постсоветской Грузии (включая русско-грузинскую войну 2008 г.) на основе опроса.

Русско-грузинская война августа 2008 г. значительно изменила баланс сил на постсоветском пространстве, особенно на Южном Кавказе. Многие западные эксперты рассматривали войну как геополитическую революцию. Война нанесла ущерб суверенитету и территориальной целостности Грузии. После войны Россия признала независимость регионов Грузии - Абхазии и Южной Осетии, и не стремится выполнять все положения соглашения Саркози-Медведева. Очевидно, этнополитические конфликты в Грузии сыграли дестабилизирующую роль в регионе.

Война августа 2008 г. и ее последствия обсуждались во многих публикациях. Объектом нашего интереса был анализ корней этнополитических конфликтов в Грузии, а также причин и последствий русско-грузинской войны 2008 г. В частности, было важно показать и проанализировать мнения грузинских и иностранных экспертов и сравнить его с мнением студентов.

Исследование было проведено в марте 2009 г. и охватывало 47 экспертов (включая 28 грузинских экспертов и 19 экспертов из России, Армении и Азербайджана) и 291 студента с факультета социальных и политических исследований Тбилисского государственного университета. Мы умышленно сосредоточились на студентах первого и второго курса. Это поколение было рождено в независимой Грузии, и их восприятие проблемы сформировано под воздействием публикаций и освещения в СМИ. Поэтому кажется интересным выявить отличия между мнением младшего (студенты) и старшего (эксперты) поколений по поводу конфликтных проблем.

Анкета состояла из 11 вопросов и включала в себя наиболее часто употребляемые слова, высказывания, мнения и описания, ис-

пользуемые в научных публикациях и СМИ.

Отбор экспертов производился методом снежного кома. Сначала им представляли вопросник нескольким известным экспертам, и они связывали нас с остальными. Что касается студентов, то мы использовали случайный метод отбора.

Причины этнических конфликтов в Грузии

Есть четкое различие во мнениях респондентов в обеих группах о причинах возникновения этнических конфликтов в Грузии в 1990-х гг. Студенты считают, что так называемая политика России «разделяй и властвуй» была главной причиной возникновения этнических конфликтов (67,4% опрошенных студентов), в то же время, группа экспертов придает важность таким факторам как «низкая политическая культура диалога среди грузинской общественности и этнических меньшинств» (78,7%). Последнее условие имеет вторичную важность для студентов - 41,6% студентов согласны с ним.

Помимо «низкой политической культуры диалога в грузинском обществе», группа экспертов выделяет «политику России "разделяй и властвуй"» и «неверную политику Звиада Гамсахурдиа по отношению к Осетии», 66,0% и 51,1% соответственно. Студенты скорее указывают на «некорректную политику Э.Шеварднадзе по отношению к абхазам» (32,6%), чем на ошибки З.Гамсахурдиа (25,4%). Ясно, что у студентов более негативное отношение к личности Шеварднадзе, нежели к Гамсахурдиа. Вышеприведенное отношение обусловлено кампанией в поддержку Гамсахурдиа и против Шеварднадзе, поведившейся в СМИ Грузии в течение последних 5-6 лет.

Обе группы респондентов определяют «пророссийскую ориентацию абхазов и осетин» как один из наиболее важных факторов. У экспертов это пятый по предпочтению выбор (36,2%), а у студентов – третий (34,0%).

Внутри экспертной группы есть четкое различие в восприятии источников этнических конфликтов. Большинство грузинских и азербайджанских экспертов считают, что конфликты были изначально вызваны «российской политикой "разделяй и властвуй"», в то время как российские и армянские эксперты ниже оценивают важность вышеприведенного фактора и отдают приоритетность «некорректной политике Э.Шеварднадзе по отношению к абхазам» и «неверной политике З.Гамсахурдии по отношению к осетинам».

Каковыми были главные причины вспышки этнических конфликтов в начале 1990-х в Грузии?

Рис. 1а (мнение экспертов и студентов)

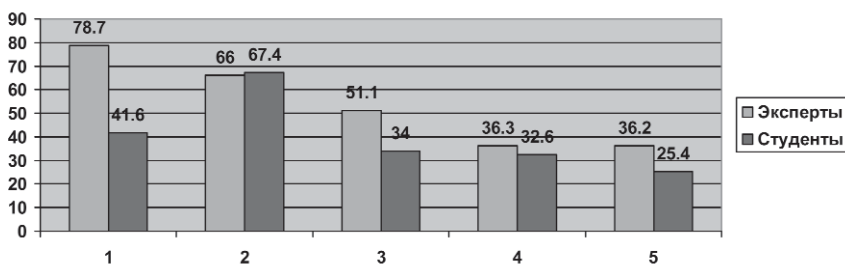
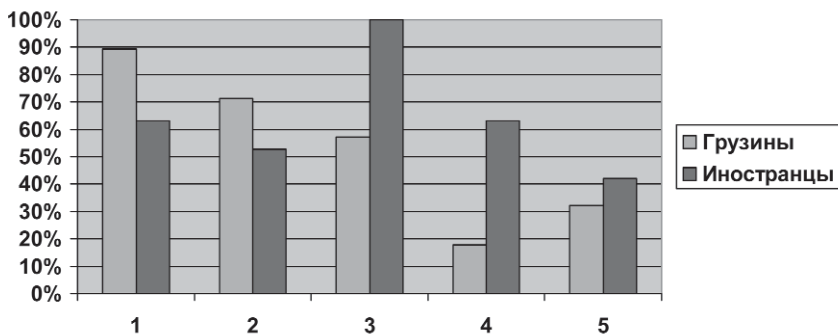

Рис. 1б (мнение грузинских и зарубежных экспертов)

1. Низкая культура диалога и достижения консенсуса в грузинской общественности и грузинских меньшинствах
2. Политика России «разделяй и властвуй».
3. Некорректное поведение правительства Звиада Гамсахурдиа по отношению к осетинам
4. Некорректное отношение правительства Эдуарда Шеварднадзе по отношению к абхазам
5. Пророссийская политическая ориентация абхазов и осетин

Роль конфликтов 1990-х гг.

Представители обеих групп, и студентов и экспертов, считают, что конфликты 1990-х г. являются одной из главных причин рус-

ско-грузинской войны августа 2008 г. Данное мнение поддержали 74,5% экспертов и 69,0% студентов. Важно, что все эксперты почти единодушно в этом мнении.

Главные причины вспышки войны в августе 2008 г.

В отношении причин начала войны между Россией и Грузией в августе 2008 г. респонденты обеих групп имеют схожее мнение. Как эксперты, так и студенты считают, что главная причина войны - «империалистическая политика России», (86,1% экспертов и 58,4% студентов). Интересная тенденция раскрывается в группе экспертов: вышеприведенная причина важна для грузинских, азербайджанских и армянских экспертов, однако ни один из российских экспертов не считает, что Россия проводит империалистическую политику по отношению к Грузии. Что же касается российских экспертов, они считают, что главным фактором, послужившим причиной войны в августе, была «неверная политика грузинского правительства по отношению к урегулированию конфликта» (94,7%) и «неверная политика по отношению к России» (84,4%). Последний фактор важен для грузинских, а также для азербайджанских экспертов (72,3% и 82,4% соответственно), в то время как армянские специалисты считают предыдущую причину - «Неверная политика грузинского правительства по отношению к урегулированию конфликта», более важной (84,7%).

Каковы были причины русско-грузинской войны 2008 г.?

Рис. 2а (мнение экспертов и студентов)

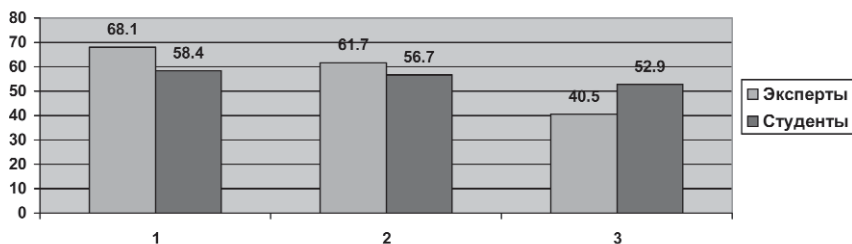
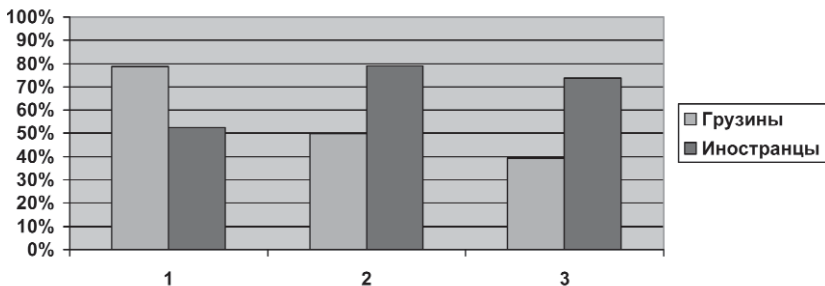

Рис. 2б (мнение грузинских и зарубежных экспертов)

1. Российская империалистическая политика
2. Неверная политика грузинского правительства по отношению к урегулированию конфликта
3. Неверная политика грузинского правительства по отношению к России

Респонденты обеих групп считают, что Грузия могла избежать августовской войны – 64% экспертов и 66% студентов. Однако по этому поводу есть значительное отличие внутри группы экспертов. Если для большинства армянских и грузинских экспертов ясно, что «грузинское правительство могло избежать августовской войны», то почти половина российских и азербайджанских экспертов (45%) считают, что война была неизбежной.

Возможности избежать войны

Нормализация отношений с Россией – вот то направление, которое могло уберечь Грузию от августовской войны, полагают представители экспертной группы. Эксперты также полагают, что «улучшение отношений с абхазскими и осетинскими де-факто властями», могло бы помочь избежать войны. Студенты отдают предпочтение «нормализации отношений с Россией» (43.0%) и «построении настоящей демократии в Грузии и улучшению социально-экономических условий» (26.1%).

**Если бы Грузия могла избежать августовской войны,
то каким именно путем?**

Рис. 3а (мнение экспертов и студентов)

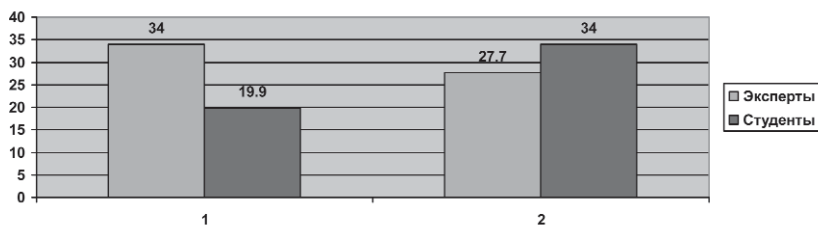
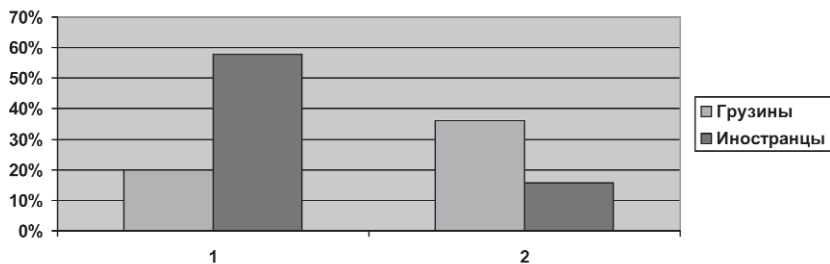

Рис. 3б (мнение грузинских и иностранных экспертов)

1. Отказаться от стремления вступить в НАТО
2. Никакой компромисс не имел смысла, поскольку Россия начала бы войну в любом случае

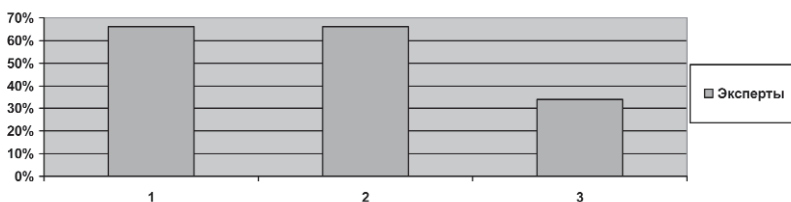
Следует отметить, что большинство грузинских экспертов, так же, как и грузинских студентов (и в отличие от других экспертов) отдают приоритетность последнему фактору. Чтобы избежать августовской войны 2008 г., Грузия должна «отказаться от своего стремления вступить в НАТО», считают 34% экспертов. Это положение более поддерживается среди зарубежных экспертов (57,9%), и менее важно для грузинских экспертов. Грузинские эксперты и студенты склонны считать, что «никакой компромисс не имел смысла, поскольку Россия начала бы войну в любом случае» (31% и 34% соответственно).

Цели России в августовской войне

Эксперты и студенты расходятся во мнениях в своих оценках мотивов агрессии России.

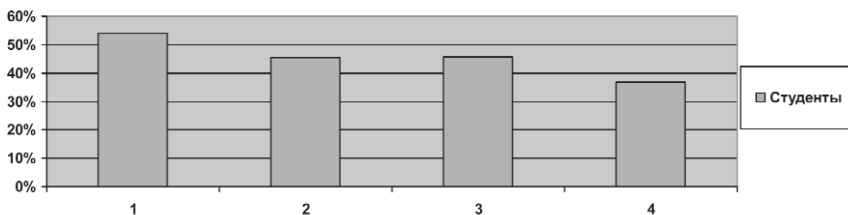
Каковы были мотивы России в августовской войне?

Рис. 4а.1 (мнение экспертов)

1. Стремление изменить геополитический баланс на Южном Кавказе в свою пользу
2. Стремление помешать вступлению Грузии в НАТО
3. Стремление продемонстрировать другим странам СНГ, что Россия остается единственной реальной силой на территории бывшего Советского Союза

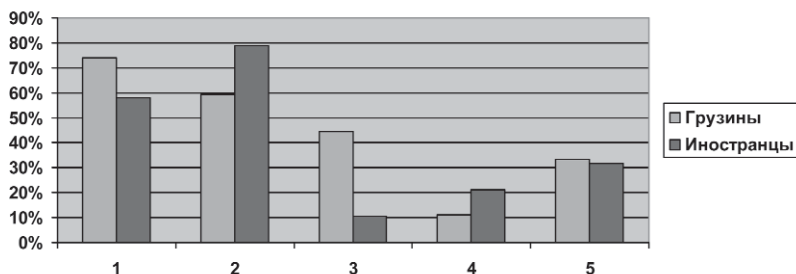
Рис. 4а.2 (мнение студентов)

1. Стремление помешать вступлению Грузии в НАТО
2. Стремление изменить геополитический баланс на Южном Кавказе в свою пользу
3. Желание унижить политических союзников Грузии
4. Новому президенту Медведеву необходима победоносная война для укрепления своих позиций среди населения России

Эксперты считают, что Россия хотела изменить геополитический баланс на Южном Кавказе (66%). Студенты думают, что Россия хотела помешать вступлению Грузии в НАТО (54%). Не менее важным для России было показать странам СНГ, что Россия остается единственной реальной силой на постсоветском пространстве (34,0% экспертов). Студенты также считают, что в намерения России входило унижение политических союзников Грузии (США, Западная Европа) и что Медведев хотел использовать победу над Грузией для укрепления своих позиций в российском обществе (36,8%). Важно то, что большинство российских экспертов считают, что главной целью России была защита народа Абхазии и Южной Осетии от грузинской агрессии.

Рис. 4б (мнение грузинских и зарубежных экспертов)

1. Стремление изменить геополитический баланс на Южном Кавказе в свою пользу
2. Стремление помешать вступлению Грузии в НАТО
3. Стремление продемонстрировать другим странам СНГ, что Россия остается единственной реальной силой на территории бывшего Советского Союза
4. Новому президенту Медведеву необходима победоносная война для укрепления своих позиций среди населения России
5. Желание унижить политических союзников Грузии

Дальнейшие попытки России дестабилизировать ситуацию в Грузии

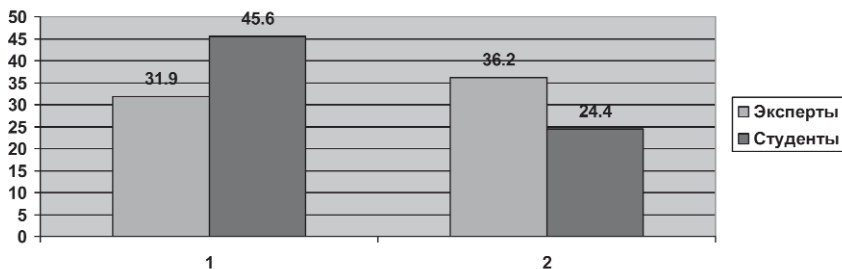
Очень интересно рассмотреть мнение экспертов о том, будет ли Россия стремиться и далее дестабилизировать ситуацию в Грузии. Большинство зарубежных экспертов (68,4%) считает, что поводов

для беспокойства нет, и Грузия не должна ожидать такого исхода. Что же касается грузинских респондентов, то они считают, что это реальная угроза (75% грузинских экспертов и 66% студентов).

Обе опрошенные категории, эксперты и студенты, считают, что самая большая угроза, исходящая от России, это то, что Россия будет поддерживать политические беспорядки в Грузии с целью сместить нынешнее правительство (31,9%). Вдобавок, эксперты считают правдоподобным то, что Россия будет способствовать возникновению новых очагов этнополитических конфликтов в Грузии (36,2%). Что касается опрошенных студентов, то они считают, что существует угроза захвата стратегических объектов Грузии со стороны России (24,4%).

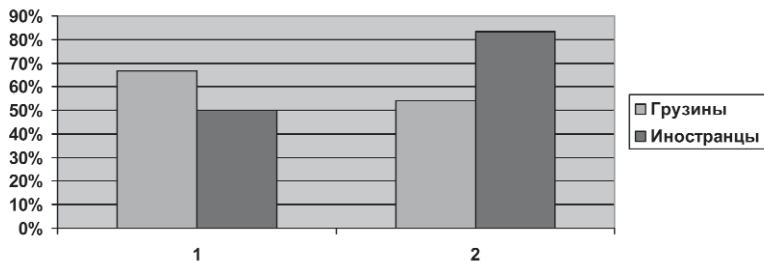
Как Россия попытается дестабилизировать ситуацию в Грузии?

Рис. 5а (Мнение экспертов и студентов)

Эксперты:		Студенты:	
1.	Россия будет провоцировать внутренние беспорядки с целью смещения нынешнего правительства Грузии	1.	Россия будет провоцировать внутренние беспорядки с целью смещения нынешнего правительства Грузии
2.	Россия будет способствовать возникновению новых вспышек насилия в Абхазии и Южной Осетии	2.	Россия попытается захватить контроль над важными экономическими и транспортными объектами в Грузии

Рис. 5б (Мнение грузинских и зарубежных экспертов)

1. Россия будет провоцировать внутренние беспорядки с целью смещения нынешнего правительства Грузии
2. Россия будет способствовать возникновению новых вспышек насилия в Абхазии и Южной Осетии

Что станет с русско-грузинскими отношениями, как будут развиваться дальнейшие события, насколько смена правительства в Грузии может быть важна для снижения напряженности в отношениях с Россией? Значительная часть экспертов (40,4%) считают, что смена правительства Грузии будет «способствовать улучшению грузино-российских отношений, но не восстановлению территориальной целостности Грузии». В студенческой группе вышеприведенное мнение разделяют 32,2%. Мнения грузинских и зарубежных экспертов существенно различаются в этом отношении. Грузинские эксперты продемонстрировали значительный скептицизм по поводу улучшения отношений с Россией, значительная часть их (44,1%) считает, что смена правительства в Грузии не приведет к позитивным изменениям в грузино-российских отношениях, в то время как так полагает лишь 1% зарубежных экспертов. Большинство иностранных экспертов полагают, что изменение власти в Грузии в целом будет способствовать улучшению российско-грузинских отношений, но не восстановлению территориальной целостности Грузии. Это мнение поддержали 25,9% грузинских экспертов. Студенческие группы, в отличие от соотечественников-экспертов, склонны верить в то, что изменения в правительстве могут положительно сказаться на восстановлении территориальной целостности Грузии (42,6%).

Считаете ли Вы, что изменения в грузинском правительстве будут способствовать улучшению грузино-русских отношений и восстановлению территориальной целостности Грузии?

Рис. ба (Мнение экспертов и студентов)

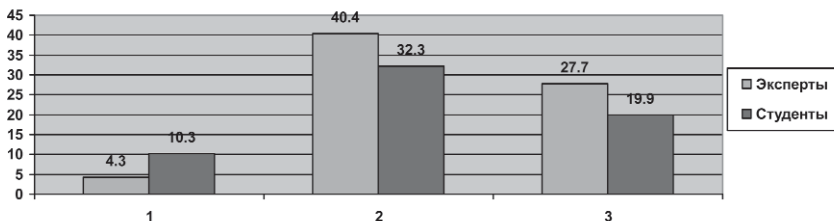
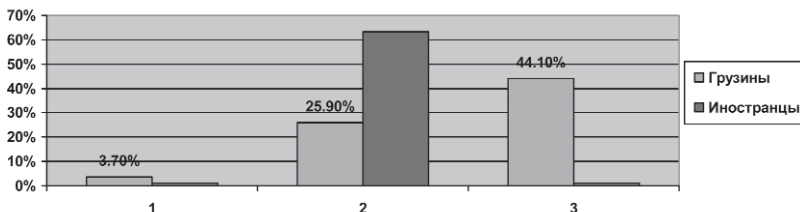

Рис. бб (Мнение грузинских зарубежных экспертов)

1. Это будет способствовать улучшению грузино-российских отношений и восстановлению территориальной целостности Грузии
2. Это будет способствовать улучшению грузино-российских отношений, но не восстановлению территориальной целостности Грузии
3. Это ничего не изменит

Пути восстановления территориальной целостности Грузии

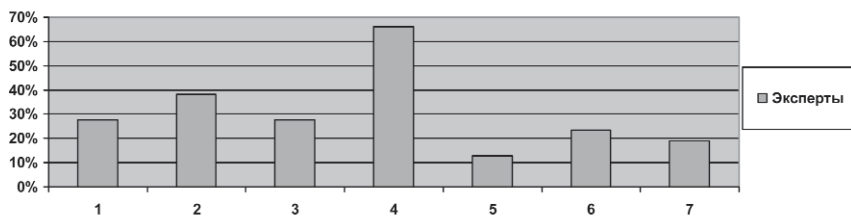
Примечательно, что опрошенные студенты и эксперты согласны, что укрепление демократии и улучшение социально-экономической ситуации в стране будет важным шагом в восстановлении ее территориальной целостности.

Замена российских войск в конфликтной зоне международными миротворческими силами представляется другим важным фактором и поддерживается многими экспертами (38,3%), кроме российских. Что касается студентов, для них приоритетны нормализации отношений с Россией (40,2%) и прямой диалог с руководством абхазского и цхинвальского регионов (40,5%).

Зарубежные эксперты придают значение улучшению отношений между Грузией и Россией (42,1%), укреплению демократии и социально-экономическому развитию (68,4%), в то время как грузинские эксперты, помимо укрепления демократии и социально-экономического развития, придают значение также и смене российских миротворцев на международные военные силы в конфликтной зоне (57,1%).

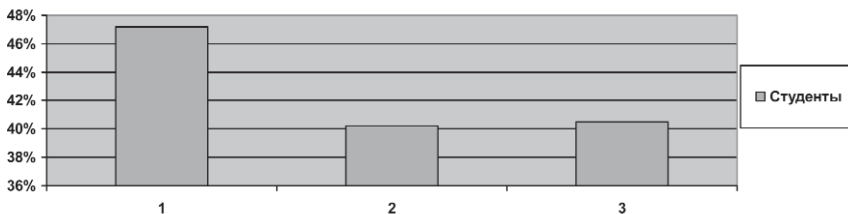
Какие меры должно правительство Грузии предпринять для восстановления территориальной целостности страны?

Рис. 7а (мнение экспертов)

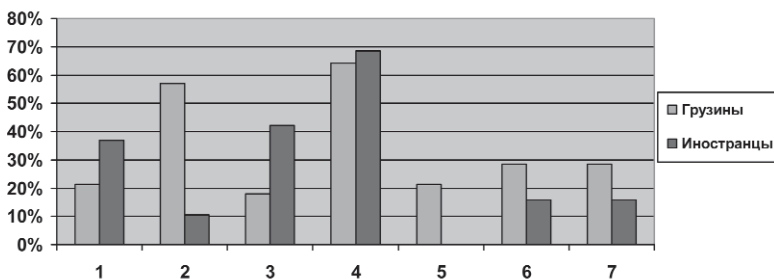
1. Вступить в прямой диалог с де-факто властями и общественностью в Абхазии и Южной Осетии
2. Добиться замены российских военных сил на международные миротворческие/полицейские силы
3. Улучшить отношения с Россией
4. Приложить максимум усилий для демократического и социально-экономического развития
5. Вступить в НАТО
6. Сформировать сильный военно-политический союз с США
7. Добиться безопасного возвращения беженцев в их дома в зоне конфликта

Рис. 7а 2 (мнение студентов)

1. Приложить максимум усилий для демократического и социально-экономического развития
2. Улучшить отношения с Россией
3. Вступить в прямой диалог с де-факто властями и общественностью в Абхазии и Южной Осетии

Рис. 7б (Мнение грузинских и западных экспертов)

1. Вступить в прямой диалог с де-факто властями и общественностью в Абхазии и Южной Осетии
2. Добиться замены российских военных сил на международные миротворческие/полицейские силы
3. Улучшить отношения с Россией
4. Приложить максимум усилий для демократического и социально-экономического развития
5. Вступить в НАТО
6. Сформировать сильный военно-политический союз с США
7. Добиться безопасного возвращения беженцев в их дома в зоне конфликта

Заключение

Анализ результатов опроса позволяет нам сделать следующие выводы:

- Было довольно легко разжечь этнополитические конфликты в Грузии и спровоцировать российско-грузинскую войну, поскольку здесь мы имеем дело с посттоталитарным пространством, где общества характеризуются низкой политической культурой. Данный вывод непосредственно вытекает из мнения респондентов (как экспертов, так и студентов), что конфликтующие стороны потерпели неудачу в ведении прямого диалога и достижении консенсуса.
- Низкая политическая культура посттоталитарного общества косвенно вскрывается в субъективизме и чрезмерном политическом вмешательстве. Грузинские эксперты обвиняют российскую сторону в разжигании этнических конфликтов и войн, в то время как российские специалисты, наоборот, обвиняют в этом грузинские власти, нынешние и бывшие.
- Интересно, что по некоторым вопросам мнения грузинских и азербайджанских экспертов совпадают, равно как и мнения российских и армянских экспертов. Очевидно, что эксперты из отдельных стран руководствуются геополитическими интересами своих стран, что указывает на их политизированный и предвзятый характер.
- Важно, что в связи с урегулированием конфликтов респонденты, прежде всего грузины (и студенты, и эксперты) ставят необходимость дальнейшего демократического и социально-экономического развития страны выше, чем присоединение к различным военно-политическим союзам. Следует отметить, что в этом контексте молодое поколение придает большое значение нормализации отношений с Россией и прямому диалогу с властями Абхазии и Южной Осетии. Данный подход дает надежду на то, что грузинское общество, и, что еще более важно, его молодое поколение отдает предпочтение и приоритет мирному урегулированию конфликтов.

ВНЕШНИЕ ИГРОКИ НА КАВКАЗЕ В 2008 г.

ТУРЦИЯ И ЮЖНЫЙ КАВКАЗ В 2008 г.

Бюлент Арас

В данной статье новый внешнеполитический курс и новая политическая риторика Турции по отношению к Кавказу, в частности к Азербайджану, Армении и Грузии, анализируется в контексте географического видения турецких политиков. Продвигая интересы Турции в данном географическом пространстве — от безопасности до региональной торговли и энергетических проблем — турецкие политики в то же время стремятся создать в нем атмосферу сотрудничества и устранить существующие в нем локальные силовые альянсы.

В статье делается вывод, что активизация Турции открыла для нее новые горизонты в регионе, и что новая ориентация внешней политики связана с реформами и внутривнутриполитическими изменениями в Турции. Задача статьи — пролить свет на активизацию Турции на Южном Кавказе.

Новое географическое видение

На Кавказе Турция становится влиятельной «мягкой силой» (*soft power*), с динамичной и многоплановой политикой. Поведение Турции во время русско-грузинской войны августа 2008 г. — ее конструктивная позиция и попытка создать региональную платформу — было воспринято как признак перемен в турецкой внешней политике. Один из способов понять формирующуюся стратегию Турции в отношении Кавказа — проанализировать изменения политической риторики и практики через призму нового турецкого географического видения, или концепции региона. Это новое видение диктует политикам определенные представления о Кавказе и входящих в него странах. Основные элементы, на которых оно зиждется, сильно изменились в результате серьезной внутривнутриполитической трансформации в Турции. Положив конец необходимости существования внешних врагов, новое географическое видение дает лидерам государств региона возможность подвергнуть сомнению существующую здесь систему альянсов.

Политическая трансформация Турции, отчасти явившаяся результатом процесса вступления в Евросоюз, идет по двум основным

направлениям: демократизация и консолидация стабильности. Ход внутривнутриполитических реформ, особенно в области взаимодействия гражданских и военных ведомств, национальной безопасности, а также либерализации и стабилизации экономики, имеет важные последствия и для внешней политики Турции. Изменения в этих областях сделали возможным переход от концепции «неблагополучных регионов» к политическому курсу «ноль проблем с соседями» в отношении сопредельных регионов.

Основной вопрос заключается в трансформации, изменившей географическое видение и повлиявшей на приоритеты внешней политики. Прежнее географическое видение основывалось на идее национального государства. Оно возникло в результате освоения территорий национального государства; таким образом, сформировался образ «родины», четко определенный именно в территориальных терминах. Региональная риторика и фразеология строились на представлении о том, что родина постоянно находится под угрозой и окружена врагами. Этот дискурс помогал политикам создавать представление о необходимости обороны родины, мобилизуя тем самым население и сохраняя свое положение во власти.

В этом смысле, новое географическое видение сформировалось в результате изменения характера самого национального государства, границы которого на когнитивной карте турецких политиков вышли далеко за пределы страны. Хотя нет сомнений в устойчивости границ, отделяющих Турцию от Кавказа, но под воздействием нового географического видения сфера влияния, а в каком-то смысле и ответственности Турции распространяется за пределы ее границ. При таком подходе исчезают территориальные ограничения на вовлечение Турции в дела Кавказа. Отношение между границами и «чужаками» теряет смысл, если из региональной политики удалить такой фактор, как представление о существовании внутренней угрозы.

Эта трансформация выходит за пределы классических дискуссий о верном или неверном восприятии реальности в концепциях внешней политики. Она оказывает масштабное воздействие на культуру национальной безопасности и геополитическую культуру, расширяя горизонты политиков и создавая новые концепции во внешней политике.

В 1990-е гг. у Турции возникли проблемы в отношениях с Сирией и Ираном — странами, на которые возлагалась ответственность за две беды турецкого истеблишмента: курдский вопрос и политический ислам. Трансформация Турции лишила эти проблемы актуальности, и теперь в политике страны приоритет отдается более конкретным проблемам, таким, как экономическое развитие, создание рабочих мест и политическое участие. По мере роста уверенности страны в собственных силах меняются и представления об угрозах в региональном контексте, а общественные настроения в большей мере способствуют миру и стабильности. Трансформация уже положила конец управлявшей страной на протяжении полувека системе госбезопасности в стиле Холодной войны и изменила рамки внутренней и внешней политики.

Устранение представления о «чужаках» внутри страны и в сопредельных регионах привело к появлению новой региональной идентичности. В этом смысле, политическая трансформация Турции является ключом к пониманию всего процесса. Стремление Турции стать членом ЕС лежит в центре внутривнутриполитических изменений. Чтобы подготовиться к вступлению в ЕС, Турция провела масштабные и серьезные юридические, политические и экономические реформы. Турецкие чиновники, политики и граждане объединились, чтобы соответствовать Копенгагенским критериям членства в ЕС и вытерпеть неудобства программ структурной перестройки, предписанных МВФ.

Внутренняя трансформация изменила политические установки в турецком обществе и проложила путь к сокращению числа географических «чужаков» и пересмотру списка друзей и врагов в регионе. И это не краткосрочные реакции на текущие ситуации, а долгосрочный политический выбор, способный выдержать давление как внутренних, так и структурных факторов. На формирование внешней политики Турции все больше влияют общественные силы, противостоящие старой бюрократическо-авторитарной традиции. В то же время акторы, определяющие курс внешней политики Турции, уделяют больше внимания международной легитимности, ценностям и нормам. Новое географическое видение выглядит более гибким и адаптивным, чем предыдущее, учитывая динамичный процесс гармонизации турецкой политики с внешней политикой ЕС.

Модернизируя и демократизируя внутривластическое поле, турецкие политики убедились в своей способности проводить успешную региональную политику. В результате лидеры Турции теперь стремятся вести активную дипломатию на Кавказе, дабы минимизировать проблемы с соседними странами.

Понимание географии страны изменилось; отпали существовавшие в восприятии политиков территориальные ограничения на вовлечение в регион; внутренняя безопасность стала связываться с региональной безопасностью; увеличилась роль социальных факторов в политике; уменьшение роли спецслужб в стране изменило подход к внешней политике, в котором соображениям безопасности прежде отводилось основное место. В результате новое географическое видение сформировало новые рамки турецкой политики на Кавказе. Соседние страны теперь воспринимаются Турцией как сфера новых возможностей, в которой Турции отводится место региональной гражданской и экономической державы.

Крайне важен тот факт, что новое географическое мышление изменило региональную риторику политиков и создало в турецких политических кругах новую концептуальную основу для восприятия Кавказа. В представлениях турецкой внешнеполитической элиты этот регион выглядит более чем когда-либо открытым и подходящим для конструктивного вовлечения Турции.

Азербайджан

Турция поддерживает особые отношения с Азербайджаном, оказывающие значительное влияние на региональную политику Турции и ее двусторонние отношения со странами Кавказа. Этнические, культурные и религиозные связи, как и теплое отношение Азербайджана к Турции, укрепили отношения между двумя странами. И турецкие националистические круги, и общество в целом настроены в пользу близких отношений с Азербайджаном. В свете нового географического видения это восприятие усилилось, а особый упор был сделан на необходимость решения проблемы Нагорного Карабаха – спорного региона, ставшего причиной конфликта между Азербайджаном и Арменией. Турецкие политики поддерживают существующие международные механизмы урегулирования конфликтов и развивают двухуровневую политику нормализации отношений с Арменией, в то же время стремясь сократить разрыв

между Арменией и Азербайджаном в контексте карабахского конфликта и создать широкую региональную платформу для его урегулирования. Турция также надеется получить гарантированный доступ к жизненно важным ресурсам, таким, как доходы от транспортировки нефти в Каспийском бассейне, особенно в Азербайджане. Она уже достигла некоторых успехов: построен нефтепровод Баку-Тбилиси-Джейхан, ставший в 2006 г. основным путем экспорта нефти из Азербайджана. Одновременно был построен и трубопровод Баку-Тбилиси-Эрзрум, по которому азербайджанский газ идет в Турцию. Планируется реализация проектов, в результате которых трубопровод Баку-Тбилиси-Эрзрум будет обеспечивать каспийским газом Европу¹.

Помимо преимуществ, близкие отношения Турции и Азербайджана имеют и отрицательные стороны: они являются главным фактором, препятствующим нормализации отношений между Турцией и Арменией. Армения заняла Нагорный Карабах и одну пятую территории Азербайджана, и игнорирует решения Совета Безопасности ООН. Анкара имеет тесные связи с Баку и извлекает выгоду из сотрудничества в области энергетики. Азербайджан является главным партнером Турции в регионе и, скорее всего, останется для нее самым важным игроком, которого надо принимать в расчет. В свою очередь, армянское правительство рассматривает Турцию и Азербайджан как серьезную угрозу своей национальной безопасности и территориальной целостности². Вследствие этого армянское руководство пытается проводить сбалансированную политику, сохраняя хорошие отношения и с Россией, и Ираном. В Армении есть российские военные базы, российские военнослужащие охраняют армянские границы. В глазах армянского руководства Россия является стратегическим партнером и защитником против потенциальной агрессии Азербайджана и Турции. Сбалансированность (т.н. «комплементарность» – *Прим. ред.*) оставалась основным столпом внешней политики Армении в период независимости.

¹ *Emre Iseri, Geopolitics of Oil and Pipelines in the Eurasian Heartland // The Politics of Oil / ed. Bulent Gokay. London: Routledge, 2006.*

² *Taline Papazian, From Ter-Petrossian to Kocharian: Explaining Continuity in Armenian Foreign Policy, 1991-2003 // Demokratizatsiya 14, no.2, Spring 2006.*

Армения

В общих рамках политики Турции на Кавказе турецко-армянские отношения ограничены дополнительным фактором — армянской диаспорой. И внутренняя, и внешняя политика Армении пронизана страхом изоляции. Непосредственным результатом этого страха являются замкнутая внутренняя политика и неуверенный внешнеполитический курс. У Армении есть проблемы со всеми соседями, кроме Ирана. Маршруты поставок энергоресурсов и новые транспортные коммуникации в регионе обошли Армению стороной, принося большие доходы Азербайджану как стране, богатой энергоресурсами, а Грузии и Турции — как транзитным странам, по территории которых пролегают трубопроводы, ведущие на мировые рынки. Проблемы в отношениях Грузии и Армении прорастают из тесной связи последней с Россией, ее конфликт с Азербайджаном связан с карабахским конфликтом, а ее отношения с Турцией ненадежны по причине территориальных требований и проблемы геноцида.

Вдобавок к столь напряженной региональной ситуации, Армения сталкивается и с последствиями внутривнутриполитической нестабильности, экономических затруднений и растущего уровня безработицы. Внешняя торговля Армении всецело зависит от грузинских портов; бомбардировка грузинского портового города Поти российскими войсками во время августовского кризиса только ухудшила экономическое положение страны. Таким образом, Армения ощущает срочную необходимость пересмотреть свои отношения со странами региона. Ее экономическая и политическая отчужденность в регионе создает стимул к нормализации отношений с Турцией.

Политическая воля Турции к нормализации отношений отражена в стремлении турецких политиков проводить курс на «ноль проблем с соседями» и в желании Турции стабилизировать Кавказ путем создания общерегиональной платформы. В столь хрупкой региональной ситуации Армения начала приобретать новое значение в сознании политиков, и это дало толчок к нормализации отношений между Турцией и Арменией. Как заявил министр иностранных дел Турции Ахмед Давутоглу: «мы хотим быть с Арменией в самых лучших отношениях... Мы не считаем Армению угрозой или врагом»³.

³ Davutoğlu'ndan Ermenistan'a Net Mesajlar // Star, 29.09.2008.

Уязвимость грузинской территории вызвала обеспокоенность в Анкаре по поводу надежности трубопровода Баку-Тбилиси-Джейхан и будущих трубопроводов. Нормализация отношений с Арменией и урегулирование карабахского конфликта могут подготовить почву для прокладки новых региональных трубопроводов. Несмотря на исторически натянутые отношения между турками и армянами, Турция признала независимость Армении раньше многих других стран и в 1993 г. пригласила Армению стать одним из государств-основателей Организации черноморского экономического сотрудничества, хотя Армения и не имеет выхода к Черному морю. Несмотря на закрытую наземную границу между Арменией и Турцией, по маршруту Ереван-Стамбул выполняются авиарейсы; кроме того, Турция мирится с пребыванием на своей территории тысяч нелегальных трудовых мигрантов из Армении.

Среди турецких политиков и внутри турецкого общества наблюдается заметное смягчение отношения к Армении⁴. Турецкие власти провели реставрацию нескольких армянских культурных и художественных памятников в различных районах Турции⁵. В декабре 2008 г. группа из двухсот представителей турецкой интеллигенции опубликовала письмо с извинением за «Великую Катастрофу, которой были подвергнуты армяне Оттоманской империи в 1915 г.» «Мы разделяем чувства и боль армянских братьев и извиняемся перед ними», говорится в этом письме⁶. Президент Турции Абдулла Гюль воспринял публикацию этого письма как открывшуюся возможность начать в Турции свободную дискуссию вокруг этой главы турецкой истории⁷. Официальное заявление Министерства иностранных дел Турции было похожим на реакцию Гюля и подчеркивало возможность альтернативных мнений в де-

⁴ Указывая на смягчение отношения к Армении, армянский историк Ара Сарафян пишет, что в турецком обществе начали открыто обсуждать армянскую историю, культуру и кухню. См. подробнее: AP'de Ermeni Konferasi // AVNaber.com, 13.11.2008.

⁵ В числе отреставрированных памятников церковь Ахтамар, армянская католическая церковь в Диарбекире, исторические армянские дома в Бейкозе и армянская церковь в Орду.

⁶ Письмо с извинениями распространялось через Интернет. См. подробнее: <http://ozurdiliyoruz.com>.

⁷ *İsmet Berkan*, Kisisel Bir Sey // Radikal, 19.12.2008.

мократической среде⁸. Несмотря на то, что это заявление не было поддержано премьер-министром Турции Реджепом Тайипом Эрдоганом и подверглось критике со стороны националистических кругов Турции, все же табуированная прежде армянская тема была затронута, и стало ясно, что в Турции меняется отношение к Армянскому вопросу⁹.

Несмотря на то, что между Турцией и Арменией нет дипломатических отношений, между сторонами ведется закулисная дипломатия. Скрытая дипломатия стала явной из ответа Турции на предложение Ирана о посредничестве: «мы уже ведем переговоры с Арменией»¹⁰. События 2008 г. показали, что есть возможности и для более тесных связей. Президент Армении Серж Саркисян сделал исторический жест, пригласив президента Гюля посмотреть в Ереване отборочный матч между сборными двух стран на Кубок мира по футболу. Приглашение было сделано на фоне растущих надежд на прорыв в отношениях между Турцией и Арменией. Президент Гюль действительно ответил на приглашение жестом доброй воли и присутствовал на матче 6 сентября 2008 г.¹¹

И армянская, и турецкая общественность испытывают смешанные чувства по поводу визита президента Гюля в Армению и нормализации отношений в целом. Армянская оппозиция поддерживает нормализацию, а партия «Дашнакцутюн» выступает против¹². Последняя имеет сильные экономические и политические связи с Армянской диаспорой и действует в Армении как антитурецкая сила. В Турции основные партии оппозиции, а именно Республиканская народная партия и Партия национального действия, выступили с критикой визита Президента Гюля в Армению. Премьер-министр Турции Эрдоган поддержал визит, сочтя его конструктивным шагом к нормализации отношений¹³. Со своей стороны, власти Азербайджана воздерживаются от комментариев по поводу турецко-армян-

⁸ Kampanya Acik Toplumun Gostergesi // Taraf, 18.12.2008.

⁹ Cengiz Candar, Genelkurmay, Sivil Bireyler ve Ermeni Tabusu... // Radikal, 20.12.2008.

¹⁰ Milliyet, 20.07.2008.

¹¹ Hurriyet, 07.09.2008.

¹² Hovhannes Nikoghosyan, Fair Dialogue, the Best Way Forward // Turkish Daily News, 26.08.2008.

¹³ Ibrahim Kalin, From History to Realpolitik in Armenian-Turkish Relations // Today's Zaman, 11.09.2008.

ских отношений, хотя несколько слабых голосов выразили надежду, что развивающиеся отношения Турции с Арменией могут способствовать скорейшему освобождению оккупированных территорий Азербайджана. Между тем азербайджанская оппозиция резко критикует развитие турецко-армянских отношений¹⁴.

Турецкие политики пытаются организовать трехсторонние переговоры между Турцией, Арменией и Азербайджаном на тему нормализации турецко-армянских отношений и урегулирования карабахского конфликта. Министр иностранных дел Турции Али Бабаджан встречался с министром иностранных дел Армении Эдуардом Налбандяном и министром иностранных дел Азербайджана Эльмаром Мамедьяровым – вместе в сентябре 2008 г. в Нью-Йорке, по отдельности в декабре 2008 г. в Хельсинки. Новое видение политиков сформировало в Турции сильную политическую волю к проведению активной политики на Кавказе с целью решения региональных проблем. Как утверждал Бабаджан: «Я могу сказать, что дела идут хорошо, как в процессе между Азербайджаном и Арменией, так и между Турцией и Арменией, и я надеюсь, что переговоры приведут к желанному результату, которым является полная нормализация отношений»¹⁵.

Кроме того, турецкие политики ведут челночную дипломатию в регионе, чтобы подготовить региональных акторов к вовлечению в региональные дела. Например, Бабаджан и Эрдоган посещали Грузию, Россию и Азербайджан после российско-грузинского кризиса. Президент Гюль и Бабаджан повторно посетили Азербайджан, чтобы обсудить проблемы Азербайджана и инициировать единовременные переговоры между Турцией, Арменией и Азербайджаном. Осуществляется все больше контактов на уровне министров Армении и Турции¹⁶. Турецкие политики способствуют работе механизмов урегулирования карабахского конфликта, таких, как Минский процесс. Так, прежде чем встретиться с Налбандяном и Мамедьяровым, Бабаджан встретился с представителями Минской группы ОБСЕ для обсуждения процесса урегулирования.

¹⁴ *Semih Idiz, Azerbaycan da Genis Acidan Bakabilmeli // Milliyet, 08.09.2008.*

¹⁵ *Babacan Azeri ve Ermeni Bakanlarla Helsinki'deydi // Taraf, 05.12.2008.*

¹⁶ *Şaban Kardaş, Armenian Foreign Minister Visits Turkey, Reaffirms Determination for Dialogue // Eurasia Daily Monitor 5, no. 228, 01.12.2008.*

Грузия

Турция была одной из первых стран, официально признавших независимость Грузии. На протяжении всего процесса политической трансформации отношения Турции к Грузии строились на основе добрососедства и сотрудничества, в первую очередь благодаря стремлению Турции поддерживать стабильность соседних с ней регионов. Стабильность Грузии была важна по двум основным причинам: во-первых, потому, что политическая и территориальная целостность Грузии влияет на безопасность турецких границ, и, во-вторых, в экономическом смысле Грузия является важным транзитным путем доставки энергетических ресурсов из региона Каспийского моря в Турцию и на мировые рынки. Однако этнические столкновения, произошедшие в Грузии сразу после обретения ею независимости, привели к кризису всех торговых и экономических структур. Одним из основных факторов безопасности, неблагоприятно воздействующих на турецко-грузинские отношения, стала гражданская война и вооруженные конфликты на севере Грузии в Южной Осетии и на северо-западе — в Абхазии. Конфликты подрывали политическую и экономическую стабильность Грузии¹⁷, и хотя Турция не поддерживала ни одну из сторон в этих конфликтах, участие в них России привело к напряженности в отношениях между двумя странами.

Транспортировка нефти является одним из важнейших факторов сближения Турции и Грузии. Проект трубопровода Баку-Тбилиси-Джейхан увеличил стратегическое значение Грузии и тем самым дал ей шанс укрепить свою независимость от России¹⁸. Можно предположить, что вовлеченность России в конфликты на территории Грузии непосредственно связана с ее стремлением восстановить контроль над энергетическими путями в регионе. Соответственно, для Турции трубопровод Баку-Тбилиси-Джейхан стал единственным возможным путем доступа к азербайджанской нефти ввиду закрытой границы с Арменией. В 2003 г. в результате бескровной «Революции роз» президент Шеварднадзе был смещен и Грузию возглавил Михаил Саакашвили. Грузинская политика приобрела выраженный

¹⁷ Georgia Crisis // International Debates 6, no.6 (September 2008): 1-25.

¹⁸ Manos Karagiannis, The Turkish-Georgian Relationship and the Transportation of Azerbaijani Oil // Caspian Crossroads Magazine 4, no. 1 (Summer/Fall 1998).

проамериканский крен; Грузия стала искать более явной поддержки трубопровода Баку-Тбилиси-Джейхан со стороны США и ЕС¹⁹.

С 1998 г. Турция и Грузия подписали целый ряд договоров в области обороны. Турецкие вооруженные силы неоднократно помогали модернизировать грузинские военные структуры. В 2000 г. турецкие ВВС участвовали в строительстве военного аэропорта в Грузии и переподготовке офицеров грузинских ВВС. Кроме того, турецкие и грузинские военные разработали совместную военную программу по охране трубопроводов. Грузинские военнослужащие принимали участие в международной миротворческой операции под эгидой ООН в Косово под турецким командованием²⁰. Турецкие компании модернизировали аэропорт в Батуми, открытый для совместного использования Турцией и Грузией. Как заявил Эрдоган в феврале 2006 г., турецкие политики планировали нарастить торговый оборот между Турцией и Грузией до 2 млрд. долларов к 2009 г.²¹ Премьер министр Эрдоган посещал Грузию трижды с августа 2004 г. В ходе этих визитов обсуждался ряд железнодорожных проектов с участием Турции, Грузии и Азербайджана. Один из них – проект железной дороги Карс-Тбилиси-Баку, одобренный тремя главами государств в Грузии в июле 2007 г.²² До грузино-российского конфликта в 2008 г. объем торговли между Грузией и Турцией составлял более миллиарда долларов. С началом конфликта Турция немедленно поддержала Грузию, направив ей 100 тыс. тонн продовольственной помощи, и начала проект строительства ста домов для беженцев в Гори, недалеко от Южной Осетии. Турецкая компания TAV не приостановила работу тбилисского аэропорта на время вооруженного конфликта²³.

В результате новой региональной политики Турции, сразу после начала грузино-российского кризиса, Анкара выдвинула многостороннюю дипломатическую инициативу – Кавказскую платформу стабильности и сотрудничества с участием России, Арме-

¹⁹ *Charles Scaliger*, Fanning the Flames in Georgia // *New American*, 13.10.2008, 21-23.

²⁰ *Georgia: Hopeful President Pays First Official Visit To Turkey* // *RFE/RL Report*, 20.05.2004.

²¹ *Altay Atli*, Turkey and Georgia: Opening the Roads for Trade // *Eurasianet*, 08.02.2006.

²² *Kars-Tiflis-Bakü Demiryolu projesi ve beklentiler* // *Hurriyet*, 21.09.2007.

²³ *2008'de Türkiye-Gürcistan ilişkileri* // *Hurriyet*, 19.12.2008.

нии, Азербайджана, Грузии и Турции. Цель этой платформы — разработка общей региональной политики и политических инструментов, позволяющих решать в регионе проблемы мира и безопасности, энергетической безопасности и экономического сотрудничества. Премьер-министр Эрдоган подчеркнул, что эта платформа должна соответствовать принципам и нормам ОБСЕ, и добавил, что «тот факт, что Минская группа не дала никаких результатов, заставляет задуматься... Кавказская платформа стабильности и сотрудничества будет способствовать усилиям, направленным на установление мира и стабильности в регионе»²⁴. Позиция Турции демонстрирует, что Анкара отдает приоритет инклюзивному подходу к региону. Армения, Россия, Азербайджан и Грузия позитивно отреагировали на инициативу Турции и оценили ее как конструктивную²⁵. Новая стратегия Турции состоит в том, чтобы включать и Азербайджан, и Армению в попытки установления регионального мира, дабы положить конец гегемонии бинарных оппозиций в стиле Холодной войны. Армянское руководство также признает необходимость избавиться от паттернов враждебности, порождающих циклы насилия в регионе²⁶. Официальные лица из всех пяти стран встретились в Хельсинки, чтобы обсудить цели, принципы и механизмы Платформы стабильности после заседания ОБСЕ в Хельсинки в декабре 2008 г.²⁷

Вооруженный конфликт и эскалация напряженности в отношениях между Россией и Грузией увеличили нагрузку на Турцию в региональной политике. Турция пытается выступать в качестве посредника между различными акторами в регионе, и ее нейтралитет подвергся испытанию на прочность, когда военные корабли США проходили через Черноморские проливы, чтобы оказать помощь Грузии. Как член НАТО и соседняя страна, со времени распада Советского Союза Турция неизменно поддерживала Грузию и экономически, и политически. Дилемма Турции состоит в том, что Россия является для нее важным торговым партнером и основным поставщиком природного газа, в то время как Грузия стала ключевым

²⁴ Kafkasya İsbirligine Aliyev Destegi // Radikal, 20.08.2008.

²⁵ Turkey Spearheads Creation of Caucasian Union // Global Insight, 18.08.2008.

²⁶ Gül'le Sarkisyan 'Kafkaslar'ı Gorustu // Dunya, 07.09.2008.

²⁷ Hurriyet, 05.12.2008.

партнером Турции в проектах транспортировки углеводородов и транзитного железнодорожного сообщения.

Заключение

Российско-грузинский кризис 2008 г. продемонстрировал региональным государствам важность изменения региональных правил игры. Статус-кво в регионе должен измениться, а новый региональный порядок должен быть основан на новой риторике, практике экономической независимости, политическом сотрудничестве и региональной стабильности и процветании.

В этом смысле готовность Турции к сотрудничеству и ее новая активная внешняя политика являются позитивными шагами к установлению нового регионального порядка. Растущее число взаимных визитов на высшем уровне и расширяющийся диапазон деятельности, которую Турция планирует проводить в кавказском регионе, являются важными признаками того, что Турция будет продолжать вносить в развитие региона позитивный вклад.

США И КАВКАЗ В 2008 Г.

Ричард Гирагосян

Введение

В контексте отношений между США и странами Кавказа в 2008 г. произошло три ключевых события:

- (1) В августе – война в Грузии, не только повлекшая за собой признание независимости Абхазии и Южной Осетии Россией и нанесящая смертельный удар по стремлениям Грузии стать членом НАТО, но и, по сути дела, изменившая всю «геополитическую карту» Южного Кавказа;
- (2) В сентябре – визит в Армению президента Турции Абдуллы Гюля, первый в истории визит турецкого лидера в Армению, положивший начало публичной составляющей армяно-турецкой «футбольной дипломатии», нацеленной на «нормализацию» отношений между двумя странами;
- (3) В ноябре – избрание Барака Обамы президентом США, существенный поворот в американской внутренней и внешней политике, а также обещания «корректировки курса» после восьмилетнего правления администрации Буша.

Однако, чтобы правильно оценить политику США и Кавказа в 2008 г., а также спрогнозировать дальнейшие изменения в американской политике в 2010 г., в рассмотрение необходимо включить и некоторые события 2009 г. Для США и Кавказа наиболее важна появившаяся с приходом к власти администрации Обамы атмосфера перемен и возможность более ответственного многостороннего глобального лидерства, подразумевающего в том числе и пересмотр политики США по отношению к России, стремление к диалогу с Ираном и возобновление активного сотрудничества с Турцией.

Отсутствие новой политики США по отношению к Южному Кавказу

При всем том существует огромный разрыв между потенциалом новой политики США и реальной региональной ситуацией. Точнее говоря, у США еще нет новой политики по отношению к Южному Кавказу, поскольку этот регион принято считать второстепенным, и

он находится в самом низу списка внешнеполитических приоритетов США.

Тот факт, что США еще не начали не только проводить, но даже разрабатывать новую политику по отношению к Кавказу, объясняется тремя причинами. Во-первых, новая администрация была занята «делами поважнее», в первую очередь связанными с экономическим спадом в самих Соединенных Штатах и последствиями глобального финансового кризиса.

Во-вторых, администрация Обамы сильно запаздывает с назначением новых чиновников от Демократической партии, в результате чего до сих пор не сделаны или не подтверждены назначения тех ключевых фигур в Государственном департаменте, Совете национальной безопасности и Пентагоне, которые обычно занимаются регионом на ежедневной основе.

И в-третьих, Соединенные Штаты постоянно отвлекает от региона целый ряд проблем, в том числе попытки «обнулить» или реформатировать американско-российские отношения, усилия, направленные на решение двух приоритетных задач американской внешней политики, а именно стабилизации Ирака и Афганистана, а также реагирование на развитие событий в других регионах, например, на Украине, в Молдове или в Центральной Азии.

Три основные тенденции

В свете отсутствия изменений политики США по отношению к Южному Кавказу имеет смысл выделить три наиболее важные тенденции, развивающиеся на пространстве региона, каждая из которых воздействует на интересы и действия Соединенных Штатов, выступающих в регионе иногда как активный, а иногда и как реагирующий игрок. Для интересов США эти тенденции зачастую являются противоречивыми импульсами, в результате чего отношение США к Южному Кавказу, в основном базируясь на подходе к региону как части более широкой «геополитической мозаики», в то же время учитывает и специфику входящих в него стран, в отношении каждой из которых перед политикой США ставится отдельный ряд целей и вызовов.

Впрочем, если смотреть на проблему шире, необходимо учесть и тот факт, что подход США к Южному Кавказу как к региону определяется также и решимостью перестать «провоцировать без нужды»

Россию и стараться принимать во внимание ее интересы и влияние.
Три основные региональные тенденции:

Тенденция первая: армяно-турецкие отношения

Самая значительная региональная тенденция, воздействующая на политику США — это развитие армяно-турецких отношений посредством «футбольной дипломатии» и тонкой дипломатии с целью «нормализации» отношений между Арменией и Турцией, что предполагает установление нормальных дипломатических отношений, открытие давно закрытой турецко-армянской границы и создание специальной «межправительственной комиссии», которой будет поручена выработка решений целого ряда нерешенных двухсторонних проблем.

США попытались внедриться в этот процесс в попытке догнать Россию, изначально одержавшую на этом поприще дипломатическую победу, поощряя армяно-турецкий процесс и даже способствуя его продвижению. Догоняющая политика США объяснялась также и их недовольством и обеспокоенностью по поводу предложенной Турцией «Платформы стабильности» для региона, так как перед ее выдвиганием турецкие лидеры не только не проконсультировались с американским руководством, но даже и не поставили его в известность об этом проекте.

Кроме того, США действовали более неявно, активно участвуя в «секретных» дипломатических встречах турецких и армянских чиновников в Швейцарии, кульминацией которых стало подписание, при помощи и под значительным давлением США 22/23 апреля 2009 г. трехсторонней декларации министерств иностранных дел Армении, Турции и Швейцарии, в которой констатировалась готовность сторон к развитию отношений и сообщалось о принятии «дорожной карты» по нормализации отношений между Арменией и Турцией.

Согласно этому трехстороннему заявлению, «Турция и Армения совместно, при посредничестве Швейцарии, провели интенсивную работу с целью нормализовать двусторонние отношения и развивать их в духе добрососедства и взаимного уважения, тем самым укрепляя мир, стабильность и безопасность во всем регионе». Далее в заявлении говорится, что «стороны достигли серьезного прогресса и взаимопонимания в данном процессе и согласовали широкие рам-

ки нормализации двусторонних отношений удовлетворительным для обеих сторон образом. В этом контексте была определена «дорожная карта».

В довершение, авторы документа отмечают, что «согласованные сторонами принципы создают положительную перспективу для продолжения переговорного процесса». Данное заявление представляет собой одну из самых серьезных стратегических ошибок, когда-либо сделанных армянским правительством. Несмотря на то, что это короткое заявление из 95 слов действительно отражает возможность поистине исторического прорыва в отношениях Армении и Турции, содержащиеся в нем формулировки, а также момент его опубликования повлекли за собой ряд серьезных проблем.

Данное заявление, обнародованное за несколько дней до очередной годовщины Геноцида армян 24 апреля, создало впечатление, что Армения поддерживает попытки Турции оказывать давление на президента США Барака Обаму, с тем, чтобы он не выполнил свое предвыборное обещание признать Геноцид армян во время традиционной речи 24 апреля. Речь Обамы была воспринята как попытка оказать давление на все стороны, дабы понудить их двигаться вперед к подписанию соглашения о нормализации и не позволить процессу пойти на спад.

Влияние США было задействовано и с целью использовать «асиметрию силы» между не только Турцией и Арменией, но также между Арменией и Западом в целом. Кроме того, США, судя по всему, пытаются давить на стороны с целью достижения или хотя бы демонстрации некоторой степени прогресса в урегулировании конфликта вокруг Нагорного Карабаха, единственного «замороженного» конфликта в регионе. Попытка включить карабахский вопрос в и без того сложный процесс может лишь создать ненужные и непреодолимые препятствия для армяно-турецкого процесса.

Тенденция вторая: расширение геостратегических интересов

Очевидно, что США на данный момент руководствуются рядом широких геополитических интересов, связанных с двумя основными политическими приоритетами: стабилизацией и обеспечением безопасности Ирака и Афганистана. Исходя из этого, в политике США было поставлено несколько новых задач для каждого поля

действий. В случае Ирака было решено восстановить военные отношения с Турцией, параллельно развеивая опасения Анкары относительно возможного возникновения курдского «протогосударства» в северном Ираке; таким образом США рассчитывают обеспечить поддержку стабильности в Ираке со стороны Турции и реализовать свои планы по выводу войск из Ирака. Кроме того, готовность администрации Обамы к началу диалога с Ираном может также рассматриваться как существенный фактор разрешения проблемы стабильности и безопасности в Ираке.

В случае Афганистана проблемы у США иные, определяемые скорее военным базированием и логистическими требованиями, в частности, необходимость использования воздушного пространства и наземного сообщения через Центральную Азию и Каспийский «воздушный коридор», для чего требуются двухсторонние соглашения с несколькими странами Центральной Азии, такими, как Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и т.д., а также согласие и активное сотрудничество Азербайджана.

В этом смысле сотрудничество с Россией столь же необходимо для успешных действий США в Афганистане. С тех пор, как возникла проблема с использованием аэропорта Манас в Кыргызстане, Азербайджан приобрел большее стратегическое значение для военного планирования США, что только усилило позиции Азербайджана в политике США по отношению к Южному Кавказу.

Тенденция третья: фактор Ирана

Третья региональная тенденция, влияющая на политику США на Южном Кавказе, связана с попыткой администрации Обамы наладить отношения с Ираном и разработать новую политику, в рамках которой диалог с Ираном станет не только средством решения текущих проблем, в первую очередь касающихся набирающей обороты иранской ядерной программы, но и путем к выработке общего подхода к региональной безопасности, основанного на общих интересах.

Несмотря на то, что действия США, судя по всему, ведутся в рамках уже принятого политического решения налаживать взаимодействие с Ираном на основе общих интересов, процесс этот еще только начинается и скорее всего будет отложен до результатов президентских выборов в Иране, назначенных на июнь 2009 г. На практике, эф-

фективность такой политики значительно возрастет, если США сумеют воспользоваться двумя ключевыми факторами: исключением Ирана из турецкой региональной «платформы стабильности» и глубоким недоверием и раздражением Ирана по отношению к России.

Перспектива на 2009-2010 гг. и недостатки политики США

Поскольку каждая из описанных выше тенденций в той или иной форме влияет на политику США, перспективы США на Южном Кавказе будут определяться развитием этих тенденций. В то же время, у региональной политики США имеется пять довольно серьезных недостатков:

1. *непоследовательность*, так как американским интересам, судя по всему, недостает институционализации, что лишь усугубляется задержкой с назначением и утверждением в должности чиновников, отвечающих за принятие решений по региону. Так, за визитом в Турцию министра иностранных дел Хилари Клинтон и президента Барака Обамы в апреле 2009 г. должны последовать более конкретные и специфические политические решения, начиная от проблемы курдского сепаратизма и терроризма в Турции (о чем свидетельствуют угрозы со стороны Рабочей Партии Курдистана), до неотложной задачи развеивания вполне обоснованной обеспокоенности Турции по поводу ситуации в Ираке;
2. *низкое внимание к внутривнутриполитическим проблемам* в каждом из трех государств региона, что лишь усиливает впечатление готовности США применять двойные стандарты в сфере демократии ради достижения краткосрочных целей в сфере энергетики или безопасности;
3. *отсутствие консенсуса в вопросе о том, как быть с Грузией* после августовской войны в том, что касается как устремления Грузии в НАТО, так и растущей неустойчивости ее внутривнутриполитического поля. Более того, теперь, когда Грузия более не является основным «центром притяжения» Запада в регионе Южного Кавказа, США нужно либо создать новый механизм реализации своих интересов в отношении Грузии, либо найти в регионе новый «центр притяжения», причем так, чтобы излишне не провоцировать Россию и не создавать угроз ее позициям в регионе;

4. время прогнозов еще не пришло, но *еще немного, и будет поздно проводить существенные изменения региональной политики* на фоне растущего разочарования, пришедшего на смену серьезным ожиданиям скорейшего кардинального изменения курса США после восьми лет правления Буша, вызвавшего в регионе всеобщее недовольство и брезгливость. Теперь в ожидании перемен и новых перспектив многие обращаются к Европейскому Союзу и его программе «Восточного партнерства»;
5. *устаревшая региональная энергетическая стратегия, основанная на старых реалиях* и плохо отражающая текущие условия и потребности, что лишь обостряет отсутствие консенсуса по региональной энергетической безопасности и ставит под угрозу текущие инициативы, как, например проект газопровода «Набукко».

2008 Г.: НЕОБРАТИМОЕ ВОВЛЕЧЕНИЕ ЕВРОПЫ В ДЕЛА КАВКАЗА?

Владимир Школьников¹

Введение

2008 г. может остаться в памяти как год, в котором Евросоюз прочно и, возможно, необратимо бросил якорь на Южном Кавказе. Это не стало результатом великих замыслов или геополитических расчетов европейских лидеров. Европа стала в регионе одним из главных игроков благодаря перенапряжению и ошибкам, допущенным другими игроками — США и Россией — непосредственно до, во время и после главного события года в регионе: августовской российско-грузинской войны.

После войны Россия уже никак не может считаться нейтральным игроком на Кавказе. Соединенные Штаты же обнаружили, что их влияние в регионе не безгранично, когда на саммите НАТО в Бухаресте в апреле 2008 г. им не удалось убедить своих основных союзников в Европе в том, что наличие в Грузии сепаратистских регионов и дефицита демократии не должно стать препятствием к ее членству в НАТО². 2008-й был годом, когда августовская российско-грузинская война заставила США столкнуться с простой истиной, сформулированной израильским политологом Брендой Шаффер: «релевантная» сила России в регионе важнее, чем «релятивная» сила США³. Летом

¹ В момент написания статьи автор возглавлял европейское отделение организации «Фридом хаус». Статья написана автором в личном качестве и не отражает мнение или политику «Фридом хаус». Автор выражает благодарность Марии Болотинской за помощь в сборе материала и редактировании статьи.

² NATO: No MAP For Georgia Or Ukraine, But Alliance Vows Membership // Radio Free Europe/Radio Liberty, April 3, 2008, (<http://www.rferl.org/content/article/1079726.html>).

³ “The Caucasus and Caspian Region: Understanding United States Policy”, House Committee On International Relations, Subcommittee On Europe Testimony By Dr. Brenda Shaffer, Research Director, Caspian Studies Program, Kennedy School Of Government, Harvard University October 10, 2001. Об опасности подходов к региону, основанных на *realpolitik*, см. подробнее: *Школьников Владимир*. Политика Запада в отношении Южного Кавказа в 2007 г. Прощание с «цветными революциями», или с возвращением, Флэшмен (?) // Кавказ-2007. Ежегодник Института Кавказа. Ереван: Институт Кавказа, 2009.

2008 г. Соединенные Штаты столкнулись с тем, что не могут ни удержать своего союзника, грузинского президента Михаила Саакашвили от ввязывания в вооруженный конфликт со все более напористой Россией, ни оказать Грузии действенную помощь во время войны. Когда конфликт вспыхнул, в качестве посредника в его урегулировании на авансцену вышла Европа.

По удачному стечению исторических обстоятельств, во время августовской войны в Евросоюзе председательствовала Франция — страна, пользующаяся в регионе Южного Кавказа уважением и воспринимающаяся как сравнительно нейтральная. Франция резко увеличила политический вес ЕС в регионе, а ее президент Николя Саркози был явно полон решимости остаться в памяти потомков и установить новый стандарт председательства в ЕС.

В данной статье рассматривается роль Европы, и в частности ЕС, в урегулировании конфликтов на Кавказе, в области прав человека и демократии, а также в энергетической политике. Разумеется, такой подход ограничивает сферу рассмотрения, оставляя без внимания целый ряд вопросов. Например, ниже не анализируется кавказская политика европейских стран, не входящих в ЕС, таких, как Беларусь или Украина. Политика этих стран заслуживает отдельного исследования, поскольку сплетение отношений между бывшими советскими республиками в последние несколько лет стало весьма сложным, но при всей своей сложности эти отношения намного хуже изучены, чем отношения постсоветских стран с Западом и прочими удаленными от региона акторами. С учетом растущего влияния Евросоюза, его институционализации и все более отчетливой внешней политики, представляется оправданным рассмотрение здесь ЕС как главного европейского игрока на Южном Кавказе.

Роль ЕС в урегулировании конфликтов на Южном Кавказе

Августовская российско-грузинская война была первым вооруженным конфликтом на территории Европы в XXI в. В последнем десятилетии XX в. Евросоюз подвергся критике за неспособность разрешить вооруженные конфликты на Балканах. Российско-грузинская война, таким образом, стала экзаменом на способность ЕС урегулировать кризисы, и можно считать, что в данном случае ЕС сдал этот экзамен сравнительно успешно: было достигнуто соглашение о прекращении огня, осуществлен вывод наступавших россий-

ских войск из несепаратистской части Грузии и развернута наблюдательная миссия ЕС.

Одним из ключевых факторов, позволивших ЕС остановить вооруженный конфликт, стал тот простой факт, что в качестве председателя Совета ЕС президент Франции Николя Саркози оказался нужным человеком на нужном месте в нужное время. Можно обсуждать качество усилий по урегулированию конфликта, предпринимавшихся президентом Франции – особенно в свете очевидного несоблюдения Россией ряда положений соглашения по прекращению огня, – но это выходит за рамки данной статьи⁴. Впрочем, худший сценарий, то есть оккупацию значительной части территории Грузии российскими войсками, удалось предотвратить, и кризис удалось сдержать. Кроме того, энергичным шагам Саркози в период российско-грузинской войны просто не было альтернативы. Действующий председатель ОБСЕ, молодой министр иностранных дел Финляндии Александр Стаб попытался поучаствовать в переговорах. К сожалению, достаточно лишь взглянуть на личный блог, который Стаб ведет в Интернете, чтобы оценить его неопытность, чтоб не сказать несоответствие должности главы ОБСЕ. Легковесный председатель ОБСЕ не мог стать реальной альтернативой Саркози с его весьма искушенным и авторитетным министром иностранных дел Бернардом Кушнером. Свою роль сыграл и стиль работы. Саркози выступал здравомыслящим реалистом, умеющим говорить и с Москвой, и с Тбилиси, в противовес бездеятельности и эмоциональной риторике Вашингтона, апогеем которой стала фраза кандидата в президенты от Республиканской партии МакКейна «Мы все теперь грузины» - несоразмерный парафраз заголовка газеты «Le mond» от 12 сентября 2001 г., «Мы все теперь американцы»⁵.

Для подкрепления дипломатии ЕС решил направить в регион полевую миссию по мониторингу прекращения огня, что и было сделано, несмотря на споры по поводу ее мандата и эффективности. Этим решением был фактически подписан приговор и без того

⁴ Среди недостатков посредничества Саркози упоминали и отсутствие у него мандата Совета Европы, однако в сложившихся обстоятельствах пренебрежение бюрократическими формальностями выглядело приемлемо.

⁵ *John McCain, We Are All Georgians Now // Wall Street Journal, August 14, 2008.*

ставшей «хромой уткой» Миссии ОБСЕ в Грузии, внутри которой в разгар противостояния между Россией и Грузией разразился конфликт между главой и заместителем главы Миссии, в результате чего Миссия ОБСЕ так и не смогла согласовать внутри себя свою версию событий, приведших к августовской войне⁶.

Дипломатические шаги Саркози и направление в регион миссии ЕС сыграли важную роль и в разрушении некоторых стереотипов касательно ЕС. В частности, ЕС было принято считать неповоротливой бюрократической структурой, и было непонятно, кто в ней несет конечную ответственность за внешнюю политику: государство-председатель Европейского Совета, Верховный представитель Солана, или Комиссар по внешним сношениям⁷? Похоже, что Саркози в одиночку возвел ЕС в ранг главной структуры, занимающейся урегулированием конфликтов на Южном Кавказе, чему способствовал и упадок ОБСЕ, и тот факт, что Соединенные Штаты и без того разрывались между проблемами в Ираке и Афганистане, и им не очень хотелось выступать в роли посредника в Грузии, руководство которой они не критично поддерживали с середины 1990-х гг.

Прошедшие затем в Женеве переговоры по Грузии были, как и следовало ожидать, трудными. Как указывалось в пресс-релизе государства-председателя ЕС, «сохраняются тупиковые вопросы, и данные консультации должны продолжиться»⁸. Можно заключить, что участие ЕС в урегулировании конфликта остается значительным, и ЕС взялся не только за урегулирование, но и за пост-конфликтный мониторинг. При этом ЕС воздерживается от каких-либо высказываний, которые могли бы интерпретироваться как поддержка той или иной стороны, и тем самым сможет укрепить свою роль как посредника в урегулировании конфликтов в регионе, а,

⁶ *Marc Champion*, British Monitor Complicates Georgian Blame Game // The Wall Street Journal, December 19, 2008.

⁷ Заключение Европейского Совета можно найти по ссылке: http://www.diplomatie.gouv.fr/en/IMG/pdf/General_Affairs_and_External_Relations_meeting_August_20008.pdf Эти заключения были важны для поддержания согласия в ЕС и соблюдения формальных процедур, но в реальной работе французской дипломатии они играли лишь второстепенную роль.

⁸ http://www.diplomatie.gouv.fr/en/country-files_156/georgia_382/crisis-in-georgia_6546/georgia-discussions-in-geneva-resumed-17-18.12.08_12370.html.

возможно, также и за его пределами. Похоже, что августовская война стала своего рода водоразделом в том, что касается потенциала ЕС в сфере урегулирования конфликтов.

Напротив, урегулирование карабахского конфликта буксует, хотя пресс-релизы сопредседателей Минской группы ОБСЕ и окрашены в оптимистические тона по настоянию американского сопредседателя. Франция продолжает участвовать в карабахском урегулировании, для которого 2008 г. стал еще одним ничем не примечательным годом. Нет оснований ожидать, что роль ЕС в этом процессе будет возрастать.

Трудно доказательно утверждать, какова была роль ЕС в улучшении напряженных двусторонних отношений в другой паре региональных государств – Турция-Армения. В процессе, направленном на установление дипломатических отношений между этими странами, в 2008 г. был достигнут некоторый прогресс, символом которого стала «футбольная дипломатия». Президент Турции Абдулла Гюль и президент Армении Серж Саргсян вместе присутствовали на футбольном матче между командами двух стран, состоявшемся в Ереване в сентябре 2008 г. (и выигранном Турцией со счетом 2:0). Нельзя отрицать, что роль ЕС в этом процессе была в целом позитивной и состояла в том, что ЕС осторожно подталкивал Турцию к открытию границ с Арменией и выражал одобрение достигнутых успехов, в то же время оставляя этот вопрос за рамками переговоров с Турцией о членстве в ЕС.

Права человека и демократия

В своей статье для прошлогоднего «Ежегодника» я писал о том, как рискованно было бы Западу подходить к региону сугубо в духе *реалполитик*, а также о том, что политика Запада в сфере прав человека и демократии должна быть более последовательной⁹. И действительно, в 2008 г. Евросоюз систематизировал свою позицию по этим вопросам и более активно занимался поисками институциональных рамок, в которых он сможет восполнить дефицит демократии в регионе. Кроме того, ЕС продолжал заниматься

⁹ Школьников Владимир. Политика Запада в отношении Южного Кавказа в 2007 г. Прощание с «цветными революциями, или с возвращением, Флэшмен (?) // Кавказ-2007. Ежегодник Института Кавказа. Ереван: Институт Кавказа, 2009.

проблемами демократии и прав человека в рамках «Политики европейского соседства».

2008-й не был звездным годом в сфере прав человека в регионе, о чем свидетельствует уже одно то, что в этом году показатели всех трех стран Южного Кавказа и России в составляемых «Фридом Хаус» рейтингах «Свободы в мире» снизились по итогам как выборов во всех странах региона, сопровождавшихся нарушениями, так и конфликта в Грузии¹⁰. В 2008 г. главную роль в обсуждении конкретных проблем в сфере прав человека в регионе играл Верховный комиссар Совета Европы по правам человека Томас Хаммарберг.

Парламентская Ассамблея Совета Европы (ПАСЕ) всерьез озаботилась поствыборными беспорядками и судебными процессами в связи с так называемыми «событиями 1 марта» в Армении. Работать в формате Совета Европы Евросоюзу удобно, так как членами Совета Европы являются все страны ЕС, а также Россия, Турция и все три страны Южного Кавказа. И Парламентская Ассамблея Совета Европы, и особенно Европейский суд по правам человека – полезные инструменты. Тот же факт, что США не является членом Совета Европы, позволял Евросоюзу играть в Совете Европы лидирующую роль и избегать свойственной администрации президента Джорджа Буша непоследовательной риторики и шагов в сфере прав человека, которая проявлялась, например, в деятельности ОБСЕ.

В июле 2008 г. Хаммарберг посетил Армению и выразил озабоченность ходом расследования уголовных дел по обвинению в организации массовых беспорядков в Ереване после президентских выборов 2008 г. Именно благодаря усилиям Хаммарберга острые вопросы прав человека в регионе оставались на повестке дня Евросоюза. ПАСЕ оказывала на Армению давление, требуя решить проблемы, возникшие в результате событий 1 марта, и в случае отсутствия прогресса в этом направлении угрожала лишить ар-

¹⁰ Оценку положения в сфере демократии и прав человека можно найти в изданиях: «*Freedom in the World 2009*» по адресу <http://freedomhouse.org/template.cfm?page=21&year=2009> и «*Nations in Transit 2009*» по адресу http://www.freedomhouse.eu/index.php?option=com_content&view=article&id=242:nations-in-transit-2009&catid=30&Itemid=92.

мянскую делегацию права голоса. Здесь необходимо подчеркнуть, что позиция Совета Европы по этому вопросу выглядела очень объективной. Например, оказывая серьезное давление на руководство Армении, ПАСЕ в то же время не позволяла себе ни малейшего намека на поддержку бывшего президента Левона Тер-Петросяна или его заявлений о том, что реальным победителем на февральских президентских выборах 2008 г. был он, а не Серж Саргсян.

Однако главным объектом внимания Хаммарберга в 2008 г. стала Грузия и ситуация с правами человека, сложившаяся там после конфликта с Россией. В 2008 г. Верховный комиссар Совета Европы трижды посетил регион российско-грузинского конфликта (Владикавказ, Цхинвали, Гори, Тбилиси и Москву 22-29 августа 2008 г.; Тбилиси, Гори, Цхинвали и Ахалгори 25-27 сентября 2008 г.; Тбилиси, Цхинвали и Гори 12-14 ноября 2008 г.), где встречался с официальными лицами, в том числе лидерами Южной Осетии Коккойты и Чочиевым, и обсуждал в деталях положение лиц, перемещенных в результате конфликта. Кроме того, Совет Европы играл важную роль в продвижении реформ в Грузии. Например, Венецианская комиссия Совета Европы принимала серьезное участие в реформе грузинской юстиции, в результате чего в начале 2009 г. в Грузии было объявлено о введении на экспериментальной основе судов присяжных.

Особенный интерес представляют заявления Евросоюза по выборам, проходившим в регионе. Во-первых, эти заявления показывают, что вопреки бытующим представлениям, ЕС иногда занимает позицию, идущую вразрез с его интересами с точки зрения *реалполитик*, например, в том, что касается доступа к энергоресурсам. Во-вторых, ЕС оценивал региональные выборы более критично, чем США, и чем ОБСЕ, в последнее время явно переживающая спад.

Оценивая первые выборы 2008 г. на Кавказе, Евросоюз выразил согласие с позитивной оценкой прошедших 5 января выборов президента Грузии, совместно обнародованной четырьмя группами наблюдателей (БДИПЧ ОБСЕ, Парламентской ассамблеей ОБСЕ, ПАСЕ и Европарламентом). При этом глава наблюдательной миссии БДИПЧ немецкий дипломат Дитер Боден как бы дистанцировался от официального заявления, заявив в газетном интервью, что выборы сопровождались массовыми фальсификация-

ми¹¹. Наблюдатели от перечисленных выше четырех организаций продолжили исторически наметившуюся тенденцию этих структур сомнительным заявлениям по выборам, дав позитивную оценку армянским президентским выборам в феврале 2008 г., в то время как на улицах Еревана уже начинались беспорядки. ЕС тоже опубликовал поздравительное заявление с той же формулировкой, что и заявление Международной наблюдательной миссии – о том, что выборы в основном соответствовали международным стандартам¹². Впрочем, всего неделю спустя ЕС был вынужден опубликовать заявление, в котором выражалась озабоченность по поводу поствыборных событий, а затем еще ряд заявлений, где говорилось, что Евросоюз внимательно следит за соблюдением свободы ассоциаций в Армении. Сделанное ЕС в мае 2008 г. заявление по парламентским выборам в Грузии было сдержанным и скорее подчеркивало недостатки, а не достоинства прошедших выборов. ЕС более всего опасался развития поствыборных событий в Грузии по армянскому сценарию и в своем заявлении призвал «все политические силы уважать результаты выборов и вступить в конструктивный диалог между правительством и оппозицией, с тем, чтобы достичь согласия о пути движения вперед в интересах страны. Учитывая важность стабильности в Грузии и в регионе, мы призываем все вовлеченные в этот процесс политические партии уважать принцип верховенства закона и прибегать лишь к демократическим мирным средствам для разрешения политических противоречий»¹³.

Совместное заявление ПАСЕ, БДИПЧ и Европарламента о том, что почти безальтернативные президентские выборы в Азербайджане в октябре 2008 г. продемонстрировали «значительный прогресс»,

¹¹ Frankfurter Rundschau. January 9, 2008.

¹² О недовольстве местных аналитиков заявлениями международных наблюдателей по поводу выборов на Южном Кавказе начиная еще с 1990 гг., см. подробнее: *Ив-лиан Хаиндрава*, Широко закрытые глаза. Выборы на Южном Кавказе и международные наблюдатели // «Гранат: Демократия и многообразие на Кавказе», Апрель 2003. С.9-13. Заявление ЕС по выборам в Армении, см.: http://www.eu2008.si/en/News_and_Documents/Statements_in_International_Organisations/February/0228OSCE_Armenia.html.

¹³ http://www.delvie.ec.europa.eu/en/eu_osce/eu_statements/2008/May/PC%20no.714%20-%20EU%20on%20elections%20in%20GEO.pdf.

многих, мягко говоря, озадачило, а у правозащитных организаций, таких, как «Фридом Хаус», вызвало бурю негодования¹⁴.

Спикер госдепартамента США немедленно поддержал неадекватное заявление ОБСЕ. В заявлении госдепа говорилось: «Мы поздравляем азербайджанский народ с прошедшими выборами. На нынешних выборах наблюдались улучшения по сравнению с предыдущими»¹⁵.

Примечательно, что Евросоюз, в предшествующие выборам месяцы сделавший ряд заявлений, где выражалась озабоченность положением со свободой СМИ в Азербайджане, считал нужным дистанцироваться от позиции ОБСЕ и США, проигнорировав заключение международной наблюдательной миссии и вместо этого осудив ход проведения выборов в стране, стратегически важной для ЕС в плане энергетических ресурсов. В заявлении ЕС указывалось, что выборы «не соответствовали международным стандартам, в частности, в том, что касается организации публичных дебатов, хода голосования и подсчета голосов»¹⁶. По поводу этого заявления ЕС посол Азербайджана выступил с гневной отповедью в Постоянном Совете ОБСЕ; автор этих строк присутствовал при его выступлении, нарушившем обычно столь ровный и однообразный ход заседаний этой структуры.

Если БДИПЧ и далее будет выступать с заявлениями, столь явным образом не соответствующими реальности, ЕС окажется в сложном положении, поскольку в страны ОБСЕ, в отличие от остального мира, он не посылает собственных наблюдательных миссий, полагаясь в этом вопросе на БДИПЧ.

Позицию ЕС по вопросам прав человека и демократии в 2008 г. можно оценить как серьезную, хотя и сдержанную. В этой сфере Евросоюз предпочитал полагаться на институты, которым он доверяет, в первую очередь на Совет Европы, а также на постоянное дипломатическое давление. В случае Армении этот подход был ре-

¹⁴ Пресс-релиз «Фридом Хаус» *“Azerbaijan Vote Underscores Democratic Deficit”* см. http://www.freedomhouse.hu/index.php?option=com_content&view=article&id=211:azerbaijan-vote-underscores-democratic-deficit&catid=17&Itemid=109.

¹⁵ Пресс-релиз Госдепартамента США от 16 октября 2008 г. по поводу брифинга Шона МакКормака, см. <http://2001-2009.state.gov/r/pa/prs/dpb/2008/oct/111013.htm>. См. также «Выборы в Азербайджане прошли лучше, чем предыдущие»: Госдепартамент США // ИА Регнум, 17.10.2008 <http://www.regnum.ru/news/1070923.html>.

¹⁶ [http://www.delvie.ec.europa.eu/en/eu_osce/eu_statements/2008/October/PC%20no.736%20-%20EU%20on%20elections%20in%20AZE%20\(EN\).pdf](http://www.delvie.ec.europa.eu/en/eu_osce/eu_statements/2008/October/PC%20no.736%20-%20EU%20on%20elections%20in%20AZE%20(EN).pdf).

зультативным: Армения ослабила ограничения на свободу собраний, введенные после событий 1 марта, и поддавалась давлению ПАСЕ в том, что касалось процессов над арестованными сторонниками бывшего президента Тер-Петросяна, хотя к концу года часть из них так и не была освобождена из-под стражи¹⁷.

В этом контексте заслуживает упоминания и институт Спецпредставителей ЕС. В сентябре 2008 г. французский дипломат Пьер Морель был назначен Специальным представителем ЕС по кризису в Грузии, с тем, чтобы представлять ЕС на переговорах в Женеве¹⁸. Это позволило Питеру Семнеби, Специальному представителю ЕС на Южном Кавказе, продолжать делать заявления касательно событий во всех трех южнокавказских странах. Хотя теоретически и за урегулирование конфликта, и за слежение за внутривнутриполитическими событиями мог бы отвечать один и тот же человек, в таком случае задача урегулирования конфликта могла бы оказаться приоритетнее, чем соблюдение прав человека. Наглядным примером такого столкновения приоритетов стала позиция заместителя помощника Госсекретаря США по делам Европы и Евразии Мэтью Брайзы, который, будучи одновременно сопредседателем Минской группы ОБСЕ от США и представителем США на переговорах в Женеве, был, судя по всему, не склонен ставить перед руководством стран Южного Кавказа вопросы прав человека и демократии. Отделив мандат на урегулирование конфликта от функций Спецпредставителя на Южном Кавказе, Евросоюз оставил Семнеби пространство для маневра и возможность поднимать вопросы прав человека.

В ближайшие годы одной из задач ЕС станет преодоление глубокого ценностного разрыва между ЕС и странами Южного Кавказа. Очевидно, что лидеры южнокавказских государств, на словах провозглашая приоритетность демократии и прав человека, на деле укрепляют исполнительную ветвь власти в ущерб законодательной и судебной и вовсе не стремятся укреплять гражданское общество или проводить прозрачные и свободные выборы. В арсенале Евросоюза нет таких инструментов, которые можно было бы обусловить соблюдением тех или иных норм, тем самым наказывая страны-партнеры за не-

¹⁷ См. <http://www.osce.org/item/34770.html>.

¹⁸ НПО выразили обеспокоенность тем, что это назначение отвлечет Мореля от деятельности в качестве Спецпредставителя ЕС в Центральной Азии.

демократичность, как это делалось в рамках американской программы «Вызовы тысячелетия». Европейский суд по правам человека, который теоретически мог бы быть эффективным инструментом защиты прав человека, завален делами из России и других постсоветских стран, и на деле его эффективность ограничена.

Особенной проблемой для Евросоюза стала ситуация с правами человека в Азербайджане — стране, на глазах превратившейся в династическую автократию и пренебрегающей данными ею международными обязательствами в сфере прав человека. Возможность рассмотрения дел из Азербайджана в Европейском суде по правам человека остается сугубо теоретической, поскольку азербайджанские адвокаты под давлением государства избегают подачи дел в Европейский суд, а политическая оппозиция в стране крайне ослаблена. Режим Ильхама Алиева станет пробным камнем для тех сил в Евросоюзе, которые хотели бы, чтобы демократия и права человека легли в основу отношений ЕС со странами Южного Кавказа. При всем том, растущее внимание Евросоюза к вопросам демократии и прав человека в странах Южного Кавказа должно стать предупреждением лидерам всех трех стран, выразившим серьезную заинтересованность в углублении связей с ЕС.

Энергетика

В 2008 г. вопросы энергетики отошли на второй план по сравнению с войной в Грузии и выборами. Строительство трубопровода Баку-Тбилиси-Джейхан завершилось, и все больше внимания уделялось природному газу. В отличие от вопросов урегулирования конфликтов, прав человека и демократии, к проблемам энергетики в ЕС нет единого подхода. Страны-члены ЕС явно предпочитают вести двустороннюю дипломатию по поводу поставок природного газа. Столь нескоординированный подход имеет много недостатков и ослабляет роль ЕС на Южном Кавказе и в бывшем СССР в целом¹⁹. Отсутствие единой стратегии в вопросах энергетики затрудняет и ведение внешней политики ЕС. Самый известный пример несогласованных действий стран ЕС в этой сфере — это попытки отдельных стран по отдельности решать проблемы поставок газа с Россией, а также конку-

¹⁹ См. например, *Pierre Nouf*, *Beyond Dependence: How To Deal With Russian Gas* // European Council on Foreign Relations Policy Brief; http://ecfr.3cdn.net/c2ab0bed62962b5479_ggm6banc4.pdf.

рирующие проекты трубопроводов с участием России. На Южном Кавказе отсутствие у ЕС единой энергетической политики дополнительно укрепило позиции Азербайджана в сфере энергетики.

Различные страны ЕС поддерживают конкурирующие проекты трубопроводов в регионе. Некоторые страны ЕС, в особенности Италия, продолжают полагаться на поставки газа из России и лоббировать проект «Южный поток»²⁰. В 2008 г. Болгария, Греция и Венгрия подписали с Россией различные соглашения, обеспечивающие реализацию данного проекта. Впрочем, имеется интерес и к азербайджанскому газу, для поставок которого предлагается построить трубопровод «Набукко» через Грузию, Турцию, Болгарию, Румынию и Венгрию в Чехию, Австрию и Германию. В 2008 г. Евросоюз затратил некоторые дипломатические усилия на подготовку саммита «Набукко» в Бухаресте, а Болгария стала первой страной ЕС, подписавшей с Азербайджаном договор о поставке природного газа по «Набукко». Впрочем, вопрос о финансировании «Набукко» так и не был решен, а жизнеспособность проекта зависит от поставок газа не только из Азербайджана, но и из Туркменистана, по ставшему предметом споров дну Каспия и через Иран, что на данном этапе политически нереально. Некоторые аналитики высказали сомнения в том, насколько осмыслен проект «Набукко». По их мнению, если ЕС станет проводить скоординированную газовую стратегию, соединяя европейские газопроводы в единую сеть и все больше полагаясь на подземные хранилища, то необходимость строить «Набукко» вообще отпадет. Даже в том маловероятном идеальном случае, если правовой статус Каспия будет урегулирован, а в отношениях между Ираном и Западом произойдет разворот на 180°, Европа будет получать по «Набукко» лишь 6% необходимого ей газа, и, таким образом, новый газопровод не оправдает себя экономически²¹.

В ближайшие годы ЕС необходимо разработать политику и экономическую стратегию в отношении газопроводов. Пока это не сле-

²⁰ Роль Италии в проекте «Южный поток» схожа с позицией Германии в отношении проекта «Северный поток». Германии в этом контексте противостоят Швеция, Польша и страны Балтии.

²¹ Пьер Ноэль, цит. по *Christian Kim*, Europe's Gas Opera: http://www.huffingtonpost.com/the-morningside-post/europes-gas-opera_b_171197.html и *Nick Iliev*, The Nabucco Alternative, http://sofiaecho.com/2009/01/16/666084_the-nabucco-alternative.

лано, Евросоюзу стоит хотя бы не вести себя в энергетике в духе «игры с нулевой суммой», как это делают некоторые игроки, противопоставляя «Набукко» и «Южный Поток». Кроме того, Евросоюз не должен позволять энергетическим интересам подрывать свои позиции в сфере урегулирования конфликтов и прав человека. В 2008 г. Евросоюз не дал энергетике стать доминантой в своей политике. Однако к концу 2008 г. проблемы с поставкой газа в некоторые регионы Европы обострились, так что энергетическая безопасность вполне может стать главной темой на повестке дня ЕС на 2009 г., и тогда Южный Кавказ сохранит свое стратегическое значение для ЕС.

Взгляд в будущее: «Восточное партнерство» как новые рамки

В условиях неурегулированных конфликтов на Кавказе и выборов, проводящихся с нарушениями, страны ЕС договорились установить новые рамки отношений с постсоветскими странами, лежащими к западу от Урала: Беларусью, Молдовой, Украиной и тремя странами Южного Кавказа. Идея «Восточного партнерства», выдвинутая Швецией и Польшей, очень проста: в силу своего географического положения, эти шесть стран потенциально могут стать членами ЕС, и потому работать с ними нужно иначе, чем с остальными участниками «Европейской политики соседства».

В 2008 г. многие аспекты «Восточного партнерства» оставались недоработанными. Впрочем, «Восточное партнерство», судя по всему, образует более удачные стратегические рамки вовлечения в регион, чем те, что были созданы вокруг НАТО, с ее упором на военную составляющую, и в случае с Грузией (и Украиной) оказались неудачными. На саммите НАТО 2008 г. в Бухаресте ряд ключевых стран ЕС выступили против инициативы Джорджа Буша-младшего по принятию Грузии (и Украины) в НАТО, на том основании, что приверженность этих двух стран ценностям НАТО не убедительна, а на плечи НАТО тяжким бременем ляжет необходимость гарантировать их безопасность в случае конфликтов, чему свидетельством российско-грузинская война. Новые рамки, созданные на основе ЕС, а не НАТО, не представляют такой угрозы для России, смягчают различия между странами региона и в будущем могут стать удобным механизмом решения общих проблем.

Если оно состоится, «Восточное партнерство» станет еще одним способом институционализации внешней политики ЕС. Созревая

как серьезный актер международного масштаба, ЕС проходит путь институционализации, который, впрочем, в случае Южного Кавказа не обязательно решит все проблемы взаимодействия с этим регионом. Главный водораздел между ЕС и странами «Восточного партнерства» проходит по линии ценностей. Отдавая себе в этом отчет, ЕС все же не хочет признать, что различие именно в системе ценностей, а не в сфере экономики или конфликтов, является наиболее серьезным препятствием к настоящему партнерству со странами этого региона. Ни на Южном Кавказе, ни в остальном «Восточном партнерстве» попросту не разделяют взгляды ЕС в области демократии, правосудия и прав человека. И хотя «Восточное партнерство» не было задумано как структура в сфере прав человека или демократии, Евросоюз всегда рассматривал принятие новых членов как свой самый серьезный, убедительный и масштабный проект демократизации.

И хотя ЕС в глобальном масштабе понемногу наращивает свой инструментарий поддержки прав человека и демократии, проекту «Восточное партнерство» еще предстоит продемонстрировать, в какой степени надежда на возможное вступление в ЕС, пусть и самая смутная, может повлиять на развитие бывших советских республик. Как бы ни разворачивался в дальнейшем проект «Восточное партнерство», 2008 г., вполне возможно, запомнится как тот год, когда Евросоюз впервые всерьез пришел на Южный Кавказ. Хотя для этого и потребовалось трагическое событие – августовская война между Россией и Грузией, – главное, что Евросоюз стал на Южном Кавказе одним из важнейших игроков, и осознал, что уменьшение его присутствия здесь, не говоря уже об уходе, может создать угрозу безопасности всего региона.

ОБ АВТОРАХ

- Бюлент Арас** – декан факультета международных отношений Университета Исик, сотрудник исследовательского центра SETA, Стамбул-Анкара
- Сергей Арутюнов** – руководитель отдела Кавказа Института этнологии и антропологии Российской Академии Наук, Москва
- Ричард Гирагосян** – директор Армянского центра национальных и стратегических исследований, Ереван
- Георгий Гогсадзе** – социолог, Тбилиси
- Сурен Золян** – ректор Ереванского государственного лингвистического университета им. В.Брюсова, Ереван
- Александр Искандарян** – директор Института Кавказа, Ереван
- Сергей Минасян** – руководитель отдела политических исследований Института Кавказа, Ереван
- Гиа Нодиа** – директор Кавказского Института мира, демократии и развития, Тбилиси
- Давид Петросян** – политический аналитик информационного центра «Ноян Тапан», Ереван
- Георгий Санадзе** – социолог, Тбилиси
- Владимир Школьников** – глава Европейского отделения «Фридом Хаус», Будапешт
- Арутюн Хачатрян** – аналитик Информационного центра «Ноян Тапан», Ереван
- Ариф Юнусов** – руководитель департамента конфликтологии и миграции Института мира и демократии, Баку

ИЗДАНИЯ ИНСТИТУТА КАВКАЗА

(до 2008 г. — КИСМИ — КАВКАЗСКИЙ ИНСТИТУТ СМИ)

Искандарян А., Минасян С. Прагматичность политики сквозь реалии исторических ограничений: анализируя армяно-турецкий процесс. *Аналитические доклады Института Кавказа, №1, январь 2010.* — Ер.: Институт Кавказа, 2010. — 59 с.

ISBN 978-99941-2-341-4 на русском яз.

ISBN 978-99941-2-340-7 на английском яз.

Первый номер Аналитических докладов Института Кавказа (на русском и английском языках), посвященный исследованию армяно-турецкого процесса, открывает серию работ по освещению наиболее актуальных и значимых проблем общественно-политического и социально-экономического развития Армении и всего региона Южного Кавказа. Основная задача доклада — выявить ключевые параметры и тренды в рамках армяно-турецких отношений, фокусируясь не на фактах и хронологии последних лет, которые общеизвестны и многократно обсуждены, а на политических, социальных, ментальных и исторических факторах, влияющих на данный политический процесс в целом, а также проанализировать логику его системной взаимосвязи. Доклад представляет интерес как для специалистов-политологов, так и для широкого круга читателей.

Дятлов В., Мелконян Э. **Армянская диаспора: очерки социокультурной типологии.** — *Ред. А.Искандарян. Ер.: Институт Кавказа, 2009.* — 207 с.

ISBN 978-99941-2-321-6

Монография представляет собой плод совместной работы двух ученых — специалиста по теории диаспор В.Дятлова и специалиста по истории армянской диаспоры Э.Мелконяна. На материале армянской диаспоры в монографии рассматривается диаспора как явление. Опираясь на богатую историческую и социологическую базу, авторы делают подробный анализ зарождения и динамики развития армянской диаспоры и выявляют особенности жизнедеятельности армянских общин в различных странах мира. Монография представляет интерес как для специалистов в сфере диаспорологии, так и для широкого круга читателей.

Кавказ-2007. Ежегодник Института Кавказа. - Ред. А.Искандарян. Ереван, Институт Кавказа, 2009. — 256 с.

ISBN 978-99941-2-219-6

Пятый выпуск Ежегодника посвящен итогам 2007 г. на Кавказе. В основу сборника легли доклады, сделанные учеными из Азербайджана, Армении, Грузии, Турции, России и США на Ежегодной конференции Института Кавказа в мае 2008 г. Статьи сборника посвящены различным аспектам жизни Южного и Северного Кавказа в 2007 г.; в них отражена общая динамика политических и социально-экономических процессов на Кавказе, описано положение в сфере региональной безопасности, проанализированы перспективы конфликтного урегулирования.

Авторы:

Р.Раджабов, А.Искандарян, А.Гегешидзе, Г.Гогсадзе, Д.Петросян, С.Минасян, Т.Джрбашян, Д.Арутюнян, Д.Малышева, М.Айдын, С.Маркедонов, В.Школьников, А.Касаев

Кавказское соседство: Турция и Южный Кавказ. — Ред. А.Искандарян. Ереван, Институт Кавказа, 2008. — 171 с.

ISBN 978-99941-2-180-9 на русском яз.

ISBN 978-99941-2-220-2 на английском яз.

Сборник Института Кавказа посвящен роли Турции, а также признанных и непризнанных государств Южного Кавказа в процессах региональной интеграции и урегулирования имеющихся в регионе этнополитических конфликтов. В основу аналитических статей легли доклады, сделанные независимыми экспертами из Турции, Азербайджана, Армении, Грузии, Абхазии, Нагорного Карабаха и Южной Осетии, на конференции, организованной Институтом Кавказа в Стамбуле 1-4 августа 2008 г.

Авторы:

А.Искандарян, Д.Гоксел, Х.Гаджи-заде, Г.Тер-Габриелян, И.Хиндрава, С.Минасян, Р.Мусабеков, М.Маилян, П.Закареишвили, К.Дзугаев, В.Шария, А.Горгулу

Кавказ-2006. Ежегодник КИСМИ. – Ред. А.Искандарян. Ереван, КИСМИ, 2008. – 314 с.

ISBN 978-99941-2-090-2

Четвертый выпуск Ежегодника посвящен итогам 2006 г. на Кавказе. В основу сборника легли доклады, сделанные учеными из Азербайджана, Армении, Грузии, России и США на ежегодной конференции КИСМИ в мае 2007 г. Основную часть выпуска составляют аналитические материалы, посвященные различным аспектам жизни Южного и Северного Кавказа в 2006 г. В статьях показана общая динамика политических и социально-экономических процессов на Кавказе, описана ситуация в сфере региональной безопасности, проанализированы перспективы конфликтного урегулирования. В приложениях – краткая хронология, библиография книг о Кавказе, географические карты и список интернет-ресурсов.

Авторы:

А.Юнусов, М.Мухелишвили, Г.Жоржолиани, Г.Арутюнян, С.Арутюнов, А.Егизарян, Д.Петросян, С.Минасян, Р.Гирогосян, С.Маркедонов, А.Искандарян

Кавказ-2005. Ежегодник КИСМИ. – Ред. А.Искандарян. Ереван, КИСМИ, 2007. – 195 с.

ISBN 978-99941-2-064-2

Третий выпуск Ежегодника КИСМИ посвящен итогам 2005 г. на Кавказе. В основу сборника легли доклады, сделанные учеными из Азербайджана, Армении, Грузии, России и Турции на ежегодной конференции КИСМИ в апреле 2006 г. Основную часть выпуска составляют аналитические материалы, посвященные различным, в первую очередь политическим, аспектам жизни Южного и Северного Кавказа в 2005 г. В приложении имеется хронология, статистические данные об экономической ситуации и военно-политическом балансе сил в регионе, библиография книг о Кавказе, географические карты и интернет-ресурсы.

Авторы:

А.Искандарян, А.Крылов, Л.Бакрадзе, Д.Петросян, Т.Саркисян, А.Цуциев, А.Цыганок, В.Кауфман, А.Цинкер.

Минасян С. Этнические меньшинства Грузии: потенциал интеграции на примере армянского меньшинства страны. — Ереван, КИСМИ и Союз общественных организаций «Еркир», 2006. — 172 с.

ISBN 99941-2-053-0 на русском яз.

ISBN 99941-2-058-1 на армянском яз.

ISBN 99941-2-058-1 на английском яз.

ISBN 99941-2-066-6 на французском яз.

ISBN 99941-2-065-9 на грузинском яз.

Работа посвящена анализу ситуации с защитой прав человека и этнических меньшинств Грузии, поиску перспектив их интеграции в общественно-политическую и культурную жизнь страны. Исследуются существующие правовые рамки, регулирующие данную проблему, в том числе исходя из международно-правовых обязательств, и практика их реальной политической реализации в современной Грузии. На примере армянонаселенного региона Самцхе-Джавахети делается попытка выработки механизмов и рекомендаций для достижения компромисса между сохранением самобытности, языка и культуры меньшинств и предоставлением им реальных политических прав, с одной стороны, и их дальнейшей гражданской интеграцией — с другой.

Научный редактор: А.Искандарян

Редакторы: Г.Харатян, Н.Искандарян, Р.Татоян

Кавказ-2004. Ежегодник КИСМИ. — Ред. А.Искандарян. Ереван, КИСМИ, 2006. — 359 с.

ISBN 99941-2-028-x

Второй выпуск Ежегодника КИСМИ посвящен итогам 2004 года на Кавказе. В основу сборника легли доклады, сделанные учеными из Азербайджана, Армении, Грузии, России и Турции на ежегодной конференции КИСМИ в апреле 2006 г. Основную часть выпуска составляют аналитические материалы, посвященные различным, в первую очередь, внутренне- и внешнеполитическим аспектам жизни Южного и Северного Кавказа. В Ежегоднике делается попытка показать общую динамику событий, политическое и экономическое развитие признанных и непризнанных государств Кавказа в указанный период, анализируется перспектива процессов по урегулированию региональных конфликтов. В приложении приво-

дятся хронология, статистические данные, списки книг о Кавказе, географические карты и интернет-ресурсы.

Авторы:

А.Искандарян, А.Юнусов, Г.Арешидзе, С.Золян, Л.Арутюнян, А.Хачатрян, С.Арутюнов, М.Баснукаев, А.Скаков, И.Торбаков, Д.Петросян.

Постсоветские СМИ: от пропаганды к журналистике. – *Ред. Н.Искандарян.* Ереван, Кавказский институт СМИ, 2005. – 192 с.

ISBN 99941-2-014-x

Публикация представляет роль СМИ в странах бывшего СССР и Восточной Европы. Большая часть статей в книге написаны журналистами и специалистами по СМИ, которые приняли участие в конференции на эту тему осенью 2003 года в Ереване. Некоторые статьи для издания написаны европейскими специалистами по СМИ, которые сфокусировали свои исследования на развитии постсоветских СМИ в посттоталитарной обстановке. В первой главе исследователи СМИ подвергают анализу то, как социальный переход воздействует на роль и функциональность постсоветских СМИ, останавливаясь на таких аспектах, как общественное доверие в области новостевой журналистики, представление соотношения факт/комментарий в новостях, влияние Интернета, состояние создания социальных сетей и собственность на СМИ. Во второй главе журналисты из различных стран и регионов представляют развитие и текущие проблемы своих стран в последнем десятилетии. Экономические трудности, устаревшая учебная система, тоталитарное наследие, низкий журналистский опыт и практика и общее разочарование - основные проблемы СМИ на всем постсоветском пространстве. В третьей главе делается попытка понять способы, которыми постсоветские правительства оказывают давление на журналистов и журналистику.

Авторы:

С.Бондаренко, Л.Грибал, И.Гусейнова, М.Дурдыева, И.Костриченко, Р.Мелоян, М.Мухелишвили, Р.Лани, А.Сухов, А.Хамагаев, А.Харченко, В.Четерян, Д.Шмидт

Диаспора, нефть и розы. Чем живут страны Южного Кавказа. – Ереван, Фонд Генриха Бёлля и Кавказский институт СМИ, 2005. – 214 с.

ISBN 99930-78-74-3

Главная идея издания – составить представление о том, чем живет и в каком направлении развивается постсоветский Южный Кавказ. Для этого было решено собрать под одной обложкой работы ученых из Азербайджана, Армении и Грузии, и таким образом получить разностороннюю и максимально непредвзятую картину внутривнутриполитического развития каждой из южнокавказских республик, а в результате – образ региона в целом. Вынесенные в заголовок «ключевые слова» – диаспора, нефть и розы – отражают наиболее распространенные представления о том, на что опираются южнокавказские страны в своем развитии: Армении помогает ее обширная диаспора, Азербайджан зарабатывает на нефтяном проекте, а Грузия сделала громадный шаг вперед благодаря «революции роз». Диаспора, нефть и розы стали неотъемлемой частью имиджа соответственных стран. Разобраться, где кончаются имиджи и начинаются реалии – одна из задач данного издания.

В 2005 г. Фонд Генриха Бёлля опубликовал немецкое издание книги под заголовком *Diaspora, Öl und Rosen. Zur innenpolitischen Entwicklung in Armenien, Aserbaidtschan und Georgien* («Диаспора, нефть и розы. О внутривнутриполитическом развитии Армении, Азербайджана и Грузии»). В русское издание внесены небольшие изменения и уточнения.

Авторы: А.Абасов, С.Багиров, Р.Бадалов, Т.Джуварлы, З.Мамедли, Р.Мусабеков, А.Карагулян, А.Искандарян, Н.Искандарян, Э.Мелконян, Р.Мелоян, А.Татевосян, А.Хачатрян, Д.Бердзенишвили, Р.Гоциридзе, Д.Дарчиашвили, О.Канделаки, Д.Усупашвили, И.Хаиндрава, Л.Хомерики

Кавказ-2003. Выборный год. Ежегодник КИСМИ. – Ред. А.Искандарян. Ереван, КИСМИ, 2005. – 231 с.

ISBN 99930-78-73-5

Издание представляет собой пилотный выпуск Ежегодника, посвященный наиболее важным событиям и тенденциям 2003 года на Южном и Северном Кавказе. В основу аналитических материалов первого выпуска легли доклады, сделанные на международной конференции «Кавказ-2003», прошедшей в Ереване весной 2004 года. Авторы подытоживают важный для Кавказа выборный 2003 год с различных точек зрения: внутри- и внешнеполитической, экономической, этнологической, религиозной.

Ежегодник адресован широкому кругу читателей. В него включены как справочные материалы о текущем положении на Кавказе (например, хронология 2003 г. на Южном и Северном Кавказе), так и общие сведения о регионе (в т.ч. географические карты).

Авторы: А.Агаджанян, С.Арутюнов, А.Дарбинян, К.Дзугаев, А.Искандарян, О.Канделаки, И.Кузнецов, Д.Ованесян, Д.Петросян, Д.Фурман, И.Хаиндрава

Религия и политика на Кавказе. Материалы международной конференции. – Ред. А.Искандарян. – Ереван, КИСМИ, 2004. - 120 с.

ISBN99930-78-42-5

В сборник вошли доклады, сделанные на международной конференции «Религия и политика на Кавказе», состоявшейся в КИСМИ в 2003 году. Статьи касаются самых острых проблем региона в области религии и политики: радикальных исламских течений на Северном Кавказе, деятельности православных пуристов и антиэкуменистов в Грузии, исламского возрождения в Азербайджане, религиозно-политических разногласий внутри армянской диаспоры и их переноса в Армению, превращения православия в государствообразующую религию в поликонфессиональной России.

Сборник рассчитан на широкий круг читателей, в частности журналистов, освещающих эти проблемы в своей каждодневной работе, а также на всех, кто интересуется Кавказом и ролью религии в политике (и наоборот) в современном мире.

Авторы: Т.Светоховский, Э.Мелконян, И.Хаиндрава, Д.Фурман, К.Каарияйнен, А.Искандарян, С.-М.Хасиев

Кавказ-Россия: миграция легальная и нелегальная. – *Ред. А.Искандарян.* - Ереван, КИСМИ, 2004. - 160 с.

ISBN 99930-78-37-9

Издание представляет собой исследование положения мигрантов с Кавказа в Российской Федерации - их адаптации, трудоустройства, статуса, социального положения, реакции принимающего сообщества, дальнейших миграционных планов.

Статьи сборника написаны российскими социологами, принимавшими участие в исследовании незаконной миграции, проведенном московской исследовательской программой Международной организации по миграции в 2001-2002 гг. в двенадцати регионах России. Результаты исследования представляют большой интерес и для российских специалистов, и для тех, кто изучает миграцию на Южном Кавказе - как взгляд на миграцию с другой стороны, с позиции принимающего сообщества.

Авторы: Г.Витковская, Д.Полетаев, Е.Тюрюканова, Е.Красинец

Миграции на Кавказе. Материалы конференции. – *Ред. А.Искандарян.* - Ереван, КИСМИ, 2003. - 132 с.

ISBN 99930-78-30-1

Издание содержит материалы, представленные на международной конференции по миграции на Кавказе. В центре внимания ученых и журналистов лежит роль миграций в жизни обществ Южного и Северного Кавказа. Авторы подводят итог завершившегося периода вынужденных миграций и обсуждают особенности новой миграционной волны, преимущественно экономического характера. Статьи сборника посвящены таким неизменно актуальным проблемам, как формирование этнических диаспор, адаптация беженцев, маятниковая миграция и гастарбайтерство.

Авторы: Л.Арутюнян, Г.Витковская, В.Дятлов, А.Искандарян, Э.Мелконян, Г.Погосян, Г.Сванидзе, Д.Сванидзе, А.Скаков, Л.Хоперская

Викен Четерян. Малые войны и большая игра. - Ереван, КИСМИ, 2003. - 132 с.

ISBN 99930-78-25-5

В монографии анализируется ситуация на постсоветском Северном и Южном Кавказе, причины и участники вооруженных конфликтов, их возможные последствия для региона и место на мировой арене. Рассматривая кавказский регион в целом, автор выявляет потенциальные источники напряженности и основные тенденции развития. Издание предназначено для журналистов и широкого круга читателей. В приложении имеются географические карты конфликтных зон, хронологические таблицы, данные о национальном составе и численности вооруженных сил кавказских республик.

Постсоветский Южный Кавказ. Библиография и обзор публикаций по социальным и политическим наукам. Россия, Армения, Азербайджан, Грузия. 1991-2001 гг. — Ред. А.Искандарян. — Москва, 2002. — 138 с.

ISBN 5-94398-007-5

Издание представляет собой сборник аналитических статей, описывающих ситуацию в научном кавказоведении России и в трех странах Южного Кавказа, и библиографических списков публикаций по кавказоведению, вышедших в этих странах с 1991 по 2001 г. Статьи снабжены диаграммами, иллюстрирующими тенденции в книгоиздании по данной тематике. Издание подготовлено Кавказским институтом СМИ, предназначено для ученых-кавказоведов, журналистов, широкого круга читателей, интересующихся данной проблематикой.

Авторы-составители: Д.Малышева (Россия), А.Юнусов (Азербайджан), С.Манукян (Армения), М.Мусхелишвили (Грузия)